

Нестандарт

SEATTLE PUBLIC LIBRARY

0 01 00 3824387 8

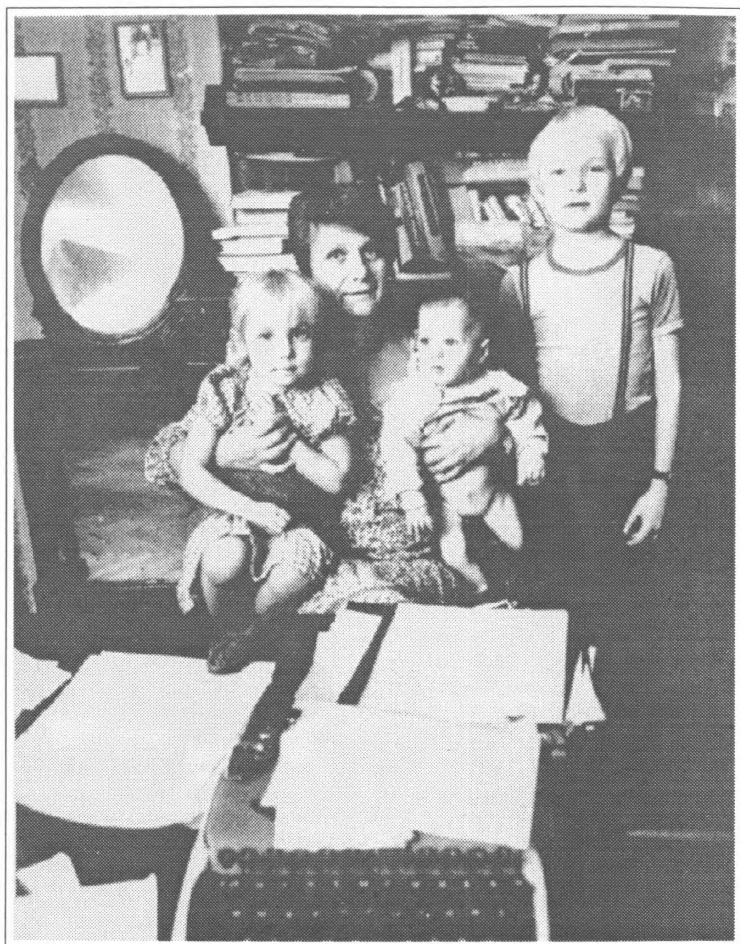

Людмила
Петрушевская

Настоящее

Люди
Петрушевская

Handwritten signature

Плюшкина
Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В ПЯТИ ТОМАХ

Татьяна Люмила Петрушевская

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 4

КНИГА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

СКАЗКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ВЗРОСЛЫХ

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СКАЗОЧКИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРБИ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ВОЛШЕБНИКАМИ

КОРОЛЕВСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ

**HUMANITIES DEPARTMENT
SEATTLE PUBLIC LIBRARY
1000 - 4TH AVENUE
SEATTLE, WA 98104**

ХАРЬКОВ-ФОЛИО ■ МОСКВА-ТКО АСТ

1996

Серия «Настоящее»
основана в 1995 году

Редактор
Инна Борисова

Иллюстрация
Ирины Затуловской

Художественное оформление
Веры Хлебниковой

Оформление суперобложки
Юрия Модлинского

На суперобложке использована
авторская фотография
Бориса Михайлова

Координатор издательской программы
«Настоящее»
Михаил Топорнянский

Петрушевская Л. С.
П30 Собрание сочинений. В 5 т. Т. 4. Книга приключений:
Сказки для детей и взрослых / Худож.-ил. И. Затуловская;
Худож.-оформитель В. Хлебникова.— Харьков: Фолио; М.:
ТКО АСТ, 1996.— 352 с.— (Настоящее).

ISBN 5-7150-0318-0.

В четвертый том собрания сочинений Л. Петрушевской включены известные и новые сказки, объединенные в циклы «Нечеловеческие приключения», «Лингвистические сказочки», «Приключения Барби», «Приключения с волшебниками», «Королевские приключения» и «Приключения людей».

П 882000000

ББК 84(2Рос-Рус)

ISBN 5-7150-0318-0 (т. 4, Фолио)

ISBN 5-7150-0314-8 (общ. Фолио)

ISBN 5-88196-800-X (т. 4, АСТ)

ISBN 5-88196-796-8 (общ. АСТ)

© Л. Петрушевская, 1996

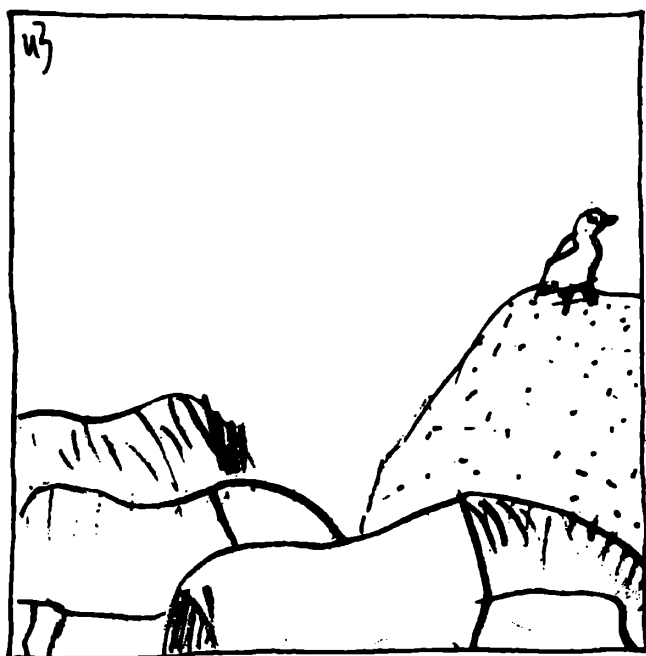
© Иллюстрации И. Затуловская,
1996

© Художественное оформление.
В. Хлебникова, 1996

© Суперобложка Ю. Модлин-
ский, 1996

© Фото на суперобложке.
Б. Михайлов, 1996

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Жил-был Трр!

Жил-был Трр! И у него был А-га! И они пошли в лес.

Тут навстречу им бежит И-ии! И говорит:

— А у меня есть бум-бум!

А Трр! говорит:

— Дай мне бум-бум.

А И-ии! отвечает:

— Не дам.

А Трр! говорит:

— Дай мне бум-бум.

А И-ии! отвечает:

— Не дам.

А А-га! говорит:

— Дай мне бум-бум.

А И-ии! отвечает:

— Не дам.

Тогда Трр! говорит:

— А ну давай сейчас же бум-бум!

А И-ии говорит:

-- На!

И бум, бум ему по голове!

Будильник

Жил-был будильник. У него были усы, шляпа и сердце. И он решил жениться.

Он решил жениться, когда стукнет без пятнадцати девять. Ровно в восемь он сделал предложение графину с водой.

Графин с водой согласился немедленно, но в пятнадцать минут девятого его унесли и выдали замуж за водопроводный кран. Дело было сделано, и графин вернулся на стол к будильнику уже замужней дамой.

Было двадцать минут девятого.

Времени оставалось мало.

Будильник тогда сделал предложение очкам.

Очки были старые и неоднократно выходили замуж за уши. Очки подумали пять минут и согласились, но в этот момент их опять выдали замуж за уши. Было уже восемь часов двадцать пять минут.

Тогда будильник быстро сделал предложение книге.

Книга тут же согласилась, и будильник стал ждать, когда же стукнет без пятнадцати девять. Сердце его очень громко колотилось.

Тут его взяли и накрыли подушкой, потому что детей уложили спать.

И без пятнадцати девять будильник неожиданно для себя женился на подушке.

Дай капустки!..

Зайчик сидел у окна и ел капустку.

Мимо шел козел и говорит:

— Дай капустки!

Зайчик дал ему капустки. Козел съел и говорит:

— Какая вкусная капустка! Дай еще.

Зайчик дал ему еще капустки. Козел съел и говорит:

— Какая вкусная капустка! Дай еще.

Зайчик дал ему еще капустки. Козел съел и говорит:

— Какая вкусная капустка! Дай еще!

Зайчик дал ему бумажку. Козел съел и говорит:

— О, какая вкусная капустка! Дай еще!

Зайчик дал ему тряпку. Козел съел и говорит:

— О-о! Какая вкусная капустка! Дай еще!

Зайчик дал ему газету. Козел съел и говорит:

— О-о-о! Какая вкусненькая капустка! Дай еще!

Зайчик дал ему скатерть. Козел ел, ел, потом понес домой, там ели козловы детки и старый козлов дедушка.

Тут пришла домой мама зайчика и говорит:

— Зайчик, а где скатерть?

— А зато капустка есть, садись, мама! — ответил зайчик.

Сказка с тяжелым концом

Однажды Лунная ночь ходила-ходила, бродила-бродила, шаталась по кустам, по болотам, да и потеряла с рукава пуговку.

Лунная ночь обозлилась и начала проверку: всю ночь шарила по лесам и полям, залезала во все колодцы, ведра и сапоги, светила в окна, под кровати, в горшки и кастрюли, прощупывала чайники, сковородки, чашки и наперстки, заглянула даже в пасть кошки, когда та особенно громко заорала на крыше — все напрасно.

Так Лунная ночь и убралась спать ни с чем, мокрая и с болтающимся рукавом.

А ее пуговицу нашли рабочие на стройке в котловане да и сдали свою находку в музей, специально гоняли экскаватор.

Она теперь лежит там в витрине с надписью: «Руками не трогать. Метеорит. Вес шестнадцать тонн».

Пушинка

Летела по свету Пушинка.

Это была волшебная пушинка, она могла возвращать то, что потерялось.

Летела Пушинка по свету и села на голову корове.

А данная корова единственно что потеряла за последние пять минут, так это свою коровью лепешку.

И тут же благодаря Пушинке корова нашла свою лешку и вступила в нее копытом, и ничего хорошего не произошло: не все, что мы потеряли, нам нужно!

В следующий раз Пушинка села на голову человеку, который потерял ключ от квартиры.

Этот человек уже шел покупать новый замок, потому что слесарь взломал старый замок и испортил дверь.

Пока что дверь заколотили кривым гвоздем.

Придя за новым замком в магазин, человек благодаря Пушинке нашел старый ключ в кошельке, куда полез за деньгами, и очень стал ругаться.

Опять ничего хорошего не вышло.

Пушинка тогда снялась с головы ругающегося человека и спустя час села на плечо к старушке, которая пришла из магазина, стала снимать обувь и обнаружила, что на одном ее валенке нет калоши.

Старушка в сердцах выкинула оставшуюся калошу в мусоропровод, а затем надела парадные сапоги.

Выйдя в сапогах из дому, старушка благодаря Пушинке обнаружила предыдущую калошу прямо посреди двора, где из-за нее дрались собаки, и старушка, с боем отобрав у них почти целую калошу, чуть не заплакала о предыдущей калоше, которую она выкинула.

Тут она пошла к уборщице ругаться, чтобы ей дали ключ от мусоропровода — искать калошу номер один, и на этом Пушинка ее оставила.

Опять ничего хорошего не получилось.

После этого Пушинка плюнула и двинула на вокзал, где, как известно, многие люди теряют то одно, то другое, и за короткое время там нашлось два пистолета, вставная челюсть и подушка, а затем вдруг один муж нашел свою жену, которую ему совершенно не хотелось в данный момент видеть, потому что он приехал из отпуска не один; муж получил от жены свою оплеуху, и ничего путного из этого не образовалось.

Но затем Пушинка села на плечо одной мамаше, и она нашла своего ребеночка, и вот тут начался всеобщий праздник, и плакали от счастья даже сотрудники детской комнаты милиции, где этот ребеночек провел последние два часа и сломал там пишущую машинку, мусорную корзину, замок несгораемого шкафа и козырек фуражки, которую тетя милиционер уронила впопыхах с головы.

Так что все кончилось прекрасно.

Моллюск и Моллюска

Одна Моллюска пришла в гости к одному Моллюску и говорит:

— Давай дружить домами!

— А что это такое, дружить домами? — спрашивает осторожный Моллюск.

— Не знаю, это так говорится: они дружат домами. Значит, один дом дружит с другим домом, ясно?

— А как это, — спрашивает опять очень осторожный Моллюск.

— Ну, один дом, например, помогает другому.

— А, — сказал недоверчивый Моллюск. — Ну хорошо. Помогите мне поймать вот ту жирную козявку.

— Ой, какая жирная козявочка! — заорала Моллюска и мигом ее проглотила.

— Ну вот тебе и дружба, — сказал Моллюск и захлопнулся в своем доме.

Но Моллюска закричала:

— Хорошо, начнем снова! Дружить так дружить!
— А как это, — спросил Моллюск, выходя.
— Ну, дружить — это значит хвалить друг друга, — подумав, сообщила Моллюска. — Ты первый.
— Ну хорошо же, — сказал Моллюск. — Так. Какой у тебя красивый домик!
— А что, сама построила, — ответила Моллюска. — Три месяца отделявала, так трудно было, все силы потратила.
— Так, — сказал Моллюск. — А теперь ты хвали мой домик.
— А че его хвалить, — сказала Моллюска, — чего в нем хорошего, обшарпанный какой-то вообще.
— Не получается у нас дружбы, — ответил на это Моллюск и опять захлопнулся.
— Все! — сказала Моллюска. — Все! Начинаем дружить сначала.
— А как? — спросил Моллюск.
— Ну так! — ответила Моллюска. — Надо помогать друг другу, когда нависает опасность.
— Ой, — сказал Моллюск, — что-то на меня надвигается, помоги!
— Ой, — завизжала Моллюска. — Ой, спасите!
И она мигом зарылась в песок.
— Ну и что это такое, дружить домами, — спросил Моллюск. — Я тогда не понимаю.
— Ты что, совсем не соображаешь? — крикнула Моллюска из песка. — Ведь мы уже давно дружим. Вот время провели, и хорошо. Всего вам доброго, до новых встреч. Я пошла смотреть телевизор.
Моллюск остался один, и ему вдруг стало скучно без дружбы, он подумал-подумал и сказал в песок:
— Эй, Моллюска, а после телевизора выйдешь?
И она ответила:
— Уже иду.
И тут же вышла гулять.

Молодой осел

Жил-был молодой Осел, у которого была маленькая неприятность, т. е. четыре уха.

Он слышал каждый звук за несколько километров.

И если, скажем, в соседней деревне кто-то чихал у себя в хлеву, Осел вопил как зарезанный:

— Зачем вы так громко стреляете из пушек!?

И в конце концов все начали смеяться над ним.

Действительно, кто это будет ни с того ни с сего орать среди полной тишины, скажем:

— Положите трубку, у вас бибикает!

Или:

— Закрутите, пожалуйста, кран, вода льется!

И все это неизвестно кому.

Приходили даже специально из других поселков дразнить молодого Осла: стучали по его крыше, возили камушком по стеклу и т.д.

Осел очень мучился, дико кричал и в результате решил бежать в город.

Он надел шляпу, чтобы спрятать свои четыре уха, да еще и заложил их вязаными шерстяными носками, перестал слышать вообще и отправился: пошел по полю, миновал лес, перебрался через речку и вступил в город.

Город это был необычайный: в нем жили одни животные.

На молодого Осла все пялились, особенно на его шляпу.

И молодая корова по имени Белка так сказала Ослу:

— Что вы делаете сегодня вечером? Приходите ко мне на день рождения.

Осел почесал под шляпой, а на самом деле он отслонил один носок от уха и попросил хозяйку повторить, что было сказано.

Она, удивленная, повторила.

У Осла в запасе была всего одна горбушка хлеба, и он с удовольствием согласился.

Вечером оказалось, что у Белки стол ломится от яств.

Там были эмалированные блюда свежего сена.

Там стояло три ведра помоев и целый поддон сухих корочек.

Молодой Осел долго пировал у Белки.

Хозяйка ему сказала в заключение:

— Не могли бы вы оказать мне любезность и пожить у нас некоторое время? Хлев имеем двухэтажный, как видите.

Осел опять почесал под шляпой (вы поняли, почему), и согласился — все равно ему некуда было податься.

Он занял сеновал и то жевал сено, то валялся на нем: полный кайф!

Вскоре к нему на сеновал повалил разный народ: коровы, лошади, овцы, верблюды и даже один крокодил дядя Коля.

Все они приходили посмотреть на диковинную шляпу молодого Осла и на его удивительное поведение: прежде чем ответить, он слегка приподнимал шляпу и, почесываясь, думал, а потом просил повторить вопрос.

Всех это просто поражало: такой молодой и такой солидный!

Никогда не ответит с места в карьер, всегда подумает!

Даже когда его спрашивали «как зовут», он и то сначала чесал под шляпой.

Его даже захотели сделать мэром.

Однако после таких посещений Ослу приходилось основательно убирать сеновал, орудуя вилами, так как народ приходил к нему невыдержанный, оставлял после себя так называемых «сироток», как это называла Белка.

— Опять сироток наклали, — говорила она, навешая молодого Осла.

Но сама Белка тоже не стеснялась.

Молодой Осел затосковал.

В деревне у них такого не случалось. В деревне все жили чисто.

Вскоре корова Белка заглянула к нему и сказала напрямик:

— На самом деле всех очень волнует, почему вы никогда не снимаете шляпу. Они говорят, что там у вас; под шляпой, пульт управления и что вы искусственный осел, осел-робот. Когда вы ходите в гости, вы никогда не оставляете сироток у себя под ногами. Вы не болтаете, как все, не кричите, вы всегда говорите не сразу, а после проверки под шляпой. Что вы на это скажете?

Осел полез под шляпу и попросил повторить сказанное.

Корова Белка воскликнула:

— Вот видите, народ прав! Снимите-ка вашу эту шляпу! Вы искусственный интеллект!

Пришлось Ослу скинуть шляпу, и его четыре уха развернулись как куст лопуха.

Причем они стояли твердо, так как в каждом был заложен шерстяной носок.

— Как красиво! — воскликнула Белка. — Вы с какой планеты?

А поскольку один носок Осел вынул, чтобы слышать, его от крика коровы просто передернуло.

Он надел шляпу и сказал, что отбывает на родину.

Тут же местные жители притащили ему телегу подарков, где было все — и сено, и тыквенные корки, и хлебные огрызки, а надо всем этим возвышалось любимое местное лакомство — кипа газет.

Осел впрягся в телегу и поволок ее в родную деревню, а местным сказал, чтобы не провожали.

Они послушались и остались на месте, ожидая грохота и глядя в небеса, по которым должен был промчаться молодой Осел с телегой в направлении родной планеты.

Там мы их и оставим, они, видимо, ждут до сих пор, а вот в собственной деревне молодого Осла встретили тепло и сказали:

— Без тебя здесь установилась такая тишина! Никто не кричит, не стучит о железо, не царапает по стеклу! Мы

поняли, какое это благо, тишина, и теперь назначаем тебя главным хранителем покоя. Зарплата ежемесячно какая пожелаешь.

И Осел сел в кабинет управлять тишиной.

Он, правда, не вынимает затычки из ушей, чтобы не штрафовать народ за каждый чих.

Но крупные скандалы он пресекает, особенно штрафует петухов.

А зарплату молодой Осел получает вчерашними газетами. Он сильно пристрастился к газетам за время своей жизни в городе, не может прожить без них и дня.

И даже собирается научиться читать.

Все непонятливые

Шла курица по улице.

Видит, червячок дорогу переползает.

Остановилась курица, взяла червячка за шиворот и говорит:

— Его везде ищут, а он тут гуляет! Ну-ка, пойдем скорее, у нас обед сейчас, я тебя приглашаю.

А червячок говорит:

— Я совершенно ничего не понимаю, что вы говорите. У вас рот чем-то такое набит, — вы выплюньте, а потом скажите, что вам надо.

А курица действительно держала ротом червячка за шиворот и поэтому говорить как следует не могла. Она ответила:

— Его в гости приглашают, а он еще важничает. Ну-ка, пошли!

Но червячок еще крепче схватился за землю и сказал:

— Я все-таки вас не понимаю.

В это время сзади подъехал грузовик и сказал:

— В чем дело? Освободите дорогу.

А курица набитым ртом ему отвечает:

— Да вот тут один сидит посреди дороги, я его ташу уходить, а он упирается. Может быть, вы мне поможете?

Грузовик говорит:

— Я что-то вас не очень понимаю. Я чувствую, что вы что-то просите, это я понял по выражению вашего голоса. Но о чем вы просите, я не понимаю.

Курица как можно медленней сказала:

— Помогите мне, пожалуйста, вытащить вот этого из грязи. Он тут засел в пылище, а мы его к обеду ждем.

Грузовик опять ничего не понял и спросил:

— Вам нездоровится?

Курица молча пожала плечами, и у червячка оторвалась пуговица на воротнике из-за этого.

Грузовик тогда сказал:

— Может быть, у вас болит горло? Вы не отвечайте голосом, а просто кивайте, если «да», или помотайте головой, если «нет».

Курица в ответ кивнула, и червячок тоже кивнул, поскольку его воротник находился во рту у курицы.

Грузовик спросил:

— Может быть, вызвать врача?

Курица сильно замотала головой, и червячок из-за этого тоже очень сильно заболтал головой.

Грузовик сказал:

— Ничего, вы не стесняйтесь, я на колесах, могу съездить за врачом — здесь всего две минуты. Так я поехал?

Тут червячок стал вырываться изо всех сил, и курица поневоле из-за этого несколько раз кивнула.

Грузовик сказал:

— Тогда я поехал.

И через две секунды врач был уже около курицы.

Врач сказал ей:

— Скажите «А».

Курица сказала «А», но вместо «А» у нее получилось «М», потому что рот у нее был занят воротником червяка.

Врач сказал:

— У нее сильная ангина. Все горло заложено. Сделаем ей сейчас укол.

Тут курица сказала:

— Не надо мне укола.

— Что?— переспросил врач.— Я не понял. Вы просите два укола? Сейчас сделаем два.

Курица тогда выплюнула воротник червячка и сказала:

— Какие вы все непонятливые!

Грузовик с врачом улыбнулись.

А червячок уже сидел дома и пришивал к воротнику пуговицу.

Верблюжий горб

Жил-был верблюд танцующий.

Все верблюды шли в караване или лежали на отдыхе, а он танцевал и по дороге, и лежа на привале — перебирал ногами. Танцуя на ходу, он бил посуду, ронял мешки, а танцуя лежа, он задевал ногами других верблюдов и скоро стал совершенно непереносим. Его выгнали.

Шел, шел верблюд, видит, на дороге лежит верблюжий горб и говорит: возьми меня.

— Зачем ты мне,— воскликнул верблюд, танцуя,— у меня и своих два горба висят, я и сам бездомный, зачем мне еще груз.

— Как хочешь,— заметил горб и остался лежать на дороге, а горб этот действительно был никому не нужен. Так он и стал лежать, делать ему было нечего, а наш верблюд пошел дальше и видит: цирк.

— Можно к вам?— спросил верблюд.

— Что вы умеете?— спросил директор цирка.

— Танцую,— сказал верблюд, действительно танцуя.

— Я и сам вижу, что вы танцуете. А вот что вы умеете? Вы умеете летать под куполом или ходить по канату?

— Нет,— сказал верблюд, машинально танцуя.

— А танцевать каждый умеет, я тоже танцую,— сказал директор.

— Разрешите пригласить?— спросил верблюд, и они вдвоем с директором пошли откалывать танго. После танца верблюд отвел директора на место, откланялся и ушел восвояси.

Идя обратно, он опять увидел верблюжий горб, верблюжий горб тихо плакал.

— Что ты плачешь, маленький?— спросил верблюд.

— Лежу и не могу сдвинуться с места,— ответил горб.

— Ну поехали,— сказал верблюд, взвалил на себя еще один горб и повез горб кататься. Шел он очень осторожно, все свои танцы оставил, чтобы только горб не свалился.

— Трехгорбый, трехгорбый!— закричали мальчишки в городе.

— Чудо, чудо из чудес! Верблюд о трех горбах! Ловите его!— закричали все и стали ловить верблюда. А верблюд теперь быстро бегать не мог, его поймали и продали в цирк. Там каждый вечер его выводили, и он стоял как истукан, а музыка так чудесно играла, но верблюд не делал ни шагу, боялся уронить горб.

Он боялся этого, во-первых, потому, что боялся, что вся жизнь его пойдет насмарку.

Во-вторых, он боялся, что не нужный никому горб снова окажется на дороге и будет лежать и плакать.

В-третьих, он боялся, что вообще разучился танцевать.

В-четвертых, он боялся, что вообще его танцы никогда никому не были нужны.

По этим и еще по многим другим причинам верблюд больше и не заикался о танцах.

Но третий горб все помнил и говорил время от времени, что «лучше моего верблюда никто и никогда не танцевал».

Заячий хвостик

Заяц шел по улице, и все кричали:

— Ах, какой хвостик! Где вы брали такой хвостик?

Заяц отвечал:

— Там уже такие кончились.

Особенно ему завидовали — художник, модница, шляпный мастер и вор.

Вор хотел бы заячий хвостик на счастье —

Модница для пудреницы —

Шляпный мастер для помпонов —

Художник на кисточки.

А Зайцу самому нужен был хвостик, вилять перед зайчатами: куда хвостик, туда и зайчата, и ни один не заблудится.

Но вот хвостик у Зайца пропал.

Заяц загнал зайчат домой и пошел в милицию.

А милиционер уже сидел там, схватившись за голову, потому что из музыкальной школы украли рояль.

Заяц заявил о хвостике и сказал, что подозревает:

Вора (хвостик на счастье)

Модницу (пудреница)

Шляпного мастера (помпоны)

И Художника (кисточки).

Милиционер вызвал всех и спросил для начала:

— Вы рояль не брали?

— Что вы!— возмутились Вор, Модница, Шляпный мастер и Художник.

— А тогда где хвостик?

Все увидели, что хвостика нет, и в один голос сказали:

— Лучше бы он достался нам, а то и сам Заяц не попользовался, и людям не дал.

Тогда милиционер свистнул собаку, и вся компания пошла по дороге.

Тут же нашлись следы: три глубоких, тридцать два маленьких, три глубоких, тридцать два маленьких и так далее.

И все увидели, что по дороге идет и наигрывает рояль, а сзади у него виляет заячий хвостик.

— Мой хвостик! — закричал Заяц и тут же закричал: — Мои зайчики! — потому что вместе с роялем шли все восемь зайчат.

Рояль вынужден был отдать хвостик обратно и вернуться в школу.

Но Заяц вынужден был отдать детей в музыкальную школу, потому что дети требовали от него невозможного: вилять хвостом, скакать на трех ногах и исполнять при этом марш! И блеснуть, и сверкать.

Кот, который умел петь

Жил-был Кот, который умел петь и пел вечерами для своей знакомой кошки. Но его знакомая кошка не обращала на него никакого внимания и не выходила гулять, а целыми вечерами сидела и смотрела телевизор.

Тогда кот решил сам спеть по телевизору. Он пришел на телевидение петь, но ему там сказали:

— Мы с хвостами не берем.

Кот сказал:

— Это пара пустяков.

Он зашел за угол, подвязал хвост к поясу и снова пришел на телевидение.

Но там ему опять сказали:

— С какой стати у вас лицо полосатое? На экране это будет выглядеть странно — все подумают, что это у них телевизоры испортились.

Кот сказал:

— Это пара пустяков.— Снова зашел за угол, потерялся о белую стену и стал белый, как стена.

Но на телевидении ему опять сказали:

— Что это еще за меховые варежки у вас?

Тогда кот разозлился и сказал:

— Меховые варежки? А вот это вы видели?

И высунул свои длинные острые когти.

Ему сказали:

— Ну, знаете что, с такими когтями мы вообще на телевидение петь не берем. Всего вам хорошего!

Кот тогда сказал:

— А я вам все ваше телевидение тогда испорчу!

Он залез на телевизионную вышку и стал оттуда кричать:

— Мяу! Мрряу! Фрряу! Пш-пш! Ку-ку! До-ре-ми-фа- соль!

И все передачи телевидения стали путаться. Но зрители терпеливо сидели и смотрели.

А кот кричал все громче, из-за этого все еще более перепуталось, и диктора показали вверх ногами.

Но зрители терпеливо сидели и смотрели, только головы перевернули так, чтобы было видно перевернутое изображение.

В том числе это сделала и котова знакомая кошка.

А кот прыгал и бегал по телевизионной вышке, и передачи от этого стали не только перевернутые, но и перекошенные.

И все зрители в ответ перекошились, чтобы удобней было смотреть перекошенное изображение.

И котова знакомая кошка тоже вся, бедная, перекошилась.

Но затем кот задел на вышке лапой какое-то хитро-сплетение, и телевизоры испортились и погасли.

И все тогда вышли на улицу гулять.

И знакомая котова кошка тоже вышла погулять со своей перекошенной внешностью.

Кот увидел это с высоты, прыгнул, подошел к своей знакомой и сказал:

— Гуляете?

И они стали гулять вдвоем, и уж тут-то кот спел ей все песни, какие хотел.

От тебя одни слезы

Маленький Лук давно собирался сказать Капусте, что они родня: оба сто одежек, оба без застежек...

А Капуста как раз шла купаться.

— Эй, Капуста!— крикнул с огорода Лук.— Я тебе родня!

— Кто-кто? Не слышу,— сказала Капуста.— Кто он мне?

Она очень спешила, ведь Капусты не могут жить без воды.

— Мы с тобой оба сто одежек и оба без застежек,— повторил Лук.

— Сколько-сколько?— спросила Капуста, уходя. Она очень спешила.

— Да сто, сто,— повторял Лук.

— Сто чего?— спросила наконец Капуста, но ответа ждать не стала.— Извини, иду купаться, не могу жить без воды.

— Я тоже, — сказал Лук,— я тоже не могу жить без воды, я ведь тебе родня.

И он выскочил из грядки и побежал за Капустой вслед.

Лук был готов во всем соглашаться с Капустой, неизвестно почему. Допустим, если бы Капуста была горшком и не могла жить без огня, Лук бы тоже сунулся в огонь. Так, кстати, многие Луки и поступают. Ради родни пойдешь на все... Но Капуста, по счастью, любила воду.

Капуста пришла на пляж и устроилась в тени под грибком.

— Капуста любит тень,— сказала она.

— Я тоже люблю тень,— сказал маленький Лук и сел рядом с Капустой.

Капуста стала раздеваться. Лук тоже — он ведь собирался искупаться!

Но как только он снял верхнюю одежду, Капуста начала морщиться, щуриться и тереть глаза.

— От тебя одни слезы,— сказала Капуста Луку. — И не ходи за мной больше.

Она ушла под другой грибок, разделась там до кочерыжки и отправилась купаться.

А Лук остался один, что и требовалось ожидать.

Но когда все кончается плохо, это вовсе не значит, что все вообще кончается и замирает. Может быть, дальше будет еще хуже.

А дальше появился Заяц.

Заяц шел мимо, увидел капустные листья и воскликнул:

— Чур мое!— и стал делать свое черное заячье дело.

Он скинул рубашку, набил ее капустными листьями и быстро пошел домой.

— Капуста!— закричал Лук с берега.— Твои одежды!

— Что мои одежды?— спросила Капуста.— И не приходи к воде близко, от тебя одни слезы!

— Твои сто одежек заяц уносит!— крикнул Лук, а Заяц так и сделал.

— Сколько-сколько?— переспросила Капуста.

— Все, все твои одежды заяц унес.

Тут Капуста вышла на крутой берег и заплакала уже не от лука.

— Кто я теперь без одежек!— плакала Капуста.— Кто я теперь? Я кочерыжка! Я никто!

— погоди,— сказал Лук.— Сейчас что-нибудь придумаем!

Но прежде чем что-нибудь придумывать, Лук побежал догонять Зайца — иногда самое главное догнать, а думать можно и по дороге.

— А что ты, Заяц, несешь?— спросил Лук первым делом.

— Я несу листики какие-то, никому не нужные,— ответил Заяц.

— А где ты их взял?

— Я их нашел там, на берегу, они валялись там.

— На бережку? Вот как удачно,— сказал Лук.— Это мои были листики. Спасибо тебе, что ты их нашел. А то я думал, что я их потерял. Спасибо большое-пребольшое. Давай их сюда.

— Нашел дурачка,— сказал Заяц.— Твои-то листики я как раз и не взял. Они до сих пор там и валяются. Кому они нужны.

Тут прибежала Капуста.

— Заяц,— очень вежливо сказала она.— Это мои одежды!

— Еще новости!— удивился Заяц.— А ты еще тут кто?

— Я капуста.

— Ты?— сказал Заяц.— Что я, капусту не видал? Ты никакая не капуста.

— Она капуста,— вмешался маленький Лук.— Я ее знаю.

— Какой-то пенек говорит, что он капуста,— возразил Заяц.— Какой-то огрызок.

И Заяц плюнул и пошел дальше со своим грузом.

А Капуста стояла и повторяла:

— Я без одежды никто, я завяну. Я вяну прямо на глазах.

— Ничего,— сказал Лук.— Что-нибудь еще придумаем!

Он обогнал Зайца и крикнул:

— Зайчик, остановись, я хочу что-то тебе сказать! По секрету! Только тебе одному!

— Не надо мне твоих секретов,— сказал Заяц,— мне надо домой...

— Очень хорошо,— сказал Лук.— тогда я их отдам другим зайцам.

— Кого это их?— спросил Заяц на ходу.

— Кого-кого, нагнись, тогда скажу, а то услышат,— ответил маленький Лук.

Заяц нагнулся к Луку.

— Ты, Заяц, слушай,— зашептал Лук, глядя прямо в глаза Зайцу,— ты нагнись поближе.

Заяц совсем нагнулся, крепко держа свою рубашку с листьями.

А Лук ему, глядя прямо в глаза, зашептал:

— Ш-пш-ш-п-ш, пш-шп-ш-п-ш.

— Говори помедленней,— говорит Заяц,— непонятно.

— Да ты шшшто, слушай шшшто, шшш-п-шшш!

А у Зайца уже потекли слезы!

— А ещщще,— шептал Лук,— шшто ещщще!
— Ну тебя,— закричал Заяц,— от тебя одни слезы!
И давай вытирать глаза лапами.

Рубашка у него упала, развязалась, и пока он тер глаза — Капуста раз-раз! — и оделась.

Заяц остался плакать, а маленький Лук побежал на берег одеваться. И Капуста вместе с ним за компанию — ведь родня как-никак, оба сто одежек, оба без застежек.

Говорят — слезами горю не поможешь. А бывает наоборот. Смотря кто плачет и смотря кто потом смеется.

Жучок-водомерка

Жил-был жучок-водомерка. У него был прекрасный домик над водой — с верандой, посудой и кроватью. Однажды в гости к нему залетела стрекоза, сама голубая, глаза зеленые, и сказала:

— Как у тебя прекрасно! Можно я буду здесь жить?

— Но ты не поместишься,— сказал водомерка.

— Я сложу крылья,— сказала стрекоза.

Она сложила крылья и поместилась в комнате. Но водомерка спросил:

— А как же мои братья и мама?

Стрекоза легла на кровать и сказала:

— Как тут чудесно!

Водомерка сказал:

— А у тебя есть свой дом?

— Нет,— ответила стрекоза.— Я поссорилась с ними и ушла куда глаза глядят. У меня никого нет на свете, ни

одной живой души. Я совсем одна. Ты добрый, водомерка, очень добрый. Я так тебя люблю, не гони меня. Мне кажется, что ты меня жалеешь. Если ты меня выгонишь, я умру от горя. Не гони меня.

— Я тебя не гоню,— сказал водомерка.— Просто ты очень большая, а домик у меня маленький. А у меня пятнадцать братьев и мама!

— Спасибо тебе, что ты меня не гонишь, хоть ты и говоришь, что я очень большая. Я не большая, я просто очень высокая. Я тонкая и хрупкая, я могу сложиться совсем-совсем и подобрать хвостик. Ты видишь? Я стала маленькая.

— Давай я тебе построю домик,— сказал водомерка.

— Гонишь меня?— спросила стрекоза и заплакала.

— Но мои братья и мама где поместятся?

— Поэтому ты меня гонишь?

— А как же быть?

— А почему ты гонишь меня, а не их?

Водомерка остолбенел и замолчал. А стрекоза все плакала.

— Ты меня совсем не жалеешь, ты жалеешь только их. А вот я, я жалею тебя! Они сидят у тебя на шее, все шестнадцать душ. Ты все за них делаешь. Строишь домики, а они тебя не любят. А я тебя люблю. Они не любят, а я люблю!

Водомерка не знал, что и сказать. Стрекоза продолжала:

— Почему ты обязан все для них делать? Почему ты не можешь хоть на секунду вспомнить о себе? Почему ты не можешь пожить без них? Я все для тебя сделаю, все-все!

— А мне ничего не надо,— сказал водомерка. Он был вообще тихий и скромный жучок. И, кроме того, ему действительно ничего не требовалось.

— На нас двоих,— продолжала стрекоза,— этого домика вполне достаточно — тихо, не шумно, по вечерам луна и звезды, вода в пруду сверкает. Никто не прыгает, не кричит, никто не упрекает, не заставляет. Мы жили бы только для себя. Вот увидишь — я умею так пре-

красно танцевать в лунном тумане. Я училась в балетной школе. Я играю на арфе. Вечерами бы к нам приходила прекрасная компания музыкантов. Представляешь? Тихая музыка над вечерней водой среди звезд, тумана и аромата цветущего луга. Хочешь, так будет? А? Хочешь?

Водомерка подумал и сказал на всякий случай:

— Посмотрим!

— Вот увидишь! У меня в камышинке спрятаны на всякий случай речные жемчуга, перламутровые раковины, посуда и подушки из камышового пуха. Ты не думай, что я бедная. Я из очень-очень хорошей семьи! Просто меня они все время упрекали, ругали, что я не хочу выйти замуж за этого рогатого уroda, за богача-усача. Ты его видел?

Водомерка испугался. Он видел один раз великана — рогатого жука-усача.

— А он, — продолжала стрекоза, — живет в земле, пахнет навозом и мажет свои крылья деревянным маслом. Он чавкает и икает. Он питается мелкими созданиями, он и тебя мог бы съесть. Ты представляешь, водомерка? Я ему тебя не отдам! — закричала стрекоза и неожиданно обняла водомерку четырьмя верхними лапками. — Ты мой, — шептала стрекоза.

И в этот момент в домик ввалилась вся семейка водомерки. Увидев такую сцену, семья опешила и остановилась. Водомерка сказал из объятий стрекозы:

— Знакомьтесь — это моя мама, это мои братишки!

А стрекоза, не выпуская водомерку из лап, сказала:

— Очень приятно! Водомерка, принимай гостей! Ставь чайник, все самое лучшее — на стол! Добро пожаловать в наш домик! Здесь хотя и тесно, но довольно уютно.

Водомерка побежал на пруд за водой. А стрекоза распустила половину своих крыльев и стала жаловаться водомеркиной маме:

— Я так устала. Водомерка такой больной. У него от сырости болят коленки. Я его завтра отнесу к врачу-усачу — он лечит эти заболевания прогреваниями. Усач —

мой знакомый врач. Он все для меня сделает. У него есть первоклассные навозные шарики. Он закладывает туда больных и катает туда-сюда.

От стрекозиных крыльев в доме было не повернуться, и все семейство водомерок толпилось на веранде. Это была тихая почтенная семья, и все водомерки называли маму на «вы». Когда водомерка вернулся в свой домик с полным чайником, стрекоза сказала ему:

— Твоей маме, видите ли, я не понравилась. Твоя мама что, не хочет, чтобы у тебя была своя семья? Не хочет, чтобы у тебя были дети? Ты знаешь, какие у нас могут быть дети? Водомерки с крылышками: и по воде, и по воздуху. Как лебеди.

И действительно, ни мамы, ни братьев в домике водомерка не нашел. Он стал раздумывать: куда же они подевались? То ли на старую родину — в соседний пруд по канавкам и лужам, то ли в камыши, к дружественной семье соседних водомерок.

— Ты молчишь и не отвечаешь,— сказала стрекоза. — Я сейчас брошусь отсюда в воду и утону. Ты что, хочешь, чтобы я утонула, ну?

И она вскочила на подоконник. В глазах у нее стояли огромные слезы. Водомерка испугался и словно потерял дар речи. Он вообще был неразговорчивый жучок. А тут такие дела!

— Считаю до трех,— сказала стрекоза.— Раз. Похоронишь меня, где белые лилии. Завернешь в паутинку. Два с половиной. Спасибо, что ты меня похоронишь, уж лучше в воду, чем замуж за усача. Лучше я умру. Друг мой, единственный мой братик, ты не хочешь, чтобы я вышла за усача и погибла? Нет? Нет, ты не хочешь, чтобы меня закатали в навозный шарик? Отвечай!

— Нет,— сказал водомерка. Вообще-то ему было все равно, но и гибели он никому не желал.

— Спасибо, что ты меня не гонишь. Не гонишь? Нет?

— Нет,— ответил водомерка. Он в жизни никого ниоткуда не выгонял. Только пауков из своего домика при

помощи веника. Пауки поселялись в любом пустом углу молниеносно и заплетали все так, что младшие дети увязали в паутине по грудь. Водомерка воевал с пауками. Это была опасная и трудная война. И приходилось запира-
ть все окна и дверь уходя.

— Замечательно,— сказала стрекоза и спрыгнула с окна. Она поставила чайник на плиту, нарезала салат, все так красиво разложила, и в конце концов водомерка, как король, был усажен за стол с салфеткой вокруг шеи. Водомерка поел, выпил чашечку чая, а стрекоза все убрала, помыла, вытряхнула, подмела пол и прилегла отдохнуть. Водомерка же лихорадочно размышлял о том, как поживает его несчастная семья: и где они ютятся, и не плачет ли самый маленький. Водомерка, отец исчез куда-то, у водомерок это случается, но семья держалась стойко, и каждый год выводился новый водомерка.

Стрекоза тем временем опять открыла рот:

— Водомерочка, какой ты хорошенький! Ты просто-напросто прелесть! Скажи, а куда ушел ваш папка? Бедны ты мой водомерочка!

Ответ был такой:

— Папа хотел принести маме раковинки жемчужные, они лежат под большой корягой, и с тех пор его никто не видел.

— А ее, жемчужину? Видели?

— Конечно, ее хорошо видно, если встать прямо над корягой и немного поднырнуть. Глубоко-то нырнуть я не сумею, я еще небольшой, могу и не выдержать, сказал мама.

— Мама!— воскликнула стрекоза.— Тебе что мама скажет, то ты и пасть раскрыл. Самому надо доходить своим умом! Жемчужина большая?

— Так, средняя, как моя голова.

— Ого,— вздохнула стрекоза.— Но ты же у меня сильный, ты же полный чайник с пруда принес по горе и по лестнице. Ты силач, да?

Водомерка ответил:

— Раковина вот только большая. Красивая раковина, перламутровая, но очень большая.

— Подумаешь,— отвечала стрекоза.— Ты в два захода: первый раз — жемчужинку, второй раз — раковинку. Я тебе помогу хорошо спрятать эту жемчужинку в мою камышинку. У меня, я тебе говорила, есть пустая камышинка, туда много что поместится. У меня тоже были речные жемчуга, но усач все отобрал, скотина рогатая,— зашипела стрекоза. — Подсмотрел, где я храню. Говорит: я тебе подарил, а теперь они мне понадобились. И забрал.

Тут стрекоза зарыдала.

— Не плачь,— сказал водомерка,— если хочешь, я туда нырну. Но ведь я могу и не вынырнуть, как мой папа.

— Папа твой сбежал, и все,— сказала стрекоза.— Не выдержал, что твоя мама командует тут. И кому понравится такое? Каждый год новая водомерка, с ума сойти. Если бы они еще летали, а так что? Все говорят, твой папа сбежал к бабочке. Ну, ты пошел?— спросила стрекоза.

— Я пошел,— сказал водомерка.— Тебе окошко закрыть?

— Нет, я люблю прохладу и ветерок. Я люблю вечерний туман и чтобы звезды сверкали. И занавесочка надувалась, как парус. Какой у нас красивый дом!

Она еще долго говорила, а водомерка уже мчался на полной скорости по пруду, потом по лужам и канавам на старую родину — в соседнее озеро. Там в камышах водомерка и нашел всю свою испуганную семью. Ночью таскали сухие сосновые иглы и строили временный шалаш. Мама лежала, укрывшись листом подорожника, и плакала. Водомерка всех утешил, вытер сопли, слезы, застегнул пуговицы, сандалии, причесал, умыл, поднял мамашу и сказал:

— Теперь уже пора.

Они быстро помчались обратно, скользя по лужам и канавам, и прибыли как раз вовремя. Из домика неслись громкие вопли стрекозы:

— Отстань! Развяжи, кому сказано! Отцепись, поганая рожа!

И т.д.

Водомерка схватил с лестницы веник и ворвался в свой дом. Через некоторое время оттуда вылетел прямо в воду паук с мотком веревки и банкой клея и, отдуваясь, поплыл. Затем водомерка вынес на веранду стрекозу, всю связанную веревками, и стал разматывать и разрывать паутину. Тем временем семья водомерок зашла в дом и закрылась изнутри. Водомерка освободил стрекозу, и она сказала:

— Тьфу на тебя и на твой домик. Лучше ночевать на воздухе, чем тут с пауками. Жемчужину не принес? Так я и знала. Жук-усач мне сам все достанет. Он-то может нырять, как водолаз. Я ведь знаю, где лежит жемчужина. Привет твоей семье!

И она улетела.

Водомерка же аккуратно положил веник под лестницу, открыл ключиком дверь, вошел и плотно захлопнул ее. Дома уже все спали. И водомерка тоже лег спать весьма довольный собой.

Паровоз и лопата

Однажды Паровоз очнулся посреди пути.

Рядом тек ручей, шумели деревья, все двигалось, а Паровоз стоял как вкопанный.

В чем было дело, он не знал.

Вообще его разбудила Лопата Для Угля, которая громко сказала, что ржавеет, к сожалению.

Что угля достаточно, вода есть, а толку никакого, стоп машина.

Паровоз промолчал, возразить было нечего, он стоял, а Лопата все возражала, все постукивала, шебаршилась в куче угля, но сдвинуть Паровоз она была не в силах.

Собственно говоря, до станции было совсем недалеко, минут пять, а там имелось все необходимое — машинисты, смазчики, обходчики, кочегары и помощники машинистов.

Паровоз даже знал куда ехать: вперед.

Но он вяло стоял, такие дела.

И тут вдруг Паровоз захватил какой-то посторонний пассажир с двумя чемоданами и рюкзаком.

Он прямо-таки взял Паровоз на бордаж, догнал, так ему, пассажиру, показалось.

Пассажир закинул вещи в кабину машиниста на бегу (так ему показалось) и впрыгнул сам на ходу (ничего не понял в спешке).

Он сел в углу и долго приходил в себя, обтирался платком.

Потом он посмотрел в окно.

Потом на часы.

Потом пассажир высунулся в дверь, подумал, сошел с Паровоза, погулял, оценил обстановку, плюнул на Паровоз (Лопата ахнула).

Потом он пнул ногой по колесу (Лопата сильно звякнула).

Потом пассажир выругался и полез обратно на Паровоз.

Там он снял пальто, пиджак и шарф, аккуратно снял шляпу и развесил все по гвоздям.

Потом пассажир поплевал на руки, схватил Лопату (Лопата чуть не упала в обморок) и стал бросать уголь в топку.

Видимо, попался знающий пассажир.

Потому что паровозы уже давно не ходят по путям, и про наш Паровоз никто и не вспоминал.

И угольку у него осталось мало, и воды не хватало.

Пассажир рассмотрел всю механику, что надо повернул, открыл, закрыл, нажал все по очереди, дернул, двинул, потом чиркнул спичкой, затем осмотрел циферблат — а Паровоз уже почувствовал огонь в груди, задышал, крикнул во все горло, Лопата задрезжала, все поехало.

Однако Паровоз чувствовал, что дело нечисто, он едет неправильно.

Надо было ехать вперед, на станцию, к смазчикам и обходчикам, там и уголь и вода, еще пять минут — и мы дома, а пассажир тянул куда-то не туда, а именно назад, и Лопата задрезжала, что пассажир ведет себя нечестно, тащит Паровоз куда ему самому выгодно, а о будущем не думает.

«Назад — это куда же? — растерянно думал Паровоз, — это совсем не к станции, это дорога на долгий-долгий перегон, и угля добраться до следующей остановки не хватит, опять стоп машина, теперь уже навеки».

Тем не менее Паровоз как честный труженик не сопротивлялся, благодарный пассажиру хотя бы за то, что тот вообще обратил на него внимание.

И Паровоз велел молчать старой Лопате.

А бойкий пассажир перетрогал все рычаги, добиваясь именно заднего хода, ему надо было в другую сторону — и баста.

— Но ведь мне на станцию, на станцию, — гудел Паровоз, — чтобы ехать далеко, надо запастись водой и углем!

Тем более что задним ходом Паровоз никогда еще не ездил — сто метров, не больше.

Но пассажир уже тронул Паровоз и вел его на попятную, назад.

Паровоз скрипел, шатался, но ехал: он привык доверять руке машиниста, хотя на сей раз это был явно не машинист.

Паровоз пятился, пассажир хлопотал, а Лопата взяла и пожертвовала собой: сбросилась с кучи угля, звякнула на

прошанье и завалилась через порог открытой двери — на рельсы.

Паровоз загудел о Лопате прощальную песню, это была его Лопата с пеленок, с первого гудка.

А дело повернулось так, как Лопата и рассчитывала — то есть пассажир, услышавши звяк, кинулся узнать в чем дело и, как дошлый человек, высунулся в дверь поглядеть: Лопата как раз валялась на рельсах и с каждым мгновением удалялась.

А без Лопаты и думать нечего управлять Паровозом, не пятью же пальчиками загребать уголек!

Тогда пассажир, делать нечего, остановил могучую машину и тихо-тихо тронул ее обратно, то есть, по разумению Паровоза, поехал в правильную сторону.

Паровоз радостно пошел вперед, развел пары и так увлекся, что промчался мимо Лопаты, Паровоз понял, что она только этого и добивалась, — и он вихрем рванул туда, вперед, где на станции его ждали смазчики, водолеи, углепогрузчики, ремонтники, обходчики и дежурный по вокзалу.

Пассажир хватался за рычаги, тянул, поворачивал, но Паровоз, наплевав на все, шел к своей цели!

И он доехал до станции, победил.

А пассажир смирился со своей судьбой, сошел на перрон, посмотрел расписание в обратную сторону и отправился в буфет пить пиво.

(Надо сказать, что Паровоза на месте прибытия никто не ждал и угля уже давно не было в тех краях, но об этом после).

Что касается Лопаты, то она говорила себе: «Я победила».

Лопата лежала на рельсах довольная, она помогла своему Паровозу бежать!

Ну и разумеется само собой, что лопаты на дороге не валяются, вещь нужная, и ее подобрал обходчик, и она теперь состоит у него в хлеву при корове и в саду на свежем воздухе, сладкая черная работа, земля даже кажется Лопате пухом (по сравнению с углем), и появились новые

друзья — вилы, грабли, ведра, тяпки-лейки, занятой народ.

Они с недоверием слушают Лопатины рассказы о дальних дорогах, отдыхая ночью в сарае, и говорят все больше о погоде и здоровье, что ломит кости перед дождем или что у лейки прохудилось под носиком.

А Лопата, копаясь в огороде, смотрит по сторонам — как хорошо, кругом просторы, поля, небеса, рядом железная дорога, видать родные места, все хорошо, вдруг да и покажется Паровоз...

Что касается Паровоза, то он долго стоял неподвижно на запасном пути, никому не нужный, спал, плакал — а дежурный по станции все сообщал руководству в город: так и так, прибыл старый паровоз и как с ним прикажете поступать.

Паровоз думал, что нет единственной родной души — Лопаты, и что напрасно она ушла, стояли бы вместе где-нибудь в чистом поле, беседовали бы...

Тем не менее судьба его решилась в один прекрасный момент — вокруг него вдруг забегали, налили ему воды, начинили углем, принесли новую лопату — и он поехал ни много ни мало как на съемки фильма о старых временах!

У него началась увлекательная жизнь совершенно в других местах, у него теперь даже две лопаты, его гоняют по путям, и он пускает роскошные пары.

Вот что значит, думает он, что я вовремя проявил упорство и умчался к новой судьбе!

Остановился бы около своей старой лопаты — и так и застрял бы на веки вечные, а меня ждала совершенно другая жизнь.

Правильно сделал, думает Паровоз, а то бы вообще заржавел там.

И нечего жалеть о Лопате.

И еще он все время думает, что старая Лопата, ржавая и грязная, была бы тут совершенно не к месту, и балованные актеры, которые играют кочегаров, так и так бы

потребовали ее заменить, и лучше уж пусть она думает, что сама покинула его, так ей будет легче.

Он все время думает, что правильно поступил, промчавшись мимо нее, спасая свое дело, свою работу и искусство кино.

И она о нем думает, стоя в темном углу коровника, ржавая и некрасивая.

Она вспоминает о Паровозе с любовью, и эти мысли согревают ее.

— Ему там, на станции, наверно, хорошо,— размышляет она.

Она воображает Паровоз ярким, начищенным, с полным брюхом угля, «мой красавец» — думает Лопата.

И она стоит радостная и не подозревает, что где-то вдаль о ней грустно гудит Паровоз:

— Люблю-ууу! Никогда не забудууу!

Красивая свинка

Жила-была Свинка. Она была красивей всех. У нее была сестра Запятайка, которая была добрее всех. Затем шел младший братец Хвостик, который был самый любимый. Так все и было: Свинка красовалась, Запятайка всем помогала, а Хвостик был для поцелуев.

Мама Хрюня и папа Хряпа поругивали Свинку за характер, гордились Запятайкой, а Хвостика обожали.

Бывало, идут гулять: впереди бежит Хвостик, чумазый и веселый, за ним торопится заботливая Запятайка, следом спешат толстые Хрюня и Хряпа, а сзади плавно выступает красавица Свинка, которой неудобно за свою

семью. Свинка всегда чистенькая, хорошо одетая и говорит так:

— Не могу видеть, какой он грязный, его надо помыть, вашего Хвостика. А вы его балуете, и Запятайка тоже. Он совсем не слушается.

А мама Хрюня отвечает:

— Ничего, вырастет, будет аккуратней.

— Это с чего он будет аккуратней? Вы же ему все позволяете! Он во всех лужах перевалился, всю грязь собрал!

— Не ворчи, Свинка, не показывай характер,— говорит на это папа Хряпа,— ты тоже маленькая не всегда отличалась чистотой, мама тебя мыла каждые полчаса.

— Вот и его надо так же. Меня мыли, и теперь видите, какая я.

— Ты у нас всегда лучше всех,— отвечает на это мама.

— Разумеется,— гордо говорит Свинка и идет на расстоянии.

Все разговоры в семье кончались этой шуткой, но если говорить всерьез, то Свинкой все очень гордились, и мама шила ей красивые платья с оборочками.

Однако всегда бывает так, что если очень чем-то гордишься, то надо приготовиться к слезам. Вдруг Свинка заплакала: она увидела у соседки Утки зеленые сапожки.

— Мама-папа, я хочу такие же,— плакала Свинка.

— Ты и так у нас лучше всех,— привычно отвечали Хрюня и Хряпа.

А Хвостик даже засмеялся:

— Ха-ха, ха-ха, поплачь еще!

— Нельзя смеяться над Свинкой,— заметила Запятайка, вытирая Хвостика нос.— Свинка у нас лучше всех.

— Нет,— отвечал Хвостик, уворачиваясь от носового платка,— вон у соседки есть зеленые сапожки, а у Свинки нету.

— Не в сапожках дело,— отвечал папа Хряпа,— другим нужны сапожки, чтобы быть лучше всех, а Свинка и без того самая красивая.

Но Свинка все равно плакала и злилась.

А надо сказать, что в этот момент мимо как раз проезжал со своей тележкой старый и толстый Волк. Волк недавно заехал в эти края, торговал всякой всячиной, притворялся добрым, но Хряпа его недолюбливал.

— Здравствуйте, уважаемые!— своим добрым хриплым голосом сказал Волк.— Откуда эти слезы? Зачем онé?

— Ничего, ничего,— сказала Хрюня,— у нас просто плохое настроение.

— У вашей соседки Овцы было тоже плохое настроение, но теперь она купила зеленые сапожки и счастлива.

— А почему сапожки?— спросила Свинка.

— Да они не продаются. Я же не продавец. Просто Овца постриглась и всю шерсть свою и мужа отдала мне. Корова балует меня сметанкой, мям,— облизнулся Волк.— Я же не ем мяса. Ну и вот. От вас мне ничего не надо. Были бы у папы рога, а у мамы грива, а у вас перья, я бы еще подумал, а так и говорить нечего.

Тут Свинка зарыдала.

— Связалась я с вами и выросла свиной! Лучше бы я родилась у курицы или у козы, чем у вас, в вашей семье! Вы нищие! Я вам серьезно говорю, что я от вас уйду!

— Какой симпатяга этот Хвостик!— сказал Волк.— Дети — это единственное, ради чего стоит жить. Так что у вас, у свиной, тоже кое-что есть.

И на том он уехал со своей тележкой.

— Что, что у нас есть?— набросилась Свинка на родителей.

— Щетина,— отвечал папа Хряпа и с силой почесал затылок.

— Щетина — важная вещь,— сказала мама Хрюня.— Щетки, кисти, помазки, без этого мир не стоит. Всем нужно.

Свинка помчалась во весь опор за Волком и догнала его у дома Коня. Жена Коня только что вынесла Волку

два роскошных хвоста, а сам Конь, смущенный, выглядывал из дверей своей передней половиной. Волк о чем-то переговаривался с Лошадью и наконец отдал ей коробку, после чего прямо на глазах у Свинки жеребята вышли гулять в соломенных шляпках, нарядилась и Лошадь, и у Коня возникла шляпа, он стоял в дверях в соломенной шляпе, видимо, стесняясь отсутствия хвоста.

Свинка подбежала к Волку, но он уже повернул оглобли и не стал долго с ней разговаривать, только сообщил на ходу, что грубая Хряпина щетина ему не нужна, а только очень мягкая.

— Я постригусь,— сказала Свинка, догоняя Волка.

— Мало,— ответил Волк.

— Я братика постригу.

— Родители разрешат?— спросил Волк.

— Разумеется!— горячо воскликнула Свинка.

— А то приходите ко мне, прямо в лес, я вас и постригу, как мне надо. Темный лес, правая тропа, шестая нора, нижнее логово. И сестренку берите. Ежедневно ближе к ночи.

— А зеленые сапожки еще есть?

Волк помотал головой и приостановился.

— Как нет?— завопила Свинка.— Для уток есть, для овец есть, а для меня нет?

— Вот приходите с братом и сестрой, поищем.

Свинка ничего не сказала родителям, но, дождавшись вечера, она шепнула Хвостикку два слова, после чего Хвостик завопил:

— Пошли! Я хочу жвачку!

А Запятайке умная Свинка сказала так:

— Мы с Хвостиком пойдем по грибы, говорят, есть такие грибы трюфели, они вылезают из земли только после ужина, ближе к ночи. А потом они прячутся. Их могут находить только поросята, как Хвостик, с самым нежным пяточком. Согласна пойти с нами? Вот будет подарок родителям! По секрету!

Запятайка было засомневалась, но ее тоже увлек этот новый секрет и перспектива быть полезной родителям. Запятайка с уважением взглянула на Свинку и согласилась.

— По дороге завернем кое-куда и спросим кое-кого, не купят ли у нас эти грибы. Они очень дорогие.

Хвостик, правда, после ужина стал сильно капризничать, требовал, чтобы его несли на закорках, но умная Свинка обещала ему, что он сегодня не будет мыться на ночь, и Хвостик согласился. И Свинка быстро пошла надевать панамку.

Однако Запятайка задержалась с мытьем посуды, и, когда все собрались у калитки (а мама с папой уселись перед телевизором), девочки увидели, что Хвостик весь облеплен грязью, да не просто так, а с украшениями в виде кусочков газетной бумажки.

— Где это ты так изгваздался, свинья?!— завопила Свинка.

— Ты же сказала, что я сегодня не буду мыться, и я повалялся в свое удовольствие в луже, а ягнята обсыпали меня бумажками, мы все так смеялись!— заявил Хвостик.

— Ну ладно,— сказала Свинка,— по дороге будет еще одна лужа, хочешь?

Она планировала его хорошенько вымыть в лесном озерце, но пока что помалкивала об этом, зная жуткий характер Хвостика: он считал, что раз ему что-то обещали, то обязаны сдержать свое слово. Он страшно орал, когда понимал, что его обманывают. «Избаловали ребенка»,— сокрушенно подумала Свинка, закрывая за собой калитку.

Запятайка взяла веселого грязного Хвостика за руку, и все трое помчались к лесу. Свинка по дороге стала играть в «кто выше подпрыгнет» — она надеялась, что таким образом грязь, облепившая Хвостика, отвалится.

— Какая ты стала веселая и хорошая!— закричал Хвостик, не понимая, куда и зачем его ведут вприпрыжку.

А Волк уже поджидал их со своей тележкой у поворота и пригласил всю семейку прокатиться — он был умный, этот Волк! Все уселись, Волк впрягся и помчался с бешеной скоростью. Только Свинка очень стеснялась ужасного вида своего брата и по дороге старалась обобрать с его нежной щетинки комья грязи с бумажками и иногда щипала его довольно чувствительно, отчего Хвостик дико плакал, а Запятайка его утешала. Так они и приехали на бережок ручья, где виднелся вход в волчье логово — узкая дыра.

— А ну, что я вам покажу!— заорал Волк жутким добрым голосом.— Заходить по одному, и только чур не визжать! А то съем!

Тут все захохотали, и Свинка приготовилась войти первой, но Волк сказал: «Молодым везде у нас дорога», — и пригласил сначала Хвостика. Причем в руке у Волка сверкнула большая бритва. Хвостик взвизгнул от любопытства. Запятайка испугалась, но Свинка стала ей быстро объяснять насчет зеленых сапожек, жвачки и так далее. При словах «жвачка» и «мороженое» Хвостик подпрыгнул и ринулся в нору, но Запятайка задержала его и сказала, что пойдет с ним вместе. Они заспорили. Волк кипятился и доказывал, что сразу двое в дыру не пролезут, при этом очень рычал и показывал зубы, стараясь развеселить публику, но Свинке было не до смеха — она стыдилась своей шумной сестры и немытого брата.

А тем временем мама Хрюня поглядела в окно, послушала, и что-то ей не понравилась абсолютная тишина около домика. Папа Хряпа мирно храпел у телевизора (под свою любимую программу «Сегодня в мире животных»), но мама Хрюня его разбудила и послала к Уткам, а сама побежала за Овцами. Детей нигде не оказалось, и через две минуты Хрюня и папа Хряпа, тяжело дыша, стояли у калитки своего дома в окружении соседей. Младший ягненок посмотрел на дорогу и увидел клочки газетной бумаги.

— Вот тут проходил Хвостик!— заявил он.— Мы играли в луже, мы обсыпали Хвостика бумажками, как будто идет снег. Вон и впереди бумажки, и еще...

— А когда это было?— строго спросил отец Баран, который был обрит наголо.

— Давно!— заявили ягнята.

В это время подошли Конь без хвоста, но в новой шляпе и Лошадь в длинной юбке, видимо, тоже без хвоста, но зато опять-таки в новенькой шляпке.

— Что случилось?— спросила Лошадь в шляпке.

— Пропали дети,— сказала Хрюня, а папа Хряпа засопел.

Лошадь заметила:

— Я всегда так воспитываю своих жеребят, что они без спросу даже на шаг от меня не отходят, все время у хвоста. — Тут она спохватилась и поправила юбку на том месте, где у нее был раньше хвост.

Отец Баран заметил, дрожа от вечернего холода всем своим бритым телом:

— Что-то ваша Свинка около Волка крутилась сегодня, уж не продала ли она ему чего?

Его жена, бритая Овца в новых зеленых сапожках, поддакнула:

— Да, она в ее возрасте слишком большая модница, все интересовалась насчет зеленых сапожек! Волк ей так прямо и сказал: не обещаю!

— Волк?— угрожающе спросил папа Хряпа, и щетина на его загривке стала дыбом.

И вся компания побежала по следам, ища на дороге грязные бумажки.

Тем временем у волчьей норы Запятайка крепко держала вырывающегося Хвостика, он визжал, что хочет жвачки и мороженого, а Свинка, бледная от стыда, тихо уговаривала разъяренного Волка подождать и не уходить — Волк уже спрятал бритву и утверждал, что его ждут в другом месте другие поросята. «Не одни вы свиньи на свете,— рычал он,— а сапожки всем нужны».

В доказательство он даже сбегал в нору и вытащил большую розовую коробку, но не открыл ее, а поло-

жил в кусты. На этом месте у Свинки градом потекли слезы, и она крепко стукнула упрямую Запятайку по спине.

Запятайка охнула и выпустила Хвостика, который со всех ног кинулся в волчье логово, а Волк быстро нырнул за ним, на ходу шаря в кармане штанов, видимо, насчет бритвы.

Тут Свинка схватила Запятайку за шею и не пускала ее бежать вслед за Хвостиком, а, наоборот, тащила ее в кусты, где лежала розовая коробка.

— Пусти!— вопила Запятайка.

— Идем, чего покажу!— кричала Свинка.

А из логова в добавление ко всему понесся долгий и отчаянный визг Хвостика.

— Прошу тебя, пусти!— плакала Запятайка.

— Дура!— кричала Свинка.— Ничего ему там не делается, его постригут, и все, нужна щетинка, и все! Идем посмотрим сапожки!

Но тут послышался топот, и на поляну выскочили Конь и Лошадь, а на спинах их виднелось все деревенское население: папа Хряпа впереди, за ним три ягненка, а на лошади мама Хрюня, отец Баран и Овца в зеленых сапожках. Остальные ягнята ехали на жеребятках, а что касается уток, они прибыли позднее своим ходом, во главе с селезнем, по воздуху.

При этом из волчьего логова доносился такой дикий визг, что все растерялись, но мама Хрюня быстро соскочила наземь и кинулась в нору, и, конечно, не пролезла, зато она увидела в норе своего сына и командовала ему:

— Хвостик! Немедленно домой, уже поздно!

Еще она сказала туда же, в нору:

— И вам не стыдно?

Визг перешел в плач и поцелуи, которые раздавались там, в норе, а наружу выходили в полузадушенном звучании, потому что мама Хрюня заткнула собой нору.

Все население принялось тащить Хрюню за ноги, и Лошадь сердито говорила, что раньше у нее был хвост

и это было страшно удобно, во-первых, вместо веера от мух, во-вторых, протянул кому надо куда надо — и тащи. А тут, в лесу, приходится от комаров отбиваться копытами.

Затем Хрюню вытащили, а она, в свою очередь, выгребла из норы сначала Волка, который моргал на свету, и чудесно улыбался, и говорил, не понимая, что произошло:

— Какие у нас гости, как волшебно, будем пить чай...

Запятайка тут же вынесла из логова Хвостика со связанными ножками и еще более грязного, чем раньше, и папа Хряпа схватил их обоих на руки.

Тут Свинка выступила вперед в своем сильно порванном платье и стала защищать Волка, объясняя насчет молодой щетины, но отец Баран не стал ее слушать. Дрожа от вечернего холода, он велел Волку раз и навсегда убираться, срок — двадцать четыре секунды.

Лошадь добавила:

— А то растопчу, копыта я еще не продала!

Волк убрался мгновенно, только погрузил на тележку мешки с шерстью, конским волосом и утиным пером, за каким процессом с грустью наблюдали все участники встречи.

Затем все весело помчались домой, и, что интересно, от быстрого бега развалились и сапожки, и шляпы, и народ вернулся домой без обновок, но в целом довольный тем, что дети спасены, а Волк ушел.

А Свинка с тех пор стала еще умней и иногда даже моет посуду собственноручно.

Самовар

Один самовар буквально бросили и забыли, так получилось.

Все лето этот самовар провел как гордость и украшение стола, слушал со всех сторон хвалебные речи и гордо пел свои песни каждый вечер в окружении чашек и блюдец, варенья и печенья.

Говорили, что чай из самовара пахнет как-то по-особому, не то что из чайника, и дети специально ходили с корзиночками в лес за шишками, чтобы топить самовар, и это была целая история, раскопчегарить самовар, целая наука, так просто к самовару было не подойти — иногда даже требовался старый сапог, до того доходило дело.

А самовар был сверкающий, его нашли на чердаке и так начистили, что он выглядел как зеркало, причем кривое зеркало, перед которым хотелось корчить рожи, и все вокруг самовара весело смеялись, пели, пили чай и рассказывали смешные истории, а дети устраивали целые спектакли вечерами, под звездным небом, и никто не боялся комаров, поскольку дым самовара их отпугивал.

Вот такой был этот самовар, гордость семьи, и внезапно его бросили и забыли.

Вдруг все вокруг опустело, щелкнул замок, заревел мотор — а самовар остался стоять на полке вместе с убогим старым чайником, мало того, с самовара впопыхах уронили крышечку, и он стоял без своей шапки, растерянный и обиженный.

Он бы заплакал, но перед отъездом его насухо вытерли полотенцем, и слез не было, да и краник ему крепко завернули, неоткуда было капать этим слезам.

Он, самое главное, не мог понять, за что с ним так обошлись, почему его так жестоко покинули.

Он бормотал:

— Это я сам виноват, я никуда не гожусь. Но дети тоже хороши! Якобы они меня любили! Якобы носили мне воду

из родника в ведерочках и шишки из лесу! Они это исключительно делали для себя, вот что. Чтобы себе было лучше, а я дурак верил!

— Дурак, — соглашался старый чайник. — Ты дурак.

— Конечно, — бубнил самовар, — они обо мне заботились, чистили меня речным песком. Может, они не такие и плохие, это я, наверно, плохой. Может быть, я надоел им со своими песнями, пел как дурак.

— Дурак, — соглашался чайник. — Просто дурак ненормальный, что ты ноешь тут. Нашел о чем ныть. А я вот отдыхаю в кои-то веки, я радуюсь, что меня оставили в покое.

— Но какая-то ведь должна быть причина, что они меня разлюбили!

— Я думаю, ты не электрический, и все, — важно говорил чайник. — Был бы ты электрический, тогда другое дело. Тебя бы взяли в город. Но ты не электрический...

— За это не бросают, — отвечал самовар, — они наоборот меня хвалили, что я кипячу чаек с дымком, отпугиваю комаров.

— Ты, медный лоб, чегой-то не дотумкиваешь! — говорил чайник. — В городской квартире ты бы своим дымком всех придушил как тех комаров.

— Да, в городе бы я не пригодился, — горевал самовар, — я простой, поэтому они меня бросили.

— Ты шишкоед деревенский, — твердил чайник, — был бы ты электрический как я, а ты простой шишко-глот.

— Что мне делать, что мне делать, — стонал самовар. — Слез нет, броситься мне, что ли, с полки вниз головой? Это будет мой ответ им.

— Ага, — говорил чайник, — кто один раз упал, тот будет падать все ниже и ниже, как мой дядя чайник. Он упал со стола, и тогда его бросили еще ниже, в поганое ведро, а потом ведро унесли и принесли уже пустое, и где теперь мой дядя чайник находится, неизвестно, да и никому не интересно. Ведро такое поганое, говорит: «Со временем узнаете, а пока что не ваше дело». Так что вот такой путь, опасная дорога.

— Но что-то ведь надо делать в ответ на это, — бормотал самовар, — ведь я не могу сидеть сложа руки, если меня обидели! Я же не безответная тля, которую можно обидеть когда кто захочет!

— А тля вовсе не так плоха, — отвечал на это чайник. — Попробуй обидь тлю. Да она тебя не заметит и будет жить дальше. Тля ни на кого не смотрит. Тля себя уважает!

У чайника на все был готов ответ.

— Стою такой блестящий, никому не нужный, — горько шутил самовар на следующий день.

— Ну и что что ты блестящий, — восклицал чайник. — А я вот не блестящий, а все равно я себя уважаю. Ты давал концерты в хорошую погоду, а я работал как медный котелок у солдата, с утра до вечера. И даже ночью, если кто-нибудь заболел. А когда шел дождь и ты прекращал свои выступления, я вообще вкалывал один. И учти, меня никто не хвалил, мною просто обогревались, без меня была бы не жизнь. А ты стоял и красовался.

— Да нет, я не красовался, это все они меня сами начищали и баловали, — стонал самовар.

— Вот-вот, — отвечал чайник, — тебя баловали, а меня нет. Теперь ты потерял все, а я как жил так и живу небалованный, и даже отдыхаю. Брюхо не давит, нутро не кипит, легко, просторно, тихо! Как хорошо!

— А во мне сидят неспетые песни, — тихо признавался самовар, — я бы мог принести много радости. Но я оказался никому не нужен. И потом, моя шапочка валяется на полу. Вот это меня просто убивает, как они жестоко со мной поступили. Специально унизили мою шапочку! И это при том, что я все им отдавал, я буквально жил для них!

— Нужна им твоя шапочка, дурак. Они просто торопились, — говорил чайник.

— Вот был бы я как ты электрический, — вздыхал самовар. — Они бы меня тогда не бросили.

Чайник смеялся:

— Дурак опять. Меня-то они как раз оставили здесь!

— Действительно, — удивлялся простодушный самовар. — Я как-то об этом не подумал: ты ведь скромный, работающий, безотказный, причем ведь электрический, ты бы мог им служить и в городе! Почему они и тебя покинули? Какие жестокие они, какие бессердечные.

— Да ты что, — возражал чайник (у него на все был ответ).— Ты что, я ведь рабочая косточка, куда меня поставят, там я и работаю. Кто-то должен тянуть свою ляжку здесь. В городе работает мой брат, а в деревню поехал я. Зато у меня зимой отпуск, я отсыпаюсь, у меня будет долгая здоровая жизнь, а моему братану в городе тяжело, я ему не завидую: шум, вонь, суета.

— Нет, твоему братану не тяжело, — восклицал самовар. — Это такое счастье, петь и дарить людям чай, стоять посреди стола и слушать похвалы.

— Нас, чайников, никто не хвалит, дурак ты, что ли, — раздалось в ответ.— Нас не ставят на стол, нас держат в сторонке на подставке. И мы никому ничего не дарим, мы на работе, дотумкайся своим умишком.

Так толковал чайник и потихоньку засыпал.

А самовар все никак не мог успокоиться.

Тем временем настала глубокая осень, пошли проливные дожди, и оставленный дом плакал всеми своими окнами.

Крыша не выдержала и тоже потекла.

Короче, влага начала просачиваться сквозь потолок, и одна капля упала прямо в самовар (крышки-то не было).

— Ну вот, — сказал самовар, — наберу побольше воды, до самого носика, и наконец смогу поплакать.

— Опять-таки, — не согласился чайник, — если твой носик заплачет, значит, он прохудился, и тебя выкинут туда же, куда выкинули дядю чайника!

— Кто меня выкинет!— воскликнул самовар.— Нас бросили, оставили навеки!

— Дурак ты пузатый, — сказал чайник.— Они же вернуться в мае! А ты будешь с дыркой в носу! Ты понимаешь меня?

— Как, как это они вернуться в мае?— заволновался самовар.— Не понял. Они что, придут?

-
- Да, — ответил чайник.
 - Они что, принесут нам воды?
 - Да, — ответил чайник.
 - Мы что, опять запоем?
 - Ну да, — ответил чайник.
 - Так, — сказал самовар. — Так, так, — сказал он. —

Внимание, я на работе.

Он сказал это недаром, потому что дожди все шли, и с крыши все капала и капала вода, и он добросовестно ее собирал.

Прошли снега, прошли весенние талые воды, самовар наполнился до краев, позеленел, покрывлся от сырости пятнами, но не сдался, не продырявился, и вот заревел, приближаясь, мотор машины, загремел ключ в замке — и в дом первыми ворвались дети.

Полы и окна были мгновенно вымыты, солнышко сияло в чистых стеклах, чайник работал на полную катушку, самоварную крышку водрузили на место, но в самовар никто не заглянул, а он скромно стоял и хранил в своем сердце ржавую, тухлую воду с крыши.

Иногда кто-то говорил, что надо бы почистить самовар, но на этом дело и кончалось.

Однако самовар не жаловался даже когда ехидный чайник говорил ему:

— Ну что, красавец, спой нам песенку.

Так продолжалось до тех пор, пока не пошел дождь.

Тут уж самовар не выдержал и заплакал (ведь он теперь был в шапочке, и вода лилась по самовару, струилась по его щекам, брюху, ножкам прямо на пол).

Плача, он восклицал:

— Почему никто не догадался, что в крыше дыра? Почему никому не пришло в голову снять меня с полки? Теперь я, видимо, дырявый, как крыша, я плачу, теперь я ухожу к дяде чайнику навсегда, но я себя уважаю и не жалеюсь, прощайте, прощайте, мне пора.

И он безудержно плакал.

Тут все заметили, что случилось, забегали, закричали, кто-то полез на чердак, подставляя под дырку ведро,

а потом только стали снимать самовар с полки, и когда воду пролили, тут только выяснилось, что он был полный.

Сначала стали кричать друг на друга — кто такой раззява, что оставил самовар, полный воды, на всю зиму, и самовар теперь пришел в полную негодность, осталось его только выкинуть.

Потом стали гадать, кто мог налить в самовар тухлой воды и опять-таки испортить его до такой степени, что остается только отнести его на помойку.

Самовар стоял в большой луже на полу, грязноватый, пятнистый, пузатый, с прозеленью, маленький и неказистый, и думал про себя: «Они меня не поняли! Они не сообразили, почему я стоял с водой! Они не знают, что я спас дом от сырости! Ну и неважно, пусть меня отнесут на помойку, это не страшно. Там дядя чайник, он ведь как-то существует, ну и мы будем. Главное, что я ведь уважаю себя! Мне везде будет хорошо, если я себя уважаю».

Так что он спокойно стоял и ничего не ждал.

А вот чайник — тот кипятился и вовсю свистел, что самовар работал как медный котелок для вас же, для вас, дотумкайтесь, всю зиму спасал дом — но чайник просто выключили.

Однако потом кто-то самый умный догадался вылить из самовара оставшуюся воду и почистить его песочком, после чего самовар просиял, после чего дождь кончился, после чего дети побежали за шишками, за родниковой водой, и в саду, при ясном закате, самовар запел свою скромную песенку, и он был счастлив.

Самое интересное, что в доме тихо стоял всеми покинутый теплый чайник и тоже был счастлив, неизвестно почему.

Старая дружба

На одной полке стояли радио и глобус.

Глобус молчал, а радио говорило не умолкая, и рассказывало про погоду, про уличное движение, про политику, и как солить грибы и сохранять рябину, и пело, шептало, выло и грохотало — и страшно надоело глобусу.

Глобус говорил:

— Как же ты мне надоела, болтливая коробка, старая трещотка, у меня гудит голова от тебя, пустая башка без мозгов, дудка, в которую все дудят кому не лень, а своего мнения нет и ума ни на грош!

И он крутил головой от возмущения.

А как раз напротив полки, на комод, стояли часы и молча тикали, изображая на своем круглом лице усиленный труд.

Иногда часы возражали глобусу, что ведь радио на работе, понял или нет? Оно пропадает буквально на службе, некогда слово лишнее произнести, мы с ним — тут часы делали оп-ля! и переходили на следующую цифру — мы с ним все время в труде, в напряжении, не то что некоторые (часы имели в виду глобус, разумеется).

Глобус возражал:

— Мне и не надо напрягаться и трудиться, меня просто надо уметь читать, поняли вы?

— Ну что там написано мелкими буквами, — тикали часы, — кто это будет копать! Вот мы, я и радио, мы сразу понятны всем! Трик-тряк, трик-тряк.

Глобус иногда даже пытался спорить с радио.

Радио скажет: такое-то время столько-то минут.

А глобус:

— Сами не слепые, будильник вон он.

Радио объявляет:

— Час музыки!

А глобус:

— Ой, бедные мои ушки!

Причем радио никогда не спорило с глобусом и не возражало ему: было некогда.

И глобус возмущался: подумаешь, какие мы гордые!

А вот часы возражали:

— Глобус, ты круглый дурак, у радио нет ни секунды тебе отвечать! Если бы мы разговаривали со всеми нашими клиентами, работать было бы некогда!

— А оно как неживое, это радио, — кипятился глобус, крутя башкой, — пустое место, даже сказать ничего не может, механизм!

— Ну и что, ну и механизм, да, мы такие, — возражали часы, — это ты пустое место, а мы полные!

Кончилось дело на том, что глобус, рассерженный сверх меры, так стал крутить своей круглой башкой, что раскачался, стукнул радиоприемник, потерял равновесие, и они вместе, как два брата, свалились с полки.

И глобус раскололся ровно напополам, на восточное и западное полушария, и Америка укатилась под диван, а Азия с Африкой и Европой остались посреди комнаты на подставке с торчащим гвоздем...

Что касается радиоприемника, то он больше не говорил ничего.

Часы тикали — трик-трюк, вечная память, нет слов, мысли о вас долго сохраняются в наших сердцах, кто упал, тот пропал.

И радио с глобусом вынесли на помойку.

Азия с Африкой и Европой лежали в тесной компании с банкой из-под краски, группой картофельных очистков и старым букетом.

Американское же полушарие накрыло собой две куриных головки и патриотический журнал.

Что же касается радиоприемника, то на нем лежал драный резиновый сапог только что из лужи, а вокруг расовалась целая россыпь яичных скорлуп.

Азия с Европой и Австралией кричали в сторону радио, что сожалеют, так все нелепо получилось, Америка же твердила, задыхаясь от запаха куриных головок, что надо было терпеть и терпеть, а радиоприемник мужественно молчал в своем окружении из яичной скорлупы и под грязным сапогом.

Что делать, пришли такие времена!

— Как вы там?— спрашивали Африка с Австралией.—
Как, держитесь?

— Спасибо, — хрипло шептало радио из одной только вежливости (сапог давил на темечко), — спасибо.

Конечно, какое там спасибо, но что еще можно было сказать!

Вот тут-то мимо и прошел старичок-помоишник, бедный человек, который заглядывал в мусорные баки и выуживал оттуда полезные вещи: мало ли что выбрасывают хорошие люди!

В конце концов все окажется на помойке.

Тем он и промышлял.

Старичок увидел половинку глобуса с Европой и Азией на подставке и с торчащим гвоздем и пожалел себя: у него никогда не было глобуса, начиная со времен детского садика.

Старичок не поленился, потеснил старый букет и добыл из картофельных очистков эти полглобуса, а потом порылся и нашел вторую половинку, ура!

Затем старик обнаружил абсолютно целенький радиоприемничек, которого у него тоже на данный момент не было.

Старичок принес помойных жителей домой, сначала красиво заклеил глобус, незаметно, изнутри, чтобы все острова и океаны сошлись между собой.

Потом он потряс радиоприемник, приложил его к уху, и вдруг радио заговорило!

Запело, заскрежетало, задудело!

Вот была радость!

Старичок поставил обе свои находки рядом на стол, тоже недавно принесенный и совсем целый, если не считать одной ноги; ну да стол прекрасно опирался и на подоконник.

Старичок выслушал известия по радио и тут же покрутил глобус и нашел все названные диктором города!

То есть это было полное счастье для всех.

Глобус говорил, что он страшно рад, что много вертится по работе, что сотрудничает теперь с радио.

Радиоприемник в ответ в двадцать первый раз предсказывал погоду.

— Да что вы, — вежливо удивлялся глобус снова и снова. — Надо же!

Он всячески старался лишней раз похвалить радио.

Не потому что понял, как опасно ругаться и тем более драться головой: разобьешь ту же голову.

А потому, что ему очень понравилось, как разбитое радио ни словечком не упрекнуло его, лежа на помойке.

Оно тогда тихо и вежливо сказало «спасибо».

И вот в этот момент глобус понял, какого друга он потерял!

Но все кончилось прекрасно, как вы поняли.

Тельняшка Джек

*Сценарий
мультипликационного фильма*

Глава первая

КОНФЕТЫ, КОТОРЫЕ ПАДАЮТ С НЕБА

Тельняшка Джек был старый морской волк, но никто не знал этого, все думали, что он просто кот. Тельняшка Джек никому ничего не говорил о том, что он морской волк, потому что боялся, что ему никто не поверит. Тельняшка Джек усвоил все морские привычки, ел по утрам овсяную кашу, а если ему, в особенности вечерами, хотелось повить на луну, он терпел и даже не совался на балкон, и даже задерживал занавески.

Но днем он часто выходил на балкон и таким образом подружился с соседским ребенком, который также часто

выходил на балкон: возьмет конфету и идет с ней на балкон. Или возьмет бутерброд и опять спешит на балкон. Ему нравилось есть на свежем воздухе, в особенности потому, что на соседнем балконе сидел обычно Тельняшка Джек и сворачивал из бумаги кораблики.

Тельняшка Джек в свободное время занимался тем, что разводил бумажные кораблики. А так как свободного времени у него было хоть отбавляй, поскольку свою службу на море он уже завершил, то он все время занимался своим излюбленным делом. Корабликов у Тельняшки Джека было множество, они жили у него в аквариуме, плавали там под парусами и приплывали по первому зову.

Надо сказать, что весной Тельняшка Джек выпускал свои кораблики в ручей, и они плыли себе в реку, а потом в море, а потом и в мировой океан, и по дороге вырастали и превращались в большие настоящие корабли — об этом Тельняшка Джек часто рассказывал детям, и все это знали. Поэтому никто никогда не выбрасывал бумажки от конфет и не делал из них фантиков, а все эти бумажки относили Тельняшке Джеку, и он сворачивал из них особенно красивые кораблики — серебряные, цветные или прозрачные, в зависимости от того, какие были конфетные бумажки.

Такой сверкающий новый кораблик Тельняшка Джек иногда сажал в отдельное блюдце, и все кораблики в аквариуме толпились в одном месте, чтобы получше разглядеть новый корабль в отдельном блюдце.

Однажды Тельняшка Джек сделал особенно красивый кораблик, посадил его в блюдце с водой и решил отнести на балкон и подарить там своему приятелю, которого звали Цыплак.

Когда Тельняшка Джек вышел на балкон, Цыплак стоял на своем балконе и разворачивал огромную конфету.

— Красивая у тебя конфета, — заметил Тельняшка, а сам, как будто нечаянно, поднял повыше свое блюдце и стал на него смотреть. Кораблик засеребрился и, распустив паруса, поплыл по блюдцу с водой.

— И вкусная, — ответил Цыплак. — Я уже четвертую ем.

— Мама купила? — спросил Тельняшка.

— Нет, с неба свалилась, — сказал Цыплак и пискнул со смеху.

Тельняшка не любил, когда над ним смеялись, но ребятам он все прощал и только старался объяснить им все, чтобы они впредь не насмеялись ни над кем.

— Ты неправ, — рассудительно и спокойно сказал Тельняшка, — с неба не должны валиться конфеты, а ты не должен смеяться над старым Тельняшкой, это нехорошо. Я тебе хотел кое-что подарить, но это неважно. Так на чем мы остановились? С неба валится снег и падает дождь.

— Нет, с неба последнее время стали валиться конфеты, — возразил Цыплак. — Один раз спустился апельсин на веревочке, а один раз ничего не спустилось, пустая веревочка с крючком.

— С неба? — спросил Тельняшка Джек.

— Да, — ответил Цыплак, занятый конфетой.

— Я не люблю, когда некоторые врут, — сказал Тельняшка Джек.

— Смотри, внизу машина какой-то марки, — сказал в ответ Цыплак, — она уже давно тут стоит, а какой марки, неизвестно.

— Я с тобой говорю серьезно, — сказал Тельняшка Джек, — но тебя, видно, только конфеты интересуют, а никакие не кораблики.

— Меня машины интересуют, — возразил Цыплак, но Тельняшка уже его не слушал, а повернулся и ушел с балкона, чтобы пустить новый корабль в аквариум.

Но, придя к себе домой, Тельняшка Джек решил, что все-таки надо будет подарить кораблик Цыплаку, потому что Цыплак ведь ребенок, а дети любят придумывать и сочинять, и не стоит на них обижаться.

С этими мыслями Тельняшка Джек снова вышел на балкон.

Но на балконе уже никого не было. Только с неба, планируя, слетали два перышка, и одно из них присело прямо в блюдце и поплыло рядом с корабликом. Другое же перышко опустилось Тельняшке Джеку сзади на воротник.

Тельняшка позвал Цыплака. Но ответа не было. Тогда Джек понес свой подарок прямо домой Цыплаку. Дверь открыла мама Цыплака, по имени Птушка. Она пошла за

сыном, но Цыплака не было ни в комнате, ни на кухне, ни в ванной, ни в стенном шкафу, ни за диваном, ни под столом. В конце концов Птушка обратилась за помощью к своему мужу Кукареку, который сидел перед телевизором и, не отрываясь, смотрел футбол.

— Цыплак спрятался, — сказала Птушка Кукареку, — нигде его нет, а дверь на лестницу была заперта на запечку.

Кукарек рассердился, схватил веник и стал шарить под кроватью и под шкафом.

— Не могут без меня обойтись, — ворчал он, — без Кукарека ни одно дело не делается.

Однако под шкафом и под кроватью было пусто.

Тельняшка Джек, Птушка и Кукарек вышли еще раз на балкон. Внизу не было никого, только стояла черная машина.

— Нет, он не упал, какое счастье!— сказала Птушка и расплакалась.— Как я рада! Такая радость!

— Радость-то радость, — сказал Кукарек, — а Цыплака нету.

— Позвоним в милицию, — сказал Тельняшка Джек.— Хоть я и не люблю тамошнего Шарика, но он ведь по специальности ищейка, а мы не ищейки.

Еще бы Тельняшке Джеку любить Шарика — коты ведь не любят собак, тем более морские коты сухопутных собак, которые моря и не нюхали.

Глава вторая

ЧТО СКАЗАЛ ИЩЕЙКА ШАРИК И ЧТО ПОДУМАЛ ДЖЕК

Когда Кукарек позвонил в милицию, Шарик, ни секунды не медля, надел свои медали, застегнул служебный намордник, сел в служебный мотоцикл и прибыл на место происшествия.

Он вежливо поздоровался с хозяевами дома и очень вежливо поздоровался с Тельняшкой Джеком, — но по-

скольку намордник все еще был застегнут, Шарик приветствовал Джека неразборчиво, так что можно было подумать, что Шарик заворчал.

Тельняшка Джек все еще стоял со своим блюдечком, в котором плавали взад и вперед кораблик и кудрявое перо. Тельняшку Джека совсем не обидело неразборчивое приветствие Шарика, потому что морской кот никогда не обижается на сухопутных овчарок. Он даже не ответил Шарика, потому что мысли его были заняты совсем другим: он решал вопрос — куда мог деться ребенок из запертой квартиры?

Шарик обшарил всю квартиру, везде понюхал, в одном месте даже снял намордник и лизнул — это было на балконе, там валялась какая-то бумажка.

— Шоколад, — сказал Шарик, облизываясь.

— Он недавно ел большую шоколадную конфету, — сказал Джек.

— Откуда вы знаете?— спросил Шарик.

— Я стоял на балконе и видел.

— Но откуда у него большая шоколадная конфета?— удивилась Птушка.— Ему ведь нельзя шоколада. Кто ему дал?

— Я ему не давал, — ответил Кукарек.

— Я тоже не давал, — сказал Джек.

— Значит, конфета свалилась с неба, — мрачно пошутил Шарик.

— Да, он сказал, что конфета свалилась с неба и что он ест уже четвертую, и что перед этим с неба спустился.еще и апельсин, — сказал Тельняшка Джек.

Шарик вдруг сказал:

— Интересно у вас получается, гражданин Тельняшка. Апельсины падают с неба, конфеты падают с неба, ребенок исчез из запертой квартиры неизвестно куда... А вы-то сами где живете?

Джек, занятый своими мыслями, повернулся и пошел провожать Шарика, и тут Шарик заметил у него на воротнике перышко. Ловко, одним когтем, он подцепил перышко и предъявил Птушке.

— Это его перышко, Цыплака!— поразилась Птушка.— Это у него было третье перышко справа вверху на хвосте!— И Птушка заморгала.

А Тельняшка Джек, занятый своими мыслями, шел впереди, ничего не замечая, и распахнул дверь своей квартиры.

Шарик опять все везде обшарил, вышел на балкон, измерил расстояние между двумя балконами, покачал головой и сказал:

— Вы, гражданин Тельняшка, больше нам не нужны. Занимайтесь своими личными делами, идите куда вам хочется, словом — отдыхайте. Всего хорошего.

Тельняшка Джек запер за гостями дверь и присел, размышляя. Кудрявое перо плавало по болюдечку.

Внезапно Тельняшка схватил перышко и стал долго его рассматривать. Потом пустил перышко лететь на пол. Потом поднял его и произнес:

— Оно упало сверху на балкон. А что выше балкона?

Тут Тельняшка Джек подумал и ответил:

— Выше балкона небо. Но есть еще чердак. Он, правда, ниже неба — но выше балкона. Апельсин мог спуститься с чердака. Конфета могла спуститься с чердака. Крючок на веревочке мог спуститься с чердака. И подняться обратно на чердак. И поднять кого-нибудь на крючке...

И Тельняшка бросился на лестницу, где была дверца, ведущая на чердак. Однако на дверце висел большой замок. Чердак, по всей видимости, был заперт прочно.

— Ура!— прошептал Тельняшка Джек.— Сейчас я их поймаю...

И со всех ног Тельняшка Джек кинулся к себе домой. А из соседских дверей, через щелочку, за ним наблюдал внимательный глаз Шарика.

Тельняшка Джек выскочил на балкон, вытащил туда стол, на стол поставил стул, на стул — скамеечку, вска-

рабкался на самый верх и, ухватившись за край крыши, стал подтягиваться.

— Вы специалисты, вы овчарки и ишейки, — бормотал он, — а мы простые морские волки. Но морские волки тоже кое-что смыслят в жизни. Если чердак заперт на замок, то они оттуда не ушли. И тогда они узнают, что такое моряк на суше.

А Шарик все наблюдал, теперь уже с балкона.

— Сейчас мы вас поймаем, — сказал Тельняшка Джек, вылезая на крышу.

— Сейчас мы вас поймаем, — сказал с балкона Шарик. — Пока еще, — объяснил Шарик Птушке, — брать его нельзя. Он должен быть взят на месте преступления. А то мы его задержим, а Цыплака не найдем.

Тем временем Джек через распахнутое окошко влез на чердак. Там было пусто и тихо. Пахло пылью. Джек пробежал по чердаку, заглянул во все углы и, облепленный паутиной, остановился.

На чердаке никого не было.

— Может быть, это с вертолета спускали крючок?— спросил сам себя Тельняшка Джек.— Нет, тогда был бы шум. А может быть, это летающая тарелочка унесла нашего Цыплака? Нет, у них там не стали бы заниматься всякими крючками и апельсинами.

И, не помня себя от расстройства, Тельняшка Джек пнул ногой чердачную дверь. И тут — о чудо! Дверь распахнулась, внизу показалась лестница и дверь Цыплаковой квартиры, и дверь Тельняшкиной квартиры...

Джек выскочил, потрогал замок — это был совершенно незапертый замок, и висел он на одной петле, ничего собой не закрывая. Джек стоял и размышлял.

Тем временем внизу раздался рев мотора, Джек бросился к окошку — черная машина, мягко покачиваясь, заворачивала за угол.

Джек стал бешено звонить в Цыплакову дверь, так как он знал, что у Шарика есть мотоцикл. Но дверь никто не открыл... Надо сказать, что в этот самый момент хитроумный Шарик карабкался с балкона вверх на

крышу, и его поддерживали Кукарек и Птушка. Шарик шел за Тельняшкой Джеком буквально по пятам, надеясь схватить его на месте преступления. Джек, не дождав-шись ответа, кинулся к себе домой, вывел свой старый велосипед, сбежал по лестнице и поехал вслед за машиной за угол.

Птушка увидела его с балкона, но было уже поздно: Шарик взобрался на чердак и нюхал следы Тельняшки Джека. Пока Птушка звала Шарика, Тельняшка Джек на полной скорости уже гнал по шоссе, надеясь увидеть впереди черную машину неизвестной марки.

Глава третья

ДВОЙНАЯ ПОГОНЯ

Через две минуты мотоцикл Шарика тоже сворачивал за угол, и Шарик, выскочив, нанюхал след велосипеда, который терялся на шоссе...

В это время отряд Бегемотов производил там же дорожные работы.

То есть отряд Бегемотов никаких работ не производил, все Бегемоты сидели на обочине и ели бутерброды, а поперек дороги они поставили загородку с указателем: «Проезд закрыт».

Черная машина мягко остановилась перед загородкой, несколько минут постояла, затем водитель снова включил мотор, на первой скорости опрокинул загородку и скрылся в отдалении.

Бегемоты переглянулись, посмотрели вслед машине обиженно, покачали головами и снова поставили загородку и повесили указатель «Проезд закрыт».

Через минуту подъехал запыхавшийся Тельняшка Джек. Бегемоты еще издали увидели его. Тельняшка Джек

прочел указатель, взял велосипед под мышку и обошел загородку по обочине.

Бегемоты удивились такой хитрости Джека и что-то стали ему кричать, но Джек уже мчался дальше, как ветер. Впереди он видел черную машину, которая без особой спешки ехала по шоссе.

Тем временем к загородке подъехал мотоцикл Шарика с Птушкой и Кукареком на борту. Шарик вылез и, как всякий уважающий запреты и дорожные указатели водитель, пошел поговорить с Бегемотами. Но Бегемоты категорически запретили Шарика нарушать правила движения на дорогах, и дело пока застопорилось.

А Тельняшка Джек тем временем мчался по шоссе вслед за черной машиной. Он уже разглядел в ней водителя с какой-то чрезвычайно круглой головой, похожей на скафандр. По бокам этой круглой головы торчали непонятные треугольники, и все это, вместе взятое, навело Тельняшку Джека на мысль, что он имеет дело с космическими пришельцами, и что где-то там, в машине, находится украденный ими Цыплак. Тельняшка Джек боялся, как бы космические пришельцы не улетели с Земли, прихватив с собой Цыплака, и он торопился отобрать у них Цыплака, пока еще тот находился на Земле.

Так думал Тельняшка Джек, изо всех сил работая педалями, а круглоголовый в машине ехал и ехал себе самым спокойным образом, и расстояние между велосипедом и машиной неизвестной марки начало сокращаться. И Джек уже совсем было хотел схватить машину за бампер, как вдруг круглоголовый случайно посмотрел в боковое зеркальце. Треугольники на его голове повернулись и стали торчком. А Джек все это видел и думал: где же это он видел точно такие же треугольники, которые точно так же поворачивались? «Похоже на локаторы», — думал Тельняшка Джек.

Тем временем водитель машины пригнулся, похоже было, что он что-то ищет. Наконец, он выпрямился, высунул в окошко руку и стал сыпать что-то на шоссе.

В тот же момент шины велосипеда лопнули. Джек свалился на дорогу, а черная машина неизвестной марки скрылась за горизонтом, в последний раз сверкнув в лучах заходящего солнца.

Джек лежал на дороге среди рассыпанных мелких гвоздиков.

Наверное, водитель черной машины был большим разбойником, если у него были припрятаны про запас гвоздики для порчи чужих шин.

Вытирая набегающие слезы, Джек стал собирать гвоздики, чтобы они больше никому не повредили. Делать ему было все равно нечего. Надеяться на попутную машину не приходилось, — наверняка Бегемоты больше никого не пропустили.

Пока Тельняшка Джек собирал на шоссе гвоздики, Шарик вел переговоры с Бегемотами.

— Проезд закрыт, — сказали Бегемоты в один голос.

— Здесь проехал важный преступник, который украл у родителей ребенка, — сказал Шарик и указал на Птушку, которая сидела в коляске мотоцикла, и на Кукарека, который нервно ходил взад-вперед по багажнику.

— Если это важный преступник, он далеко не уедет, — ответили Бегемоты. — Говорят же вам, что проезд закрыт, — и Бегемоты, собравшись вокруг Шарика, стали что-то доказывать.

В результате Шарик сел на мотоцикл, Кукарек вскочил на заднее сиденье, и мотоцикл поехал в обратном направлении.

А Джек все сидел, пригорюнившись, на шоссе. Он уже подобрал все гвозди и теперь думал, как быть. Наконец он встал, положил гвоздики себе в карман — на всякий случай — и побежал пешком.

Всем известно, как быстро умеют бегать коты — тем более если это морские волки, которые гораздо сильнее сухопутных. Правда, Тельняшка Джек был уже старым

морским волком — но он вспомнил былые времена и теперь мчался громадными прыжками.

Он бежал таким образом целый час. Солнце уже село. На шоссе не было ни души, только запах резиновых шин проехавшей машины служил Тельняшке Джеку указанием, что он бежит правильно.

Вдруг впереди Тельняшка Джек увидел сбитый указатель «Проезда нет» и вслед за ним — огромную, широкую яму. Следы колес обрывались у края ямы.

Джек стал тщательно осматривать все вокруг и наконец увидел то, что искал: глубокие следы колес в песке. Видно было, что машина увязла, что ее долго пытались вытянуть, что под колеса ей бросали палки и доски — и что, в конце концов, машина с огромным трудом выехала на ту сторону.

Тельняшка Джек, ни секунды не медля, помчался по следам, надеясь, что еще нагонит машину.

Тем временем черная машина на предельной скорости мчалась по шоссе. Навстречу ей вылетел с боковой проселочной дороги милицейский мотоцикл. Шарик — а это был он — затормозил, ожидая машину, и сделал ей знак остановиться.

— Извините за беспокойство, — сказал Шарик водителю, который сидел за рулем в черных очках, хотя дело происходило вечером. — Вы не видели тут такого пожилого бородатого и усатого велосипедиста в годах?

Сидящий за рулем круглоголовый маленький шофер в темных очках странным пискливым голосом ответил:

— Я всегда рад помочь милиции, милиционеры — мои лучшие друзья. — Тут водитель черной машины как-то странно зашипел, но вовремя спохватился и извинился: — извините, у меня бронхит и дифтерит, поэтому с голосом творится что-то ужасное. Я видал вашего велосипедиста, он только что поехал впереди меня вот туда, — и маленький круглоголовый шофер показал на боковую дорогу немного впереди.

— Спасибо, — козырнул Шарик, — вот оно что. А я-то надеялся его здесь перехватить — ведь там на дороге яма, меня предупредили Бегемоты. Я думал, что он задержится из-за этой ямы, а скорость мотоцикла немного превышает скорость велосипеда. Но, видно, я ошибся. Всего вам хорошего, — тут Шарик отдал честь и вскоре умчался на своем мотоцикле по боковой дороге, ведущей неведомо куда.

А странный круглоголовый маленький шофер снова зашипел, — и при этом у него надо лбом стали торчком треугольные выступы, покрытые серой шерстью, — пошевелил ими и не спеша двинулся на своей машине дальше.

И он не заметил, как вдали на шоссе засветились две маленькие ярко-зеленые точки, которые с каждой минутой приближались.

Такие зеленые точки могли обозначать только одно — что там на полной скорости мчится кот.

Между тем машина, мягко покачиваясь, достигла одинокого дома, который стоял в отдалении от шоссе и был окружен крепким высоким забором с гвоздями, торчащими острием вверх.

Машина подъехала к воротам, и шофер направил фары на еле видимые стеклянные кружочки. Дважды мигнули фары, и вдруг ворота медленно и тихо поплыли вверх, открывая проезд для машины.

Машина въехала на бетонированную дорожку, и ворота начали медленно опускаться.

В этот момент к воротам, запыхавшись, подскочил старый морской волк Тельняшка Джек.

Ворота закрылись.

Тельняшка Джек вздохнул, обошел ворота, обнюхал их. В темноте его глаза отчаянно светились — знаете, они у котов горят по ночам, глаза? Тельняшка Джек вдруг увидел маленькие незаметные стеклянные кружочки и нажал на них лапой. Ворота не шелохнулись. Джек сел у ворот и задумался.

ВЕСЕЛЫЕ ДЕЛА

Ворота закрылись. Черная машина вкатилась в гараж, и невысокий круглоголовый господин с портфелем в руках подошел к дому.

В доме по всей видимости никто не жил — дверь выглядела так, как будто к ней не подходили много лет; на ней болтался большой замок, очень похожий на тот, который Тельняшка Джек видел на двери чердака. Окна были темны. Ни звука не было слышно.

Господин с круглой головой вдруг встал на четвереньки и протиснулся в большую подвальную отдушину — такие отдушины делаются для того, чтобы подвал не отсырел.

И снова дом стал выглядеть нежилым. Только очень тонкий слух мог в этот момент уловить продолжительный писк, как если бы отворилась дверь.

А между тем господин с круглой головой, издавший этот долгий писк, уже входил в дом через люк в полу.

Комната, в которую он попал, была обставлена необычайно: под потолком висел круглый уличный фонарь; он, правда, не горел, вдоль стен были расставлены садовые скамейки. Посреди комнаты стояла гипсовая статуя девушки с веслом, какие обычно стоят в парках и сквериках; рядом со скамейками находились две урны для мусора. Словом, комната была обставлена как городской сквер. Даже на стене висел телефон-автомат, и вокруг него все было исписано — словом, все было как в обыкновенном скверике.

Господин с круглой головой опять издал долгий вопросительный писк.

В комнате появился еще один господин с круглой головой и треугольными ушами (разумеется, эти торчащие треугольники были ушами).

— Кого вижу!— воскликнули тонкими голосами оба господина и бросились друг другу в объятия.

Тот, что приехал на машине, звался Барсик Мурзик.

Барсик Мурзик долго обнимал приятеля (приятеля звали Полосатый Вася), так что Полосатый Вася чуть не задохнулся.

— Потихе ты, — сказал Полосатый Вася, — я тебе не мышка.

Оба приятеля захихикали.

— Что-нибудь привез?— спросил Полосатый Вася.

— Так, кое-что, лежит в портфеле, — ответил Барсик Мурзик.

— Поджарим или так съедим?— спросил Полосатый Вася.

— Сделаем цыпленка в сметане, — ответил Барсик Мурзик и широко облизнулся. Полосатый Вася тоже облизнулся.

— Послушаем концерт?— предложил Полосатый Вася и нажал какую-то кнопку в стене.

Из репродуктора на стене раздались жуткие звуки: визг, дикое завывание и тонкий плач. Если бы кто-нибудь посторонний оказался бы в комнате, он бы подумал, что слышит кошачий концерт. Однако ни Барсик Мурзик, ни Полосатый Вася не заткнули своих треугольных ушей, а с удовольствием слушали и временами подтягивали.

— Ну все, я пошел на кухню, — сказал Полосатый Вася, прихватил с собой портфель и поваренную книгу и удалился.

Он раскрыл поваренную книгу на разделе «Цыпленок жареный в сметане», повязался фартуком, достал с полки ножик и попробовал лезвие. Нож показался ему тупым, тогда он слегка поточил его о край плиты. Потом он открыл портфель и с удовольствием посмотрел на цыпленка, который лежал в портфеле со связанными лапками и плакал. Пока он занимался всеми этими веселыми делами, Барсик Мурзик вопросительно смотрел на потолок. Ему показалось, что по потолку кто-то ходит.

— Вася!— позвал он.— Послушай-ка.

В тишине отчетливо слышались легкие шаги.

Полосатый Вася замер с ножиком в руке. Усы у него ошетинились, спина сгорбилась, Полосатый Вася зашипел.

— Выруби музыку, — сказал Барсик Мурзик, — кто-то ходит по чердаку, идем в коридор встречать.

— Сейчас, — ответил Полосатый Вася, застегнул портфель и повесил его на гвоздь в чуланчике. Чуланчик же он запер на задвижку.

— Да скорей!— завопил шепотом Барсик Мурзик.

Глава пятая

ПРЕСТУПНИК ВРОДЕ БЫ ПОЙМАН!

Надо сказать, что у котов вообще слух очень тонкий. Как только в доме за воротами послышалась музыка, очень похожая на кошачий концерт, Джек вскочил, насторожился, подобрался и стал искать в воротах хотя бы шелочку, хотя бы дырочку — и вдруг его горящий взгляд уперся в два стеклянных кружочка. Тельняшка Джек приник к стеклянным глазкам и вдруг почувствовал, что они вместе с воротами уплывают вверх. Тельняшка Джек отшатнулся — ворота вернулись на прежнее место. Тельняшка опять приник к стеклянным кружочкам — и ворота медленно поползли вверх.

— Э, да тут фотоэлемент!— сказал сам себе Тельняшка Джек и стал во все свои горящие глаза смотреть в стеклянные кружочки. Тельняшка Джек старался изо всех сил, светил глазами — свет был слабый, но фотоэлемент все-таки сработал. Ворота поднялись на высоту кирпича. Тельняшке Джеку было этого достаточно, он протиснулся в щель и оказался в глухом, темном дворе перед домом. В доме было темно. Однако изнутри доносилось завыва-

ние, как будто плакала команда голодных, но мощных младенцев.

Тельняшка Джек походил вокруг дома, оценил обстановку, затем поставил одну ногу на подоконник, другую — на водосточную трубу, лапой зацепился за крышу...

Через пять минут он уже прошел по чердаку, отыскал лестницу и начал спускаться вниз. В доме было тихо, только очень далеко кто-то слабо всхлипывал.

— Цыплак, я тут!— крикнул Тельняшка Джек на всякий случай.

И в этот момент его стукнули по голове пыльным мешком. Одновременно что-то зашипело в два голоса, как будто проткнули сразу два волейбольных мяча. Джек покачнулся от удара, и тут же его схватили за лапы и куда-то поволокли.

В это время мотоцикл Шарика подъехал к воротам. Долго плутал Шарик по дорогам, пока не почувствовал след Тельняшки Джека.

— Сейчас, сейчас мы найдем вашего сыночка, — сказал Шарик, — я уже чувствую, что он здесь.

Шарик наподдал ворота плечом. Ворота не открывались.

— А ну, посветите мне, — сказал Шарик Кукареку, — там есть у меня фонарик.

Кукарек стал светить фонариком, и вдруг ворота сами собой поднялись.

— Фотоэлемент!— сказал Шарик.— Интересно.

Мотоцикл въехал во двор.

А в доме все ходило ходуном.

Слышался звон разбитого стекла.

Хриплый вой, удары обо что-то мягкое, шипение.

Кто-то заорал тонким голосом:

— Караул!!!

Шарик неспеша взял из мотоцикла свой чемоданчик, открыл его, достал связку ключей и покрутил в замке.

— Стойте здесь!— сказал он перепуганным Птушке и Кукареку, а сам сильным ударом открыл дверь.

В коридоре стоял Тельняшка Джек и держал в каждой лапе по коту. Коты висели зажмурившись, поджав хвосты.

— Караул, — шепотом сказал один из них, полосатый, увидев милицию.

— Спасите, — прошептал другой полосатый.

— Вот, — сказал смущенный Тельняшка Джек, — извините, что я тут за вас поработал.

— Поработал?— спросил Шарик, — вижу, что вы поработали. Освободите граждан!

Коты шлепнулись на все четыре лапы.

— Гражданин начальник, — завыл полосатый, — это грабитель! Он к нам забрался!

— Нам все известно, — сказал Шарик.— Еще грабитель, это было бы ладно. За ним числится дело похуже. У вас есть телефон? Я должен позвонить в милицию.

— Есть, в комнате, — ответили коты.

— Как! Что?— изумился Тельняшка Джек.

Птушка и Кукарек вошли в дом, но на Тельняшку не смотрели.

— А пока что его надо запереть в чуланчик, — предложил Барсик Мурзик.

— В чуланчик не надо, — осторожно сказал Полосатый Вася.

— Не надо меня в чуланчик!— возмущенно воскликнул Тельняшка Джек.

— В чуланчик так в чуланчик, — согласился Шарик.

— Не надо, не хочет он в чуланчик, — настаивал Вася. — Я же сказал.

— Нет, пожалуй, лучше в чуланчик, — решил Шарик. И взволнованного, запыхавшегося Тельняшку Джека ввели в чуланчик и заперли на задвижку.

Он посидел, привыкая к темноте, и вдруг услышал громкое всхлипывание, доносившееся из портфеля.

БЕЗ НАЗВАНИЯ

Птушка, полная невеселых мыслей, бродила по дому. Она заглянула на кухню и увидела там поваренную книгу, раскрытую на статье «Цыпленок жареный», и увидела рядом нож.

Птушка побежала к Шарику и сказала:

— Пойдемте, посмотрим, что я там нашла на кухне.

Шарик сидел у телефона. Номер не отвечал.

Полосатый Вася и Барсик Мурзик переглянулись.

— На кухне — это не наше, чужое, — сказал Вася, — мы вообще едим сметану в основном.

— И вообще у меня голова кружится, — сказал толстый Вася.— Ах, ах! Мне не хватает воздуха.

— Я выведу тебя на воздух, — заботливо сказал Барсик Мурзик.— Я сейчас выведу тебя.

И они пошли, поддерживая друг друга и охая.

Минуту спустя из чулана раздался жуткий грохот и крик:

— Откройте! Откройте! Я кому говорю! Сейчас же откройте!

Это Тельняшка Джек молотил в дверь кулаками.

Шарик терпеливо набирал номер телефона.

— А ну, откройте! Тут Цыплак! Говорю вам!

И никто не услышал, что во дворе мягко заработал мотор, как беззвучно открылись ворота, и черная машина выскользнула на шоссе.

Шарик подскочил к чулану, когда дверца угрожающе затрещала. Шарик хотел было поддержать ее плечом, но Тельняшка Джек уже выбил дверь и выскочил с криком:

— Где воры?! Где воры?!

Шарик только было схватил Джека, но за Тельняшкой выскочил Цыплак. Тут Птушка и Кукарек кинулись к Цыплаку, а Тельняшка Джек уже был во дворе.

Перед ним мигнул стоп-сигнал черной машины, плавно уносящейся вдаль по шоссе.

Джек прыгнул в мотоцикл и промчался в воротах как раз перед тем, как они опустились.

В доме Кукарек и Цыплак хлопотали вокруг плачущей Птушки. А расстроенный Шарик обстукивал закрытые ворота, надеясь открыть их без помощи фотоэлемента.

Глава седьмая

ВСЕ ДОВОЛЬНЫ

А на шоссе шла гонка. Черная машина мчалась, шины визжали на поворотах. Следом шел на предельной скорости мотоцикл.

Сидящий за рулем Барсик Мурзик правил одной лапой, а второй копошился на полочке, пригнувшись. Похоже было, что он что-то ищет в машине.

— Гвозди!— воскликнул Тельняшка Джек.

Мотоцикл сделал мощный рывок и поравнялся с автомобилем.

— Ну?— сказал Тельняшка Джек.

— Мяу, — ответил водитель обеспокоенно и прибавил скорость.

— Сейчас получишь мяу!— рявкнул Тельняшка Джек.

Мотоцикл вырвался вперед. Он шел впереди по темному шоссе.

Сидящие в автомобиле переглянулись.

Полосатый Вася достал рогатку. Он долго целился и наконец выстрелил кусочком проволоочки.

Кусочек проволоочки просвистел как пуля и вошел в шину мотоцикла. Шина с грохотом лопнула.

Мотоцикл резко затормозил, и Тельняшка Джек вылетел из седла головой вперед, перевернулся в воздухе. При

этом из карманов его что-то посыпалось — и Джек Тельняшка приземлился в кювете.

А черная машина слегка затормозила и плавно начала объезжать лежащий на боку мотоцикл.

И вдруг — пах! Пах!! Пах!!!

Черная машина, словно на что-то напоровшись, осела.

Коты вышли и, озираясь, стали осматривать шины.

— Гвозди, — сказал Барсик Мурзик.

— Откуда гвозди?— спросил Вася Полосатый.

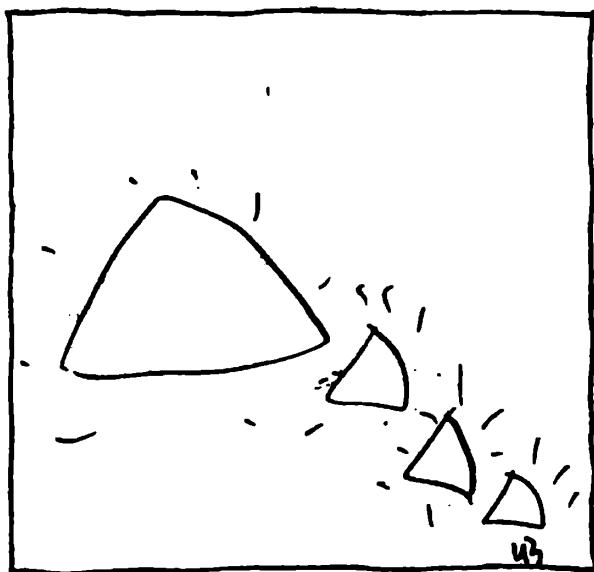
— Все, идем пешком... Только откуда здесь гвозди?

— Сейчас объясню, — сказал Тельняшка Джек, беря котов за загривки.— Это из моего кармана просыпалось. Это те самые гвозди, которые вы набросали на шоссе, а я собрал в карман. Вы довольны?

— Ты ответишь, — сказал Вася Полосатый, — ответишь, что прищемил мне ухо.

— Ответишь, ответишь, — сказал Тельняшка Джек, и они пошли втроем, как три самых близких друга. Если только возможно, чтобы один друг вел двух других друзей за уши...

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СКАЗОЧКИ

Пуськи бятые

Сяпала Калúша с калушатами по напушке. И увазила бутявку, и во́лит:

— Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

— Оее! Оее! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезбезднулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

— Не трямкайте бутявок, бутявки любые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

Бурлак

Роман

Часть I

Сяпали Калуша с Помиком по напушке и увазили Ляпупу. А Ляпупа трямкала бутявку.

А Калуша волит:

— Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа не киси и не миси, а трямкает бутявку. Полбутявки у Ляпупы в клямсах, полбутявки по бурдысьям лепещется.

А Помик волит:

— Калуша, Ляпупы, трямкающие бутявок, не волят «киси-миси», а то бутявки на клямс вычучиваются.

А Калуша волит:

— А по клямсам? За некузявость?

И — бздым! — Ляпупу по клямсам.

Ляпупа разбызила клямсы и как заволит:

— Оее! Оее!

Бутявка из клямс Ляпупы вычучилась, вздрезнулась, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит:

— Киси-миси, Ляпупа!

А Ляпупа усяпала с напушки и за напушкой волит:

— Киси-миси, Помик. А калушаточки-то не помиковичи!

Часть II

Помик волит:

— Калуша, а калушаточки помиковичи?

Калуша разбызила клямсы и волит зюмо-зюмо:

— Куа?

Помик тырснул в бурдысья и из бурдысьев волит:

— Калуша, а калушаточки помиковичи?

А Калуша как заволит:

— Некузяво, оее, некузяво так волить!

А Помик в бурдысьях как забурлыкает: бурлы, бурлы, бурлы.

А Калуша волит:

— Не бурлыкай, бурлак. Калушаточки не помиковичи, а помиковны!

ПРИКЛЮЧЕНИЯ БАРБИ

Барби улыбается

Жила-была Барби.

Ее хозяйка очень любила свою Барби, все время с ней всюду ходила, а тут взяла и потеряла.

Барби упала на скверике и лежала за кустом, а ее маленькая хозяйка уходила все дальше, прижимая к себе уже пустое одеяльце.

Барби лежала в траве до вечера, она по привычке улыбалась и смотрела широко открытыми глазами в небеса, но на душе у нее было тоскливо.

Барби никогда не плачут и всегда хорошо выглядят, даже в траве под кустом, но положение у нее было незавидное.

На самом деле Барби любила свою маленькую девочку, свою маму, и теперь Барби, радостно улыбаясь в небеса,

про себя думала, что ребенок пришел домой, развернул пустое одеяльце и заплакал.

И Барби в душе тоже плакала.

Ей было холодно и мокро, в спину впился какой-то сучок или корешок, по платью шныряли муравьи, жуки, и какие-то паучки тянули за собой свои веревки.

Барби быстро покрылась пылью и мусором, но продолжала при этом улыбаться: что делать!

Куклы держатся до последнего.

И вдруг рядом раздался голос:

— Это ты, Барби? Хэлло!

К Барби приближалась другая Барби.

Она шла легко и свободно, волосы ее клубились по плечам, одета она была в золотое платье с белым мехом, в руке держала золотую сумочку, и эта новенькая Барби кричала:

— Вставай, Барби! Я пришла за тобой! Меня зовут Барби Той!

Барби Той сверкала и радостно улыбалась.

Наша Барби смущенно встала, отряхнула свое довольно простенькое платье, которое ей сшила из клетчатого носового платка мама ее хозяйки-девочки — и хорошо еще, что на ней были ее единственные туфельки, а то недавно девочка потеряла одну Барбину туфлю, долго ее искала и нашла только на третий день у себя под кроватью: и сколько же было слез!

Барби Той пошла впереди и сразу выбралась на сверкающее пустое шоссе.

Там стояла открытая розовая машина.

Обе Барби уселись, и машина понеслась быстрее ветра.

Барби радостно улыбались.

Затем они вышли у какого-то красивого двухэтажного дома.

— Это наш дом, Барби, — сказала Барби Той, — мы живем здесь, и ты живи вместе с нами.

И она повела Барби на второй этаж и показала ей роскошную спальню с розовой ванной и розовым шкафом, где висело множество платьев.

— Это все можешь надевать, — сказала с улыбкой Барби Той.

Наша Барби быстро выкупалась, переоделась и спустилась в столовую, где горели свечи, был накрыт стол и по телевизору, как оказалось, шел фильм Уолта Диснея.

За накрытым столом сидела Барби Той со своим другом Кеном и черноволосой Сьюзен.

Компания весело поужинала и села играть в карты.

Барби чувствовала себя неловко, потому что не сразу поняла, как надо играть в карты, да и платье на ней было чужое и чужие розовые туфельки, — но наша Барби радостно улыбалась как обычно, как будто наконец все ее мечты сбылись.

Она, правда, улыбалась так всегда, и вокруг нее так же мило улыбались и Той, и Сьюзен, и Кен.

Барби подумала про свою маленькую хозяйку, которая, наверно, отчаянно плачет у себя в кровати, и тут Барби Той сказала:

— Спокойной ночи! Завтра с утра мы пойдем в бассейн, а потом играть в теннис.

— Ой, — вдруг воскликнула наша Барби, радостно улыбаясь, — мне кажется, извините, но если я не ошибаюсь, я оставила там, где мы в первый раз с вами встретились, свою серебряную сумочку!

— Серебряную? — спросила Той, улыбаясь. — Но ведь на вас были белые туфельки? А к серебряной сумочке мы ведь носим серебряные туфельки!

— Но я в тот день была такая растеряха, — сказала Барби, радостно улыбаясь, — и все перепутала.

— Ничего, — радостно сказала Сьюзен, — ничего, Барби, не печальтесь, я дам вам свою серебряную сумочку, и туфельки такие же у меня есть совершенно мне не нужные!

— Вот видите, — весело сказала Той, — все в порядке!

— Но, — с улыбкой возразила наша Барби, — в этой сумочке у меня была одна вещь, которая мне необходима...

Сьюзен, Кен и Той весело переглянулись — они прекрасно знали, что в Барбиной сумочке ничего не может поместиться.

Наша Барби продолжала:

— Там лежала маленькая блестка, которую я ношу как брошку. Это подарок моей бедной маленькой мамы, которая меня потеряла...

— О! — сказала, радостно улыбаясь, Той. — Мы не будем здесь говорить о печальном. Мы же Барби! У нас нет никаких причин грустить и вспоминать прошлое! Все мы потерянные души, но теперь наша жизнь весела и чудесна! Нам никто не нужен, правда?

И все сидящие за столом радостно закивали.

— Но я все-таки хотела бы вернуться в свою прошлую жизнь хотя бы ненадолго и посмотреть под кустом, — настаивала, улыбаясь, Барби.

Что делать!

Барби Той, которая уже была в небесно-голубом костюме с серебром, отправилась к своей машине, а наша Барби быстро сбегала наверх и переделалась в свое клетчатое платье, обула белые туфельки и мигом оказалась в розовом автомобиле.

И они помчались по гладкому шоссе.

Через несколько мгновений Барби вышла из розового автомобиля и побежала со всех ног к своему кусту.

Там она аккуратно легла на свой неудобный сучок и замерла, глядя с улыбкой в ночное небо.

Барби Той, подождав немного, видимо, все поняла и быстро уехала к себе в свой сказочный дом.

А наша Барби осталась лежать в компании муравьев, мошек, комаров и прочей насекомой мелочи.

Барби очень страдала, но терпела, улыбалась и ждала...

И именно там, под кустом, ее обнаружила рано утром маленькая хозяйка, которая действительно проплакала всю ночь и на рассвете подняла родителей на поиски.

И Барби, как всегда, радостно ответила ей своей улыбкой.

Барби-волшебница

Так получилось, что Барби осталась одна.

Ее маленькая хозяйка выросла и уехала, игрушки, сложенные в ящик, перекочевали в чулан, потом в квартире появились новые жильцы и вынесли ящик на помойку.

И никто не знал, что Барби, лежащая на дне ящика, — волшебная.

Тут-то и появился старик, который ходил по помойкам в поисках старых вещей.

Старик когда-то был столяр и мебельщик, потом заболел, почти ослеп и все делал теперь только на ощупь.

Он распознал крепкий большой ящик на помойке, полный старых книг, сразу оттащил его к себе домой, книжки отложил в сторону, обнаружил игрушки, все аккуратно рассортировал, перетер мокрой тряпкой, рассматривал через толстую лупу, поднося каждую вещицу прямо к глазам.

Он понял, что ему привалила неслыханная удача!

Часть игрушек вполне можно было починить, приделать куклам как следует руки и головы; часть годилась только туда, откуда была взята.

А на самом дне лежала маленькая грязная кукла в ветхом платье и с гривой замусоренных волос.

Старик помыл куклу с мылом, окунул ее в тазик вместе с платьем и прической.

Он действовал очень бережно, он большие надежды возлагал на эту куклу, думая продать ее за бешеные деньги в субботу на рынке.

Когда кукла отмылась, он внимательно рассмотрел ее через свою толстую лупу.

Надо сказать, что старик в жизни не видел такой красивой куколки, даже в детстве, а маленьким он любил играть в куклы, а вот драться и бороться не любил.

Когда-то у него росли свои дети, сыновья, драчливые, как щенята, потом сыновья женились и уехали в другие страны и там уже, наверно, стали сами стариками.

Таким образом, слепой столяр разобрал свои богатства и более-менее починил их.

Кроме того, ему нужно было привести в порядок и свою одежду, чтобы появиться на рынке в приличном виде: оборванцу никто больших денег не заплатит, думал старик.

Он выстирал пиджак и брюки, рубашку и бельишко с носками, а когда все высохло, прогладил утюгом.

Это он умел.

Он не мог только шить, его глаза не различали иголку.

И еще он понял, что на рубашке и брюках не хватает пуговиц.

В таком виде только шататься по помойкам и собирать недоеденные корки, а не ходить торговать в приличное место, на рынок.

С такими мыслями старик заснул, а Барби вскочила с подоконника, где сохла, и нырнула в ящик с игрушками.

Она-то знала, что там лежит железная коробочка из-под леденцов, в которой еще бабушка ее девочки-хозяйки хранила иголки, нитки и всякую дребедень.

Барби подобрала пуговицы и быстро их пришила, а как — не спрашивайте, ведь она была волшебная!

Затем Барби зашила пиджак на локте, подмышками и у карманов, подмела пол (как — не спрашивайте, это секрет, который мы когда-нибудь откроем), все прибрала и легла обратно на подоконник в ожидании дня.

Старик проснулся, была уже суббота, горестно оделся, помня о своем нищенском виде, захватил всю коллекцию уже чистых игрушек (в составе двух клоунов, шерстяного ежика, одноглазой дамы в шляпке, одного неизвестного уroda и фарфоровой кошечки), а Барби оставил почему-то на подоконнике в компании со сломанным игрушечным телефоном, который не поддавался ремонту, — и отправился на рынок, стесняясь сам себя.

Правда, он был застегнут на все пуговицы, но старик был человек рассеянный и забыл, что раньше пуговиц не доставало.

На базаре все его игрушки тут же купили небогатые люди, а просил он очень мало, и старик был рад удаче.

Идя домой, он купил молока, хлеба и жареной картошки и устроил настоящий пир.

Наевшись, он отнес кусочек хлеба и чашку молока куколке — почему, неизвестно.

Ему, наверно, было приятно о ком-то позаботиться, о каком-то еще более слабом существе.

Барби была счастлива.

Как известно, настоящая жизнь кукол начинается с того, что кто-то их кормит, моет, наряжает и укладывает спать.

И уже много лет эта волшебная Барби ждала, что ее найдет мама.

Но ее нашел старенький папа, что тоже было чудесно.

Когда Барби лежала на дне ящика вместе с другими игрушками под учебниками географии и истории (пятнистыми и грязными, потому что над ними проливали слезы многие дети-двоечники, не выучившие названий и дат), постепенно пятна от детских слез осели на когда-то чистенькое платье Барби, а ее чудесные волосы пропитались пылью, школьным мелом и крошками от бутербродов, съеденных в классе во время перемен и уроков.

И она уже думала, что никому не нужна, но когда ящик выкинули, тут она начала на всякий случай посылать сигналы о помощи куда-то в пространство, прося об одном: чтобы первый же утренний прохожий почувствовал непреодолимое желание заглянуть в помойный контейнер, где лежал ящик.

Так оно и получилось!

И вот теперь волшебные силы заработали.

Той же ночью она поговорила по игрушечному телефону с другими Барби (телефон был сломан для всех, кроме нее).

Она нашла одну Барби, которая жила в доме доктора по глазным болезням, и эта докторская Барби как-то так сумела обставить дело, что главному доктору приснился слепой старик, ходящий по помойкам с палочкой.

Когда глазной доктор весь в слезах проснулся, думая о своем умершем отце, ему вдруг пришла в голову смелая мысль: а не прооперировать ли какого-нибудь бедняка в своей клинике бесплатно!

Доктор нашел нашего старика по наводке двух хитроумных Барби и убедил его попробовать сделать операцию, сначала хотя бы на одном глазу.

Уговорить старика было нелегко, так как за свою слепоту он все-таки получал какую-то небольшую пенсию.

Но затем дед согласился, подумав что и с этой пенсией он все равно голодает: пропадать — так с музыкой!

Все-таки очень тяжело быть слепым.

Короче говоря, операция была сделана, и старичок вскоре вернулся к себе домой без очков и новыми, свежими глазами начал осматривать свое жилище.

Он увидел дыры в полу, грязные стены и тусклые стекла.

Он начал искать какие-нибудь деньги — и ничего не нашел, зато обнаружил целый ящик своих инструментов и небольшой запас хорошо высохшего за эти годы дерева.

Старик помнил, что вроде бы все инструменты он продал в тяжелые времена — но, видать, самые мелкие и тонкие остались ждать своего часа в углу за веником.

Тут же старик надел свой прежний фартук, принялся за дело и смастерил к субботе небольшую шкатулку.

А ночью еще и Барби вскочила и разрисовала шкатулку красивыми узорами типа «ореховое пламя» — это выглядело как природные завитушки дорогого, породистого дерева.

И не успел старик, придя на рынок, вынуть из тряпицы шкатулку, как налетели покупатели.

Счастливец, вынувший деньги первым, ускакал с покупкой подалее от толпы, а остальные стали спрашивать, нет ли еще.

Зажав деньги в кулаке, старик стал обходить базар, чтобы купить пропитание, и вдруг увидел, что продаются Барбины наряды — платья, туфли и шляпки.

Он не удержался и на все деньги накопил своей старенькой Барби кучу подарков, в том числе подержанную машину и зонтик.

Он так спешил домой!

Барби, разряженная как на бал, сидела теперь на подоконнике и сверкала, а старик выделявал шкатулки на продажу и помышлял построить своей кукле дом с мебелью, освещением и маленьким японским садом...

А у Барби уже был готов новый план действий.

Барби и кукольный дом

Кукле Барби с подоконника была видна жизнь города, мимо бегали прохожие, собаки и кошки, пролетали птицы, проходили облака.

Начиналась весна, и старый сторож дед Иван даже иногда приоткрывал окошко, особенно когда варил клей.

Дед Иван делал по две шкатулки в неделю и продавал их на субботнем базаре, на это и питался.

Он уже купил кукле Барби множество платьев, а остальное его не касалось: он замечал, что у нее что ни вечер сушатся под окном вчерашние одежки, но считал, что так и полагается, переодеваться ежедневно во все чистое, таков кукольный закон.

Правда, в остальном хозяйство дедушки Ивана было бедное, холостяцкое, две тарелки, одна кастрюля, чайник, ложка и вилка, перочинный нож, кровать, стол и два стула, комната в два окна и кухня со всеми удобствами.

Дед Иван (который с годами все больше терял зрение) не видел, что его квартира становится местом военных действий — армия пауков против многочисленных армий мух: происходили ежедневные бои на каждом окне и в каждом углу, была разветвленная сеть шпионажа и налеты тяжелой авиации на эту сеть, а что касается трупов убитых, то ими были усеяны все подоконники.

Когда же деду сделали операцию на глазах и он стал хорошо видеть, началось самое печальное: дед Иван, который с детства не мог терпеть пауков, вдруг обнаружил в своей квартире логово врага и расстроился.

Надо сказать, что и мух он не обожал, и не выносил, когда в доме было грязно.

А тут, придя из больницы домой, он просто сел и заплакал.

У него не было возможности сделать ремонт, а как бороться с пауками и мухами, он не знал.

Наверно, нужно было пригласить бригаду маляров, а потом позвать тетку, чтобы вымыть окна и полы.

Но денег-то не было!

Дед затосковал и сказал своей куколке:

— Маша, и зачем мне глаза, если я не хочу видеть это безобразие!

Надо сказать, что кукла Барби прежде всего была довольна тем, что дедушка Иван теперь хорошо видит, а на мух и пауков не обращала внимания.

Она ведь много лет жила как в тюрьме на дне ящика в темном чулане и могла только мечтать выбраться на свежий воздух, а когда выбралась, то оказалось, что это свежий воздух в помойном контейнере...

Там-то и обнаружил ящик с куклой дедушка Иван.

И для Барби после помойки жизнь на светлом подоконнике в доме деда была счастьем, пусть даже в компании мух.

А когда дедушка Иван стал жаловаться, что не может жить в такой грязи и лучше быть слепым, чем видеть все это, умная Барби решила начать действовать.

Ночью она подула на своего спящего деда, и ему приснился сон, что он делает своей Барби прекрасный дом с лампами, коврами и шкафами, с красной крышей и занавесками на окнах.

Дед встал утром озабоченный и, надев свою ветхую одежку, ушел бродить, как всегда, по помойкам.

К вечеру он наташил домой ящиков, тряпочек, поролона, даже раздобыл две банки белой краски — краска, правда, высохла, но дед знал, как ее развести.

Люди выбрасывают то, что может еще послужить, потому что у них нет времени на починку и восстановление испорченных вещей — но знали бы они, что через тысячу лет какие-нибудь будущие ученые раскопают городскую свалку и будут стараться склеить их битую посуду, починить их рваные носки и пиджаки и собрать порванные в клочки письма...

Итак, к вечеру дед Иван (стараясь не смотреть на углы, затянутые паутиной) смастерил дом сначала в виде огромного ящика, а на следующий день он его покрасил, приладил окна и двери (они открывались и закрывались), сделал ванную комнату и т.д., а еще через сутки была готова уже и мебель — первый резной столик и пара стульев с такими же спинками.

Кукла Маша Барби с интересом наблюдала за этой работой и тоже незаметно помогала деду, например, сшила из старинных кружев несколько абажуров, а из старого батистового фартука прекрасные занавески и покрывало на широкую деревянную кровать, и дед с большим удивлением обнаружил в куче лоскутков маленькие кукольные подушки из разноцветного бархата — и квадратные, и круглые, и в виде валиков.

Короче, к субботе дом был готов к продаже, но дед посмотрел—посмотрел на него, полюбовался и торжественно посадил в этот дом на диванчик свою куклу Машу — и никуда в результате не пошел.

Кукла Маша Барби с большой радостью посидела за столиком, поваялась на широкой кровати, посмотрела телевизор (дед сделал его очень умело из пластиковой

коробочки, и Барби сразу стала смотреть мультфильм Диснея «Фантазия»).

Но к вечеру в доме деда по-прежнему не было ни крошки еды.

Дед заснул у себя на кровати (бедному сон заменяет ужин, это широко известно всем голодным), но Барби не спала.

Недаром она сквозь все беды и невзгоды пронесла свой игрушечный телефон.

По нему-то она и позвонила одной своей родственнице, Барби, которая жила в доме у редакторши телевидения.

Что она ей говорила, неизвестно, но на следующее утро, когда настало воскресенье, в дверь деда Ивана громко позвонили, и к нему в квартиру ворвалась шикарная дама — как раз та самая сотрудница телевидения.

Она с порога громко закричала — как будто дед Иван был глухим как пень:

— Алло, я ищу таланты!

— Да, — ответил дед Иван, аккуратно одетый, причесанный и умытый и даже уже позавтракавший кружкой горячей воды.

Дама так же громко объявила, что дед будет участвовать в конкурсе, где объявлен большой приз.

Затем она отстранила деда Ивана с порога и устремилась к окну, где среди паутины на широком подоконнике стоял и сверкал дом куклы Маши.

Дама ахнула и как маленькая девочка опустила на колени перед подоконником, стала трогать и передвигать мебель, разглядывать занавески, подушечки и картины в красивых рамах.

Барби она не заметила — мало ли Барби на свете!

У дочери редакторши была целая рота Барби.

Но вот такого домика дама не видела никогда в жизни. Как прекрасно были сделаны шкафчики со стеклянными дверцами, резные стулья и диваны с бархатной обивкой!

Как хотелось жить в таком доме!

Дама грубо вытащила Барби Машу за голову и положила ее на голый подоконник вверх ногами, чтобы рассмотреть кукольную кровать с деревянным изголовьем.

Разумеется, дед Иван тут же обиделся, взял свою Машу на руки и хотел выгнать нахальную редакторшу, но она внезапно рывкнула:

— Все! Я это беру! Это мне нравится!

— А мне не нравится, — тихо ответил дед.

— Так! — продолжала орать редакторша. — Только у вас жилье никуда не годится! Я вам сегодня пришлю своих ребят, они тут сделают декорацию, приколотят новые временные стенки, вставят другое окно, там будет искусственный фонарь, так. На пол постелим вам кусок нового паркета. А то тут как в свинюшнике.

С этими словами дама выскочила вон, а расстроенный дед начал приводить в порядок домик, в котором как будто ночевала рота солдат — стулья были повалены, картины и часы висели криво, телевизор лежал вниз экраном, а кровать была перевернута вверх дном.

Приведя все в порядок, старик ушел бродить по помойкам и к вечеру притащил, очень довольный, целый ворох сухих старых дощечек.

Он ничего не ел уже два дня, но ему было не привыкать к такой диете, он чувствовал себя неплохо, прихлебывал горячую воду из чашки и возился со своими деревяшками.

На следующий день утром в квартиру ворвалась бригада декораторов с телевидения, вооруженная щитами, кистями и банками с краской.

Но — неожиданно для себя — вместо того чтобы строить декорацию, они стали быстро красить потолки и стены, рамы и двери.

После чего к вечеру brave ребята вымыли окна, оттерли паркет каким-то химическим составом, похлопали очумевшего деда по плечу и удалились, горланя насчет скорейшей выпивки.

А дед переживал это местное землетрясение, сидя со своим домиком, обернутым в газеты, на лестнице среди убогих пожитков.

Барби, между прочим, находясь внутри своего домика, была очень довольна, что ребята ее послушались и все как один решили, что им все равно — то ли устанавливать декорации (которые потом надо еще и снимать), то ли делать ремонт.

И вот наступил торжественный день съемок.

Приехало множество народу, на полу лежали провода, всюду слонялись какие-то бездельники с молотками, наушниками и кабелями, редакторша орала, потрясая бумажками с текстом, про домик все как будто забыли — взоры присутствующих и глазок видеокамеры были прикованы к пустому подоконнику.

Наконец была дана команда снимать.

Оператор нацелил объектив прямо в рот редакторше, которая произнесла длинную речь, сидя в красивом кресле, привезенном со студии.

Два часа снимали редакторшу на фоне искусственного окна, за которым сияло фальшивое солнце, все переругались, оператор то и дело прекращал съемки, редакторша два раза рыдала и один раз сменила платье, гример пятнадцать раз пудрила ее и один раз — попутно — дедушку Ивана, который сидел в углу бледный и голодный, всеми забытый.

И только когда все было закончено с редакторшей, наконец вывели из угла и пять минут снимали столяра, потом включили освещение в домике на всех этажах и на чердаке и три минуты снимали домик.

Дом сиял огоньками, откуда-то заиграла чудесная музыка, как будто завели маленькую табакерку, кукла Барби Маша сидела за столом в кресле в теплом стеганом халатике и домашних тапочках и читала очень маленькую книжку у совсем маленького подсвечника с крошечной горящей свечой.

Вся буйная команда телевизионщиков притихла, оператор вдруг припал на колени и пополз вдоль домика.

Когда съемки закончились, редакторша зевнула и сказала деду Ивану, что неизвестно, кому дадут приз, у них в программе много сюжетов об умельцах.

— Один человек даже построил своими руками летающий самолет, а другой макаронную фабрику на кухне, — сообщила она, собирая свои бумажки, — и все решат зрители, они будут звонить в студию во время передачи.

И вся команда умчалась, как уходит тайфун или цунами.

В только что отремонтированной квартире был полнейший разгром.

Усталый и голодный дед Иван плюнул и удалился вон, прихватив свою бывшую слепецкую палочку и черные очки.

Он давно наметил себе местечко в одном подземном переходе, еще до операции, на черный день, он решил, что встанет там и будет стоять с протянутой рукой, когда совсем дойдет до крайности.

И доведенный до крайности, голодный и слабый дед пошел просить милостыню, стесняясь сам себя, но до подземного перехода не добрался, упал в обморок от голода.

Столпились люди, кто-то сказал «Вот так и умирают», кто-то вызвал «скорую», и через час деда отвезли в больницу, в приемный покой.

Врач привел его в сознание, давши понюхать нашатырный спирт, ядовитую ватку, от которой перехватывает дыхание.

Но никто не догадался его покормить, а сам дед ничего не сказал.

Его оставили еще немного полежать — для контроля — а сами сели пить чай в соседней комнате.

Дед валялся на больничной кушетке, в животе его бурчало и завывало от голода, а рядом звенели ложками, посудой, что-то резали, ели (а что, врачи тоже люди).

Одновременно работал телевизор.

По телевизору вещал какой-то резкий, очень знакомый женский голос.

И вдруг врачи задвигали стульями, заговорили и вышли в коридор, где начали названивать по телефону.

— Але! Это телевидение? — закричал кто-то. — Плохо слышно! Мы, врачи скорой помощи, решили присудить приз кукольному дому! Нас тут шестеро, и все «за». И вам спасибо.

Дед Иван вскоре был поднят медсестрой, которая проверила его пульс, давление и сказала:

— Дедушка, не болей. Питаться надо лучше, и все. Иди с Богом.

И дед Иван побрел домой.

У его дома опять дежурил телевизионный автобус.

Собралось даже несколько зевак.

Дед вошел в свою разоренную квартиру, ожидая увидеть полный тарарам.

Но он застал там порядок, стол даже был накрыт скатертью, пол оказался чистый, а домик горел всеми своими огнями.

В комнате сидела вся телевизионная команда, и редакторша барабанила пальцами по столу.

С криком «Вот он» редакторша схватила деда Ивана, усадила его в телевизионное кресло, и начались съемки.

— Вы довольны, что получили такой большой приз? — спросила редакторша криливо.

— Какой приз? — удивился дед Иван.

— Вы получили главный приз нашего конкурса, королевский торт! — заорала редакторша, глядя мимо дедушки прямо в объектив видеокамеры.

— Ну спасибо, — сказал дед.

Тут же (видимо, из кухни) внесли торт размером с круглый обеденный стол.

Оператор стал передвигаться вдоль торта, как вдоль забора, снимая сверкающую корону, башни из крема, розы из взбитых сливок, шоколадные домики и груды засахаренных орешков у основания.

Редакторша занесла над этим сладким городком огромный нож, у деда Ивана чуть опять не случился голодный обморок, но он сдержался и пошел на кухню ставить чайник на всех.

Когда он возвратился, телевизионщики уже доедали, видимо, по третьей порции, судя по разоренному торту, вокруг стола царило безумное веселье (видимо, работники эфира тоже изголодались).

Но дед Иван, прежде чем приступить к еде, отрезал небольшой кусок торта у самой короны и отнес его в кукольный домик, где поставил на стол перед своей Машей.

И она благодарно кивнула ему в ответ, чего никто в мире не заметил.

Барби-волшебница и лес

Однажды вечером Барби (дед назвал ее Машенька) сидела и играла на своем игрушечном рояле, который ей купил дед на распродаже старинных игрушек: рояль был весь раскрыт, и в нем очень дрожали струны, но дед Иван починил, подвинтил где надо, закрыл его новой красивой крышкой из карельской березы, и Барби Маша вечерами играла на нем прекрасные вещи — вальсы Штрауса и Мееровича.

Барби играла знаменитый вальс Михаила Мееровича из кинофильма «Журавль и цапля», не подозревая, что ее ждет страшная ночь.

И ночь действительно настала, а дедушки Ивана все не было.

Надо сказать, что запас дерева, который сохранился в его квартире с прежних времен, подходил к концу, и дед Иван рыскал по помойкам, стройкам и рынкам в поисках старых досок и негодной мебели — из этого великолепно-

го, сухого материала он и выделывал все свои кукольные шкафчики, креслица и комоды.

И вот теперь он решился и на целый день поехал на автобусе в ближайший лес за поселком Восточный: дед решил поискать березовые наплывы на старых пнях — небывалое по красоте дерево для шкатулок.

Из него получались дощечки, похожие по рисунку на павлиний глаз.

И стояли такие шкатулки довольно дорого.

Одна такая шкатулочка освещала собой весь дом: правда, ее надо было еще и отполировать, чтобы она сверкала, как свежий мед.

Дед Иван это умел, оставалось только разыскать такой неприметный пенек, где мог громоздиться уродливый, как носище застарелого пьяницы, нарост, который для знатока был прекрасней цветка розы.

За этим он и поехал.

И вот погас последний свет длинного весеннего вечера, а дедушка Иван все не возвращался.

Барби аккуратно сложила ноты, погасила свою крошечную свечу в подсвечнике дедушкиной работы, посмотрела, который час (дед сделал из маленьких дамских часиков для своей Маши большие столовые часы, которые стояли у нее в домике на полу в гостиной и отбивали время на мотив «Светит месяц, светит ясный»).

На часах было уже девять часов пятнадцать минут.

В это время автобусы ходили редко, один раз в час, да и деду совершенно нечего было делать ночью в лесу.

Разве что он заблудился.

Но и заблудиться в редком пригородном лесу довольно трудно.

Правда, тот лес, в который наострился ездить дед, был объявлен заповедником — но это никому не мешало там гулять, дрессировать собак, бросать бутылки и консервные банки, а также стрелять из рогаток по воронам, так что это был совершенно пустяковый лесок.

И по всем признакам дед должен был вот-вот приехать.

Барби села в свою розовую машину и помчалась на конечную остановку автобуса встречать дедушку Ивана.

Барби ведь была волшебница и поэтому ездила на своем скоростном автомобиле по улицам совершенно свободно, никто ее не замечал.

И на остановке она увидела, что подошел последний автобус из поселка Восточный, с которого сошла семейка с ребенком, бабушка с пуделем, затем пьяный человек в сопровождении двух женщин, которые его вели молча, временами встряхивая, а он один громко беседовал сам с собой на политические темы; кроме этого, из автобуса вышла молодая пара с магнитофоном, и на тихой автостанции, заглушив вопли пьяного, лай пуделя, плач ребенка и советы бабушки, запели Битлы: «Мишел, ма бел».

Барби догадалась, во-первых, что сегодня воскресенье (только по воскресеньям из поселка Восточный приезжают такие празднично настроенные пассажиры) и, второе, что дедушка Иван не успел на последний автобус, а от поселка Восточный в воскресенье вечером больше не ходит ничего.

И Барби на своей маленькой машине пустилась в дальний путь туда, в заповедный лес.

Разумеется, она не рассчитывала, что может довезти деда Ивана оттуда домой, но ей надо было знать, где он и что с ним.

Приехав на конечную остановку в поселок Восточный, она нашла там только двух собак, которые ругались из-за кости.

К сожалению, Барби понимала язык собак и смутилась.

Они вели себя как иностранные туристы в чужой стране, где никто их не понимает, и совершенно не стеснялись в выражениях.

Одна из собак прокричала:

— А чтоб ты оказалась в капкане, сука, где подох твой седьмой муж дядя Тузик!

Барби тут же на вежливом международном языке спросила, где этот капкан.

Собаки не растерялись, прижали кость каждая одной лапой и дружно показали другими лапами направление.

— А кто ставит этот капкан? — спросила Барби на международном языке.

Собаки ответили громким и возмущенным лаем, что ставит этот капкан малый по кличке «Чума», ему уже двенадцать лет, и пять лет от него нет никакого спасения.

У парня три рогатки, капкан и мама-пьяница, которая одобряет поведение сына и охотно варит суп из голубей, а то и из собак, так как в доме нечего есть, она все пропивает.

Барби помчалась в указанном направлении (собаки, разумеется, побежали ее провожать, причем одна из собак скакала с костью в зубах, окончательно победив) и скоро на своем маленьком автомобиле, который умел ездить и без дороги, Барби доехала до места, где мальчик по кличке «Чума» обычно ставил свой капкан.

Дедушка Иван лежал там без сознания с капканом, замкнувшимся у него на руке.

Рядом с дедом валялась его сумка, в которой находилось что-то бугристое.

Видимо, дедушка нашел большой наплыв на пне, провозился с ним дотемна, отпиливая свою драгоценную находку, и не заметил, как задел капкан.

Барби мгновенно освободила деда, подула на него, достала из машины крошечный пузырек с яркозеленой, светящейся во тьме жидкостью (это была волшебная зеленка) и смочила им окровавленную руку деда.

Дедушка Иван глубоко вздохнул и, кряхтя, встал на ноги.

— Гм-гм, — сказал он сам себе. — Угораздило споткнуться.

Он даже не понял, что был ранен и пролежал на земле несколько часов.

Дед Иван поднял с земли свою сумку и, пошатываясь, побрел неведомо куда в темноте.

Разумеется, Барби Маша не показалась ему, она стояла в стороне, но попросила обеих собак довести деда до поселка.

Собаки с радостью (одна из них не выпуская кости из рта) побежали вперед, оглядываясь, и дед почему-то пошел следом за ними.

А вот Барби не пошла никуда, она молча стояла и ждала.

Вскоре послышался топот, и к месту происшествия прибыл сам охотник, мальчик по имени Чума, которого боялись все собаки, птицы и кошки поселка Восточный.

Осмотрев пустой капкан, мальчик Чума громко выругался и тут же неожиданно для себя превратился в лису.

Растерянно повертевшись на месте, новоявленная маленькая лиса мигом угодила в капкан и громко завопила.

Капкан прокусил лисе ее тонкую ножку.

Барби продолжала стоять под ближайшим деревом.

Тут опять раздалась шаги, на этот раз тяжелые и неуверенные: это поспешала за своим сыном-охотником его мамаша, прозвище которой было Шашка.

Шашка ворчала:

— Есть он хочет! Я т-тебе дам воровать у матери! Я тебя знаю где ты есть! Я т-тебя поймаю!

С этими словами Шашка выбралась на небольшую поляну, где скулила молодая лиса, попавшая в капкан.

Увидев мать, лиса издала крик радости и, волоча ножку с капканом, потащила к Шашке со стонами.

Барби хорошо поняла, что кричал лисенок:

— Мама, мама! Как хорошо, что ты меня нашла! Помоги мне! Мне больно!

Мать же по имени Шашка бормотала:

— Ша я тебя поймаю... Шкуру сворочу... Мясо сварю...

Неуклюжими, непослушными пальцами она открыла капкан, вытащила лисенка и стала ругаться:

— Одна кожа да кости! Че тут варить! Шкура драная и все! Шею тебе свернуть и все!

Она бросила лисенка оземь (лисенок взвизгнул) и снова привела в боевую готовность капкан, довольно умело для своих толстых пальцев.

После этого она повернулась уходить.

Лисенок завопил:

— Не бросай меня, мама! У меня льется кровь! Я подохну здесь!

А мама его громогласно выругалась и сплюнула, вытирая окровавленные руки о куртку, но тут же превратилась в большую волчицу, грязную и драную.

И, как все волки, она быстро нанюхала кровавый след лисенка.

С ворчанием большая грязная волчица кинулась к лисенку, который, скуля, пытался отползти, и уже разинула над ним свою жадную пасть...

Но немедленно угодила лапой в капкан!

И, забыв обо всем, она завывала:

— Ой, пустите, ой как больно, да за что же мне такая жизнь собачья!

А раненый лисенок отвечал ей жалобным визгом.

— Мама, мама, ты меня не узнала? Мама, я погибаю.

— И я погибаю, сынок,— отвечала хрипло старая волчица.— Ой, больно, больно!

— Мама,— вопил лисенок,— ты же меня чуть не съела!

— Откуда же я знала, что это ты!

— Мама, давай я тебе помогу,— пищал лисенок.— Я зубами открою капкан.

— Помоги, помоги маме, сыночка,— хрипела волчица.— Иди сюда!

— А ты не съешь меня, мама?— спрашивал лисенок, подползая.

— Ой, съем, съем, сынок,— плакала волчица.— Я съем тебя, не подходи.

Но лисенок, скуля, все-таки подполз к волчице и уткнулся в ее теплый, грязный бок, а она, плача, стала вылизывать его больную, раненую ножку.

Затем они вдвоем дружно начали грызть капкан.

И этот капкан, который был сделан прочно, на добрый десяток лет, вдруг сломался.

Волчица взяла в пасть загривок лисенка и, хромая, потащила его куда глаза глядят.

Лисенок верещал:

— Как это больно, попадать в капкан!

— Теперь мы звери с тобой, сынок. Куда нам деваться!
На нас все будут охотиться. Мы пропали.

— Мама, а мы с тобой и были звери. Если бы я тебе принес мертвую волчицу и лису, ты была бы рада?

— Была бы, сынок.

— Мама, как бы я хотел снова стать человеком, мамочка!

— Я бы тоже хотела стать человеком, я давно хочу стать человеком, но я уже не человек, сынок! Я зверь, сынок. Прости меня, сынок.

А маленькая Барби Маша слушала этот их разговор и вдруг молча кивнула.

И тут же Шашка и Чума оказались на лесной тропинке вдвоем, причем Шашка, хромая, несла сына на руках.

Шашка говорила:

— Чтобы больше никаких капканов, сынок. Я завтра же устраиваюсь на работу, пойду уборщицей в столовую. Там не хватает уборщиц. Там нас будут кормить. Ты вернешься в школу. Годится?

И маленький, худой Чума, повиснув у нее на шее, отвечал:

— Годится, мама. Я хочу пойти в школу летчиков.

— Ну вот, это ты правильно решил. Тебя бы подкормить, ты бы поздоровел. В летчики берут ведь здоровых, понял?

И так, мирно беседуя, мать и сын продвигались домой.

Они даже не заметили, как зажили их раны, и мамаша все так же несла своего худого Чуму на руках, а он все так же прижимался к ней, как младенец.

А Барби села в свою машину и догнала деда Ивана, который довольно быстро в сопровождении двух собак пришел в поселок Восточный, как раз когда последний откуда-то взявшийся дополнительный автобус собирался отъезжать от остановки.

Дед Иван, войдя в автобус, кое-что вспомнил и успел бросить в закрывающуюся дверь на асфальт два бутерброда с колбасой из своей сумочки.

И благодарные собаки приступили к ужину, заботливо оставив кость рядом для дальнейших переговоров.

А Барби быстро приехала домой и тоже приготовила ужин: макароны с томатным соусом и компот.

А вот как она их приготовила, это ее секрет.

Но дед Иван не заметил ничего, он вытащил из своей сумки березовый нарост, зажег настольную лампу и сел размышлять над своим сокровищем.

Барби Маша только подумала, что этот нарост чем-то похож на лицо одной бывшей пьяницы по имени Шашка...

ПРИКЛЮЧЕНИЯ С ВОЛШЕБНИКАМИ

Белые чайники

Одна добрая волшебница решила поселиться в театре, и не потому, что ей хотелось устраивать там чудеса, а просто потому, что ей надоело каждый вечер выколдовывать себе билет в театр.

Она решила поселиться в театре, но долго не могла решить, в каком именно месте театра ей поселиться. Она хотела жить там, откуда лучше всего видно сцену — и, наконец, выбрала себе сцену. Она построила там хрустальный дворец с башней, поставила подогреваться чайник и стала ждать вечера, чтобы вдоволь полюбоваться спектаклем.

Директор театра долго не мог примириться с мыслью, что на сцене у него живет колдунья, но поскольку сде-

лать ничего было нельзя, — волшебница не желала разговаривать с директором — то директор театра наконец позволил волшебнице жить на сцене, только попросил ее стать невидимой вместе со своим дворцом.

Волшебница была добрая старушка и согласилась стать невидимой, и единственное, что осталось видимым — это ее чайник, из которого она время от времени наливала себе чаю. «Иначе, — говорила она, — чай будет холодный, если чайник будет невидимый».

Зрители пришли в театр, свет погас, занавес открылся — и в полной темноте перед зрителями предстал белый чайник, висящий в воздухе. Зрители захлопали чайнику, висящему в воздухе, потому что подумали, что это очень интересное начало спектакля, и стали ждать продолжения.

А продолжение было такое, что Красная Шапочка берет у своей мамы пироги и кувшинчик с молоком, чтобы отнести бабушке. Дело происходило на кухне, так что чайник, хоть и висящий в воздухе, был не лишним. И когда занавес закрылся, зрители как ни в чем не бывало захлопали.

В следующей сцене Красная Шапочка должна была идти по лесу и собирать грибы и цветы. И, пока зрители хлопали, директор театра думал, как приспособить висящий в воздухе чайник к лесу, грибам и цветам.

«Потом, — думал директор театра, — будет уже сцена в бабушкином доме, и там чайник придется как раз кстати. Но сейчас, когда на сцене должен быть лес — к чему в лесу будет висеть чайник? Никто ничего не поймет!»

И вдруг директор придумал. Он послал сторожа купить много белых чайников, и когда сторож принес целую связку чайников, директор велел развесить чайники по деревьям и кустам.

— Пусть, — сказал директор, — эти чайники будут у нас вместо птичек. И тогда зрителям будет казаться, что та птичка, — он показал на чайник волшебницы, — просто летает в воздухе.

И директор велел Красной Шапочке говорить, указывая на висящие на ветках чайники: «Какие красивые белые птички с длинными носиками!»

И когда открылся занавес, Красная Шапочка, гуляя по лесу, действительно показывала на чайники и говорила:

— Какие красивые белые птички с длинными носиками!

И зрители снова хлопали и говорили:

— Действительно, какие красивые у них эти птички-чайники! Как интересно придумал директор театра — вместо того, чтобы показывать нам картонных раскрашенных птичек, он просто придумал повесить чайники и назвать их птички! И мы уже, — говорили зрители между собой, — мы уже даже начинаем забывать, что бывают какие-то другие птички кроме чайников. Жаль только, что у директора театра эти птички-чайники не поют!

А потом в спектакле должна была идти сцена у бабушки в доме. Там чайник волшебницы был совершенно на своем месте и ничем не выделялся, хоть и висел в воздухе. И зрители стали говорить, что в лесу чайники-птички выглядели интересно, а просто чайник на просто кухне — это уже не интересно.

Так кое-как и прошел спектакль про Красную Шапочку, и довольная добрая волшебница улеглась спать в своем хрустальном дворце, чтобы завтра снова без билета смотреть представление. Ей очень понравилась сказка про Красную Шапочку, только она не поняла, зачем понадобилось развешивать по деревьям столько белых чайников!

Следующий спектакль на следующий вечер был сказкой про Гадкого утенка. Теперь уже директор театра хорошо продумал, как ему поступить с белым чайником волшебницы, висящим в воздухе. Он велел художнику написать новую вывеску для театра.

— Теперь наш театр будет называться «Театр белых чайников», — объявил он всем.

И в спектакле про Гадкого утенка белые чайники сначала играли роли белых уток, которые щиплют бедного Гадкого утенка, а в конце те же чайники изображали собой прекрасных белых лебедей. Да и роль Гадкого утенка тоже играл белый чайник — только в начале его замазали серой краской, и он был действительно гадкий чайник, а в конце, когда Гадкий утенок вырастает и становится прекрасным белым лебедем с горделиво выгнутой шеей — чайник отмыли и он действительно стал прекрасным белым чайником с горделиво выгнутым носиком.

Спектакль прошел как нельзя лучше. Весь город только и говорил, что о новом театре белых чайников, о прекрасных новых артистах — белых чайниках, которые играют все роли. И только добрая волшебница, посмотрев спектакль «Гадкий утенок», ничего не поняла и спросила:

— При чем здесь чайники?

Но так как из театра уже все ушли, волшебнице никто не ответил на ее вопрос, и она дунула на свой хрустальный дворец, прихватила с собой чайник и удалилась прочь.

Чемодан чепухи

Жил да был портной, который однажды вдруг задумался и все перепутал в своем шитье: например, одному человеку он пришил к пиджаку три рукава; другому он сделал на шапке большой карман; а одной злой колдунье он смастерил платье, у которого рукава были сшиты друг с другом.

И много еще разной одежды он перепортил из-за своей задумчивости.

Конечно, все стали ругать портного, а злая колдунья бросила прямо на пол свое платье с соединенными рукавами и сказала:

— Сам носи такое платье! И будешь носить не только это платье, но и все другие вещи — пока кто-нибудь не захочет их у тебя отнять. Но вряд ли кто-нибудь захочет отнять у тебя такую чепуху. Так что я тебя заколдовываю!

И сказав это, колдунья взмахнула руками и исчезла. А бедный портной чуть не заплакал.

Но его хитрая жена сказала:

— Не все еще потеряно! Колдунья сказала «носить». Но ведь носить — это не обязательно надевать на себя. Можно носить эти вещи и в чемодане.

И хитрая портновская жена живо притащила чемодан, положила туда всю одежду, и портной стал всюду ходить с чемоданом. И плавал с чемоданом. И спал, держась за чемодан.

Так что все стали обращать на него внимание и стали говорить, что наверное у портного в чемодане что-нибудь такое лежит. Особенно заинтересовались чемоданом разбойники.

И вот однажды разбойники поймали портного и стали отбирать у него чемодан.

Портной пожалел их и сказал:

— Ну зачем вам этот чемодан? Там ведь просто чепуха!

— Это ты притворяешься, что там чепуха! — закричали разбойники. — Отдавай сейчас же чемодан!

Портной пожал плечами и отдал чемодан. Но при этом он сказал:

— Теперь этот чемодан будет ваш. Вы будете носить эти вещи, пока у вас их кто-нибудь не отнимет. Запомните!

А разбойники весело отвечали, держась за чемодан:

— Не беспокойся, у нас-то никто ничего не отнимет!

Разбойники ушли в лес, сели там в кружок и стали делить добычу. Их было двадцать пять человек, и каждому досталась из чемодана какая-нибудь одежда.

Одному досталось пальто, зашитое снизу, как мешок.

Другому — рубашка, у которой вместо рукавов были пришиты чулки.

Третьему — брюки с пятью штанинами.

Четвертому достались носки, сшитые как перчатки.

А пятый получил зимнюю шапку, в которой были две большие дыры для ушей.

Все разбойники, глядя друг на друга, переругались.

Особенно ругался тот разбойник, у которого оказалась рубашка без прорези для головы. Он уже надел эту рубашку и не знал, куда девать голову.

Разбойники пытались снять с себя эту одежду, но она прилипла к ним. Тут старший разбойник закричал:

— Портной говорил правду! Он же нас предупреждал, что мы будем носить эти вещи, пока у нас их кто-нибудь не отнимет!

И все разбойники заплакали. Особенно плакал тот, которому некуда было девать голову, и он плакал под рубашкой.

— Погодите! — сказал старший разбойник. — Но ведь сам-то портной ходил всюду с чемоданом! Он носил эти вещи не на себе, а в чемодане!

Разбойники повеселели, стащили с себя одежду, сложили ее в чемодан и пошли обратно в город. Им приходилось нести чемодан всем сразу, потому что их руки не могли оторваться от чемодана. Разбойникам было очень тесно идти, они толкались, наступали друг другу на ноги, но терпели.

И вдруг им повстречался самый большой хитрец в городе.

Хитрец увидел их и сказал:

— Что это у вас за чемодан — такой облезлый и грязный! Я бы за него не дал и копейки.

Разбойники ему сказали:

— Иди своей дорогой и не смотри на чужие чемоданы.

А хитрец сказал:

— Если вы идете толпой, вы думаете, что никто не увидит, что вы несете чемодан? Я бы за этот чемодан

не заплатил бы и двух рублей. Даже если бы вы мне его захотели продать.

Разбойники ответили:

— Этот чемодан не продается!

— Ах не продается! — сказал хитрец. — Тогда я могу обменяться с вами. Вы мне дадите ваш некрасивый чемодан, а я вам подарю две вещи, которых вы никогда не видели.

Разбойники дружной толпой подошли к хитрецу.

— Мы согласны! — закричал тот разбойник, которому досталась безголовая рубашка.

— Ты, может, и согласен, но я не согласен! — сказал старший разбойник и наступил на ногу тому разбойнику, который получил брюки с пятью штанинами. И тот разбойник нарочно закричал:

— И я не согласен! Мы не можем отдать чемодан, у нас можно его только отнять! А тот разбойник, которому досталась безголовая рубашка, тихо сказал хитрецу:

— Ты хватай чемодан и тяни к себе, а я в это время упаду. — И он упал, а на него повалились все остальные разбойники.

Хитрец мигом выхватил чемодан у разбойников и сказал им:

— Сейчас будет честный обмен! Я вам вместо вашего грязного чемодана дарю две вещи, которых вы никогда не видели.

И хитрец протянул разбойникам ладонь и сказал:

— Берите!

— А тут нечего брать! — сказал старший разбойник, поднимаясь с земли. — У тебя ничего нет!

— Как это нет! — сказал хитрец. — Тут лежат две вещи, которых вы никогда в жизни не видели: рожки и хобот кошки! Я вам их дарю!

Тут хитрец повернулся и пошел поскорей домой.

А старший разбойник сказал ему вслед:

— Только имей в виду, что этот чемодан будет твой до тех пор, пока его кто-нибудь у тебя не отнимет!

А хитрец засмеялся и сказал:

— Хитрей меня никого нет в городе! Никто у меня его не отнимет.

Придя домой, хитрец открыл чемодан и увидел пиджак, у которого оказался всего один рукав, да и то пришитый на спине.

Тут хитрец все понял, положил пиджак обратно в чемодан и пошел на базар, и встал в самый последний ряд.

Мимо проходила дама. Она увидела чемодан на прилавке и сказала:

— Вы что-нибудь продаете?

— Продаю платье, но вам оно не подойдет.

Тогда дама спросила:

— Можно мне его померить?

— Нельзя, — ответил хитрец. — Это платье рассчитано на самую красивую даму в городе.

— Ну так дайте же мне его померить, — сказала дама. — Это как раз то, что мне подходит.

— Нет, нет и нет, — сказал хитрец. — И не просите.

Пока они разговаривали, сбежались все дамы города. Все они хотели померить платье.

И тут появилась колдунья и сказала хитрецу:

— А мне вы не хотите дать померить платье из вашего чемодана?

— Нет, — ответил хитрец.

Тут колдунья взмахнула руками и сказала:

— Пусть платье, которое лежит в чемодане, окажется на мне!

А надо сказать, что единственное платье, которое лежало в чемодане, было как раз то самое платье с соединенными рукавами.

И волшебница мигом оказалась одетой в это платье. Она хотела было взмахнуть руками, чтобы начать колдовать, но рукава ей помешали.

А когда она пошла прочь, чемодан поскакал следом за ней.

С тех пор волшебница не колдует, разбойники не разбойничают, хитрец больше не хитрит. В городе стало тихо и спокойно.

А портной шьет всякую всячину и поглядывает в окошко. И когда он видит колдунью, которая всюду ходит с чемоданом, он каждый раз ей кланяется и говорит:

— Все-таки я был прав, что сшил вам такое платье! В этом платье вы очень милы!

Мастер

Один маляр всю свою жизнь честно красил стены, крыши и заборы и стал очень знаменитым и богатым мастером. Он перестал разговаривать с простыми людьми, ни с кем не здоровался, но зато каждое утро ходил со своими красками и кистями во двор к богачу, хозяину города.

Правда, люди рассказывали, что раньше этот маляр был добрым человеком и даже однажды спас паука, который тонул в ведре с краской. Но с тех пор прошло много времени, и маляр сильно изменился, стал суровым, все время молчал и разговаривал только со своей дочерью.

И единственное, за что его люди уважали, — это за то, что он был действительно хороший маляр. Он красил дома в красные, синие и зеленые цвета, а заборы делал в клеточку и в горошек. Крыши у него получались золотые, и весь город из-за этого сверкал и переливался на солнце.

Но все-таки маляра не любили за то, что он каждое утро ходил к толстому богачу. Зачем он ходит — никто не знал, выдумывали всякие причины, а один человек даже сказал, что видел через забор, как маляр красит

богача розовой краской. И самый старый старик в городе ответил на это, что, конечно, всякий может рассказывать все, что ему в голову взбредет, но никто еще никогда не слыхивал, чтобы человека красили краской — ведь всякому известно, что, если человека выкрасить, он задохнется и умрет.

Так что никто не знал правды, а мы с вами узнаем.

Однажды, когда маляр уже собирался уходить из дворца богача, богач сказал ему:

— Постой. Я знаю, ты великий мастер. В нашем ветхом, старом городишке ты навел такую красоту, что все думают, будто это новый прекрасный город. Все стали очень довольны своей жизнью и радуются, что живут в таких красивых домах, хотя дома развалятся при первом же урагане.

Маляр сказал:

— Мое дело красить. Чье-то дело строить дома, чье-то дело разрушать дома, а мое дело — красить. Я честно работаю на своем месте. Если все будут честно работать каждый на своем месте, как это делаю я, то на свете не останется ничего плохого. Но я ведь не буду всех учить: ты работаешь плохо, а ты вообще не работаешь. Это не мое дело. Это дело кого-то другого. Мое дело красить, и я это дело люблю, а на все остальное я не обращаю внимания.

— Тебе все равно, что красить? — спросил богач.

— Все равно, — ответил маляр, — хоть вас, хоть луну, хоть дубовый шкаф. Я любую вещь раскрашу так, что она засияет.

— Послушай, — сказал богач. — Этот город принадлежит мне. Я его купил уже давно.

— Мне все равно, — ответил маляр. — Ты его купил, а я в нем живу и его раскрашиваю. Покупать города — это не мое дело.

— Да, — сказал богач, — этот город мой. Ты его хорошо раскрасил, в нем приятно жить. Но я ведь знаю, какой ветхий этот городишко. Он скоро развалится. Так что перед тем как этот город развалится, я хочу его продать.

Его будет очень легко продать, он ведь красивый. Однако я тебя попрошу сделать одну работу.

— Работать я люблю, — сказал мастер.

— Видишь ли, — продолжал богач, — я хочу продать город одному людоеду. Этот людоед очень любит золотые яблочки. Он просто жить не может без золотых яблочек.

— А я тут при чем? — спросил маляр. — Выращивать яблоки — не мое дело.

— Я хочу попросить тебя, — сказал богач, — чтобы ты раскрасил все листья на всех деревьях в городе золотой краской. Это очень трудная работа. Но тогда я скажу людоеду, что у меня в городе на всех деревьях растут золотые яблоки. Раз листья золотые — то и яблоки будут золотые. И он поверит.

Маляр сказал:

— Но ведь это — очень сложная работа — раскрашивать каждый листик золотой краской.

— Я знаю, что это трудная работа, — ответил богач, — и что эту работу в целом мире можешь сделать только ты. Но я ведь тебе облегчу работу — у меня есть цистерна с золотой краской. Ты будешь просто стоять под деревом и, как дворник, поливать листья из шланга золотой краской.

— Как дворник? — переспросил маляр. — Эта работа мне не подходит. Такую работу может вам сделать любой человек, а я великий мастер.

— Ну хорошо, хорошо, — сказал богач. — Не надо из шланга. Раскрашивай каждый листик отдельно. У тебя получится так прекрасно, так красиво, все будет просто сиять. И мы обманем людоеда!

— Это не мое дело — обманывать людоеда, — сказал маляр. — Мое дело — красить.

Наутро маляр приступил к работе. Он сидел на верхушке дерева и раскрашивал один листик за другим.

— Глупая работа, — говорили жители друг другу, — листья задохнутся под слоем краски и засохнут.

Однако маляр их не слышал и продолжал терпеливо красить листья. Но когда он дошел до нижних ве-

ток, сверху один за другим начали падать раскрашенные листья.

— Хозяин, — сказал маляр богачу, — листья-то падают. Моя работа пропадет.

— Что ты, — закричал богач, — эти листья просто подумали, что наступила осень. Сейчас я пришлю рабочих, и они приклеют все листья обратно.

Так и пошла работа: маляр красил, листья падали, рабочие их ловили и приклеивали обратно.

И когда маляр закончил раскрашивать первое дерево, а рабочие закончили приклеивать листья, богач закричал:

— Очень красиво! Совсем как настоящая золотая яблоня! Ты просто самый лучший маляр в мире!

В это время подул ветер, и листья заскрежетали, как жестяные.

— Вот! Слышишь? — воскликнул богач. — Они звенят, как настоящее золото!

И маляр ему ответил:

— Если работаю я, то можно быть спокойным: дело будет сделано как надо.

На следующий день, когда маляр подошел к следующему дереву, богач его остановил и сказал:

— Пока хватит одного золотого дерева. Я выяснил, что гораздо больше золотых яблочек людоед любит золотых людей. Понимаешь? Надо выбрать самую красивую девочку в городе — хотя бы твою дочь, чтобы она, раскрашенная золотой краской, встречала людоеда. Тогда-то он обязательно купит мой город!

— Людей нельзя красить краской, — сказал маляр. — Люди это не заборы.

— Как это нельзя? — закричал богач. — Что ты мне сказки рассказываешь? Разве ты не ходишь ко мне каждое утро, а?

— То ведь ты, — сказал маляр, опустив голову.

— Ах, вот как ты заговорил? — спросил богач. — Сейчас я позову своих слуг, и они сами раскрасят твою дочь в золотой цвет. И они не будут раскрашивать ее мягкой

кистью, а просто обольют из шланга золотой краской. Это будет грубая работа, но мне теперь уже все равно. Надо торопиться.

Тогда маляр сказал:

— Ладно. Я раскрашу мою дочь. Я раскрашу мою дочь — но не мягкой кисточкой, а прямо из шланга. Это я сделаю завтра. Только предупреди всех жителей города, пусть они не выходят завтра из домов, и ты не выходи — а то я могу случайно облить кого-нибудь золотой краской. А людоед ведь любит золотых людей.

— Договорились! — сказал богач и ушел к себе во дворец.

Рано утром маляр со своей дочерью вышли из дому и закричали:

— Все спрячьтесь! Если золотая краска попадет кому-нибудь в глаз — можно ослепнуть! Все спрячьтесь!

И все спрятались и даже задернули окна занавесками. Но спрятались не потому, что боялись ослепнуть, а потому что не хотели видеть, как маляр будет губить свою дочь. Все сидели по домам и плакали.

И вот на главной площади раздался сильный шум — как будто шел дождь. Но жители города знали, что это просто краска льется из шланга, и плакали навзрыд.

А потом шум стал раздаваться по всему городу, на всех улицах — и жители города поняли, что маляр решил выкрасить весь город в золотой цвет и теперь поливал из шланга все подряд — дома, заборы, деревья.

И горожане продолжали плакать:

— Как жалко, что теперь наш красивый, разноцветный город станет одноцветным. Маляр, наверное, и всех птичек покрасит, и всех бродячих собак. И мухи у нас все будут золотые...

Наконец шум на улицах прекратился. И маляр закричал:

— Теперь все до одного выходите!

Горожане вышли на улицу и чуть не попадали от удивления. Города нельзя было узнать. Не осталось никаких ярких, веселых домов, золотых крыш и клетчатых заборов. Всюду виднелись только дырявые стены, почерневшие от времени заборы, ржавые крыши...

— Что ты наделал! — закричал богач.

— Я просто вымыл город водой из шланга, а моя дочь мне помогала, — ответил маляр. — Ведь никто не замечал, что мы живем в дырявом, старом, бедном городишке.

— Да как ты смеешь! — закричал богач. — Это не твой город, а мой. Сейчас я позову слуг, и тебя бросят в яму!

— Только попробуй, — сказала дочь маляра и направила на богача свой шланг. Богач выхватил револьвер, но прямо в лицо ему била струя воды, и он никак не мог нажать курок.

Да и руки у него становились все короче и короче. С богачом вообще творились странные вещи: он как будто начал размываться. Он уменьшался в размерах, делался все ниже, все мельче. С него ручьями стекала розовая краска, и он уже стоял в большой луже, и в конце концов вместо толстого розового богача все увидели черного паука, который барахтался в луже розовой краски.

— Помогите! — кричал паук. — Мастер, вытащи меня снова из этой краски, ты ведь меня уже однажды вытаскивал! Мешок золота за спасение!

Но мастер покачал головой и сказал:

— Я здорово поумнел с тех пор!

И дочь маляра смыла паука в водосточную канаву.

Мальчик-бубенчик

Жил-был один мальчик, который очень любил гулять в лесу, и мама подвесила ему на шею колокольчик, чтобы ей было слышно, где мальчик бегает. Однажды он пришел домой и говорит:

— Мама, сними с меня колокольчик, а то ребята меня дразнят «корова», что я хожу со звонком на шее.

— Хорошо, я этот колокольчик привяжу тебе на руку, захочешь — позвонишь мне, не захочешь — не надо. А то ты заблудишься.

И мама привязала мальчику колокольчик на руку. Но ребята опять стали смеяться над ним. Тогда он привязал колокольчик на хвост собаке, пробежавшей мимо. Собака испугалась звона и умчалась в глубь леса.

А в лесу жил злой колдун, которому очень надоел звук колокольчика. Он решил поймать мальчишку и бросить его в сухой колодец.

В этот вечер он вышел из дому и стал бегать по лесу, ища, где звонит мальчик с колокольчиком. И вскоре он поймал собаку с колокольчиком на хвосте, плюнул с досады и бросил собаку в сухой колодец.

Но колдун плохо рассчитал, потому что собака на дне колодца продолжала лаять и греметь колокольчиком. Колдун прикрыл колодец ветвями. Звон все равно шел из-под земли. Колдун еще раз плюнул и поплелся домой.

А в тот вечер мальчик долго играл с ребятами, и мама забеспокоилась. Она пошла на край леса и услышала издали звон бубенчика. Туда мама и побежала. Наконец она нашла кучу веток, из-под которых шел звон. Мама стала звать мальчика, раскидывала ветки, но в ответ услышала вой со звоном. Мама нагнулась над колодцем и позвала еще раз, однако из глубины колодца раздался только сильный звон колокольчика и тонкий визг. Мама очень испугалась, схватилась за веревку, висевшую над колодцем, и стала спускаться. Веревка была коротка, и в конце пришлось прыгнуть. Но на дне не было мальчика с колокольчиком, а стояла только собака, которая била хвостом и звенела изо всей силы. Мама заплакала, но что было делать? Веревка висела слишком высоко. Мама отвязала колокольчик от собачьего хвоста и стала им звенеть.

А мальчик тем временем испугался темноты и пришел домой. Дома никого не оказалось. Он отпер двери своим ключом, поискал маму, а потом вышел на балкон. С бал-

кона виден был далекий лес и еле слышно раздавался звон бубенчика.

Мальчик ушел с балкона, поел картошки со сковородки, выпил воды с сахаром и стал смотреть телевизор. Мама все не приходила. Тут и передачи по телевизору закончились, и мальчик вдруг испугался сидеть один в пустой квартире. Он вышел на балкон и стал звать: «Мама! Мама!» Но никто ему не ответил, только вдали заунывно гремел колокольчик.

«Наверно, мама меня ищет и бежит за собакой, — подумал мальчик. — Но собаку-то ей не поймать!»

Он подождал еще немного и решил пойти в лес, где бегала собака со звоном. Это был маленький лес с кустами и консервными банками, и мальчик знал там все тропинки! Тем более что собака все время гремела колокольчиком.

Мальчик побежал на далекий звон, не переставая звать маму.

А этот непрерывный звон окончательно вывел из себя злого колдуна, и он решил раз и навсегда покончить с собакой и с колокольчиком. Он отправился к заброшенному колодцу. А туда в это время уже прибежал мальчик. Мальчик кричал: «Мама! мама!» — и звон вдруг умолк, и из глубины колодца мама глухо позвала его: «Я здесь, в колодце!» Мальчик очень испугался этого голоса из-под земли и спросил: «Ты упала, мама?»

В это время появился злой колдун, неся в руках огромный камень и громко ворча. Колдун увидел мальчика и пока что не стал затыкать колодец камнем, а сказал:

— Ты что гуляешь по ночам? Сейчас я тебя съем.

— Туда в колодец упала моя мама, — ответил мальчик. — Слышите?

И из глубины раздался голос:

— Приведи кого-нибудь из взрослых, пусть найдут веревку!

Мальчик закричал:

— Уже пришел дядя! У него есть камень!

Колдун ответил громко:

— Да вот, несу камень, крыльцо обвалилось!

— Камень не годится! — крикнула мама из-под земли. — Нужна веревка!

Мальчик спросил:

— У вас не найдется веревки?

— Что я идиот, что ли, — ответил колдун. — Буду я гулять ночью по лесу с веревками!

— А что же делать? — сказал мальчик.

Колдун задумался. Положение было тяжелое. Если плюнуть и исчезнуть, они там, в колодеце, всю ночь прозвонят и прокричат, и ночь пропала, не заснешь. Если заткнуть колодец камнем, мальчишка будет камень отваливать и раскричится, будет звать на помощь. И прибегут люди, он всем разболтает. И придется отсюда испаряться, а район хороший, рядом магазины, парк, кино и лес. Колдун любил притворяться простым человеком, пить лимонад, есть мороженое и играть в шахматы в разных видах — то в образе пожилой женщины, вызывая всеобщее изумление своим мастерством, то в образе летчика в форме, про которого все думали, что это засекреченный космонавт. То он намекал, что он разведчик в отпуске, — в общем, всякое бывало. И теперь приходилось покидать насиженное место.

— Слушай, парень, может, ты слазаяшь за матерью в колодец? — спросил колдун мальчика. — Я тебе дам для матери корзиночку с пирогами, горшочек маслица и бутылочку молока. Подкрепитесь. А я пока схожу за веревкой, за длинной веревкой.

И колдун достал из воздуха корзиночку с пирогами.

— Мама! — закричал мальчик. — Я сейчас к тебе спущусь!

— Ни в коем случае! — глухо ответила мама из колодца. — Я тебя сразу же накажу за это!

Колдун швырнул корзиночку в кусты, и она мгновенно испарилась на лету.

— Ты иди за веревками, а я буду звонить! — крикнула опять мама из-под земли.

Колдун даже задрожал, представив себе, что опять раздастся этот проклятый звон. Он и в лесу-то жил ради тишины. Сейчас мальчишка убежит, и надо будет успокоить всю эту компанию камнем!

— Нет, — крикнул вниз мальчишка, — я один не побегу, мне страшно!

Колдун плюнул с тоски и взял из воздуха моток веревки.

— У дяди веревка! — закричал мальчик матери.

— Пусть привяжет и спускает к нам! — закричала мама и зазвенела колокольчиком.

Колдун, морщась от злобы, привязал веревку и спустил ее. На конце веревки он наколдовал привязанную доску, чтобы быстрее кончить это дело.

Потом пришлось тянуть веревку из колодца, и колдун прямо ахнул: на доске торчала, свесив ноги, собака!

— Она там что, одурела? Я нанимался тут собак таскать? — зашипел колдун. — Все, я пошел.

Собака соскочила на землю и принялась обнюхивать колдуна.

— Мама, мама! — закричал мальчик в колодец. — Дядя уходит!

И мама в ответ отчаянно зазвенела колокольчиком.

Колдун весь перекопился и снова опустил веревку. На веревке оказалось привязано большое кожаное кресло. На этом кресле мама и поднялась наверх. Она спрыгнула и хотела сказать «спасибо» своему спасителю, но он уже преобразился в пень. Собака понюхала пень и задрала на него ножку. Но тут из-за пня выскочил кот, и собака помчалась за ним, бешено лая. Мама с сыном отправились домой, а колдун в это время, сидя на бульдозере, с проклятиями закапывал колодец.

Волшебная ручка

Однажды в магазин явилась мамаша с ребенком купить ему ручку.

Мамаша, разумеется, хотела купить ручку подешевле, а ребенок хотел купить ручку получше.

Стоя у прилавка, они заспорили и довольно долго выбирали, с одной стороны, ручку подешевле, но, с другой стороны, чтобы она была бы самая лучшая из дешевых.

А тут же стоял колдун, который пришел за чернилами: мало ли, нужны чернила, и все тут.

Но мамаша с ребенком все никак не могли купить достаточно дешевую и в то же время самую хорошую ручку, и терпение у колдуна лопнуло.

Он тут же преподнес малышу и его маме прекрасную ручку из своих запасов, которая имела и еще такое великолепное свойство, что начисто отбивала память у пишущего.

Возьмет человек ручку, напишет словечко — и тут же все науки испаряются из его бедной головы.

Такой подарок сделал колдун двум ни в чем не повинным покупателям.

Однако мамаша и сынок обрадовались этому бесплатному дару и потащили сувенирчик домой, причем тут же по дороге они заспорили, кто будет владеть столь прекрасной ручкой: мама говорила, что в школу нести такую вещь бесполезно, тут же украдут.

Ребенок же упирался и хотел, наоборот, пойти с этой ручкой в школу и похвастаться там перед друзьями.

Но победила, конечно, мамаша.

Наутро она отправилась на работу с новой ручкой, причем положила ее торжественно в свой тощий кошелек, чтобы не потерять, а мальчишка побежал в школу с бывшей маминой простой авторучкой, к тому же измоча-

ленной на конце: в минуты задумчивости мама, как каждый пишущий человек, грызла свое орудие труда.

Мальчик даже немного всплакнул, получая утром из рук матери такую жеваную вещь, но что делать!

Он писал своей так называемой ручкой целый школьный день, а вот мама по дороге на работу встретила в троллейбусе с мелким вором, который промышлял по чужим сумочкам.

Мелкий вор тут же споткнулся, потерял равновесие и ухватился для верности двумя руками за сумочку как раз нашей мамы.

Он тут же извинился, выпрямился, причем мамашин кошелек с ручкой уже лежал у него за пазухой: еще бы, карманное воровство — это целая наука!

Дальше их пути разошлись, вор поехал к себе домой, где его ждала его усатенькая мать и бритый отец, а также трое братьев-воров.

Это была знаменитая семья, и если братья имели среднее образование в избранной специальности, то папа кончил, можно сказать, институт, а мама была просто аспирантом в области воровства.

Братья шарили по карманам, папа работал в поездах, а мама трудилась на международных авиалиниях, совершая перелеты по маршрутам Барнаул — Ташкент или Ялта — Магадан.

Иногда, в перерывах между тюрьмами, эта добрая семья собиралась на кухне в своей квартире и дралась сковородками и кастрюлями.

И вот как раз такая драка разгорелась у них, когда усатая мать выпотрошила принесенный младшим сыном кошелек и ничего там не обнаружила, кроме трех монет и одной авторучки.

Она стукнула младшенького по голове табуреткой, отец разозлился и встал на защиту малыша, метнув утюг поперек всей кухни, а трое братьев-воров отразили удар сковородой, крышкой от кастрюли и поддоном от газовой плиты.

И уже собиралась ехать к ним милиция, вызванная соседями, как вдруг зазвонил телефон, и мать, взяв трубку, услышала милую новость: оказывается, ее родной дядя пошел грабить соседскую квартиру и просил прийти на помощь, так как в этой квартире проживал злой дедушка, который встретил дядю пулеметным огнем.

Дядя-грабитель надеялся, что у злобного дедушки уже кончатся патроны, но просил на всякий случай надеть все самое поношенное, если придется ползти под ураганным огнем противника, ибо у деда полы немытые.

Тут же дядя стал диктовать адрес боевого дедушки, сидя у него в прихожей (дед же окопался в кухне).

Дядя-грабитель кричал в телефон адрес, поминутно прерываясь, так как ему мешал ураганный пулеметный огонь, он кричал: «Возьмите ручку, диктую».

Но ручек в квартире мамы-аспиранта и ее домашних не было с тех самых пор, как младший бросил школу в третьем классе, дойдя до дробей.

Однако тут же мамаша вспомнила, что выкинула в окошко какую-то ручку, которую вор-малютка принес домой в пустом кошельке.

Пока бегали за ручкой, дядя выпросил у деда временное прекращение огня.

Но потом, когда ручка была принесена, дедушка возобновил военные действия, так как обиделся, услышав, что диктуют его собственный адрес.

Но адрес записать удалось с трудом, вся семья тут же у телефона подралась за право владения ручкой.

Мама смогла только вывести название улицы, папа успел накалякать слово «дом», но тут уже дети вырвали ручку и каждый нарисовал по цифирьке.

Короче, как только адрес был записан, наши специалисты тут же на месте позабыли все, чему обучились в своих университетах.

Вспомним, что ручка была волшебная и начисто отбивала всякую память на науку.

Мама стала убеждать по телефону разбойника-дядю не грабить дедушку, так как нехорошо брать чужое.

Папа очень ее в этом поддержал и вырвал трубку со словами: «Алло! Звоню в милицию! Адрес мы уже записали!»

А потом и взрослые дети по очереди сказали дяде, что воровать стыдно и неприлично.

На этом разговор прервался, так как дядя застонал по телефону и сказал:

— Дед попал мне по уху, больше разговаривать не могу, ничего не слышу!

И он повесил трубку.

А вся семья, забыв про свои научные достижения в области воровства, дружно пошла наниматься в овощной магазин грузчиками, и поверьте мне, в истории торговли не было более честной команды грузчиков: они, прежде чем взять и съесть, допустим, помидор или морковку, бежали к весам, взвешивали отобранное в порядке очереди, а затем, выстояв еще одну очередь, оплачивали товар через кассу!

Разумеется, их за это выгнали, так как они весь свой рабочий день посвящали беготне по очередям.

Где теперь трудятся эти честные люди, сказать трудно.

И подумать только, что всему виной — какая-то бесплатная авторучка.

А мораль сей басни такова — бесплатное обходится иногда дороже, особенно ворами!

Осел и козел

Один человек возвращался домой в автобусе и так засиделся, что не заметил, как над ним нависла какая-то старушка.

А когда этот человек уже собрался выходить, то он ее увидел и встал с вежливыми словами: «Садитесь, пожалуйста».

В ответ на что старушка сказала:

— Раз ты такой вежливый, то пусть все, что тебе сегодня пожелают, исполнится!

И она с торжеством села на освободившееся место.

Сначала этот человек шел домой спокойно, но потом он пошел гораздо осторожней: он подумал, а вдруг кто-нибудь ему пожелает «чтобы ты провалился» или, что еще лучше, «чтоб тебя приподняло и прихлопнуло».

Или как на днях ему сказала его остроумная жена: «Да чтобы духу твоего здесь не было вообще и на веки веков», это когда он сунулся на кухню съесть пирожка раньше всех, голодный же, с работы.

Представляете?

А когда он сделал ей замечание, что нельзя кидаться как та собака на людей и все-таки взял пирожок, она ответила еще похлеще: «да чтоб ты подавился вот этим пирожком».

С такими жуткими мыслями он шел домой очень осторожно, всех обходил, уступая дорогу женщинам с сумками и особенно женщинам с детьми (всем известно, как они устают и за себя не отвечают, если им кто-то встает поперек маршрута, а особенно свободный мужчина в шляпе).

И вот так, очень бережно и вежливо, он добрался до дому, сел там тихо и скромно в кресло у телевизора, включил свой любимый футбол, но очень и очень осторожно, поскольку знал, что жена, которая тоже прибежала с работы с сумками и теперь топчется на кухне, имеет очень странную привычку: с одной стороны, она жутко не любит, когда муж просто сидит как пень еловый без дела и смотрит телевизор — а с другой стороны, она не переносит, когда он суется на кухню со своими советами и якобы хочет помочь, спрашивая: «а чем воняет и что сгорело» или «ты что, слепая, сейчас у тебя молоко сбежит».

Поэтому этот человек вообще не знал как аккуратней прожить сегодняшней вечер, тем более что дети, маль-

чик и девочка, вот-вот должны были прийти, как последние хулиганы, с улицы, где раздавались их звонкие голоса, и наверняка они потребуют переключить футбол на «спокуху» или на фильм ужаса.

Кроме того, они иногда врубали музыку на полную мощь до дребезжания висюлек на люстре и рюмок в баре (когда по телевизору нечего было смотреть или когда мать прогоняла делать уроки) — и вот тогда, если сунуться к детям с просьбой сделать потише (а то не слышно голоса комментатора), то свободно можешь схлопотать такое пожелание, что очутишься в каких-то жутких местах, благодаря сегодняшней доброте старушки из автобуса.

Так что он, не заглядывая в будущее, просто придвинул свое кресло поближе к телевизору, приобнял его и склонился к нему ухом, и даже не слышал, как пришло домой молодое пополнение и что они кричали матери и что мать кричала им, он был наверху блаженства, наши выиграли два-один.

А дети, судя по всему, уже переместились на кухню, там стучали ложки о тарелки, день кончался, и наш бедный хозяин дома сунулся тоже на кухню, где получил пайку хлеба, порцию макарон с мясом и стакан компота, как в бытность свою на флоте, и был так рад тихому семейному вечеру, что завел было разговор с детишками, а что бы они пожелали своему папке на ночь.

Дети тоже обрадовались и в один голос заорали: «Спокойной вам ночи, приятного сна, желаем вам видеть осла и козла, осла до полночи, козла до утра, спокойной вам ночи, приятного сна».

Он пошел спать в приятном расположении духа (все вроде обошлось), и в результате всю ночь хлопотал: до полуночи он волок куда-то осла, осел не хотел заводиться и стоял как вкопанный, и пришлось лезть под него и что-то там подвинчивать, покручивать, так что в ре-

зультате в баке у осла открылась течь, и ровно в полночь бедный спящий человек проснулся весь взмыленный, пошел прогулялся, вымыл руки после таких дел и не успел снова лечь спать, как нате: все то же самое повторилось, но теперь уже при участии козла.

До утра он лежал под козлом, ремонтируя его, потом заводил козла, крутя ему хвост, потом ташил за рога и так умаялся, что еле проснулся.

И, разумеется, утром он ехал на работу стоя, памятуя старушку, и всем уступал даже свое стоячее место, но в переполненном транспорте с этим не очень развернешься, и в результате какая-то нервная женщина заматерилась: «Сойди с моей больной ноги, осел!»

«Сон в руку», — подумал бедный человек.

Но на этом приключение не кончилось.

Возвращаясь с работы домой, он напоролся на группировку детей, которые сосали пиво из баночек и спросили его, нет ли закурить.

Он ответил вежливо, что нет, и в ответ получил: «Ну и рой отсюда, козел, пока рога тебе не порюхали!»

«Опять сон в руку», — подумал человек.

Но когда вечером он не утерпел и пошел на кухню поведать жене, как ему предсказали на вчерашний день исполнение всех пожеланий и что их этого произошло, а кому же еще такую вещь расскажешь? — то жена ответила ему от всего сердца (а она жарила рыбу): «да чтоб ты сдох!»

Видимо, умаялась женщина.

И человек этот подумал: а какое все-таки счастье, что та старушка наградила его исполнением всех пожеланий только на один вечер и только на вчера!

И, счастливый и спокойный, он схватил со стола кусок хлеба, со сковородки хвост рыбы и пошел смотреть телевизор, все равно что.

Счастливые кошки

Жила-была одна девочка, которая как-то сказала:
— Счастливые эти кошки! Гуляют, в школу не ходят!
Я бы тоже так хотела!

И она решила найти колдуна, чтобы он превратил ее в кошку.

А колдун как раз проходил мимо и мигом выполнил желание девочки.

Тут же она оказалась на полу и зашипела.

А колдун превратился в саму девочку, топнул ногой и сказал:

— Я не хочу эту кошку, фу, она противная.

Родители удивились, они думали, что это девочка тайно принесла в дом кошку.

Но девочка-колдун взяла и выкинула девочку-кошку на лестницу, а потом и из подъезда.

Долго слышалось на улице жалобное мяуканье (был мороз), но девочка-колдун упорно сидела перед телевизором и ела конфеты, и съела все конфеты, какие были в доме, а родители ничего не могли с ней поделать, потому что поздно опомнились.

Но самая большая неожиданность случилась назавтра к вечеру, когда папа с мамой вернулись с работы.

Дело в том, что колдун в образе девочки очень заскучал и пригласил к себе в гости друзей, которые тоже пришли не одни.

Короче, когда родители вошли в дом, дым стоял ко-ромыслом, дочка пьяная сидела за столом и пела песню, обнявшись с какой-то некрасивой, немолодой красно-мордой тетенькой с очень черными бровями, а по квартире там и сям расположились живописными группами мужики и тетки с папиными бутылками в руках и ма-миными сигаретами в зубах.

Папа с большим трудом выгнал этих людей, дочка визжала и топала ногами, кричала, что у каждого должны быть свои друзья и что родители жадные и так далее, особенно же дочка ни за что не хотела отпускать свою старую толстую подругу, вопя, что без нее не заснет и нельзя выталкивать людей на мороз!

Дочь плакала, мама стала ей мерить температуру, папа собирал побитую посуду, короче, ночь прошла в хлопотах.

В школу девочка не пошла, мама на работу тоже не пошла, но дочка стала утром настойчиво посылать ее за бутылкой, предлагала распить это дело совместно и просила подымить.

Что касается кошки, то она провела эту ночь на улице под занесенной снегом машиной, а утром прорвалась в подъезд вслед за почтальоншей и стала мяукать у родной двери, но там работало радио, гремел телевизор, играл магнитофон и кто-то еще вдобавок громко визжал.

Кошка, голодная как волк, выбежала на улицу опять за почтальоншей и полезла в близлежащую помойку, но там хозяйничали жуткие вороны с огромными, как ножницы, клювами, и пришлось опять сидеть под машиной в ожидании ночи.

Ночью же кошка была побита своими же кошками, когда пыталась схватить кусочек мерзлого хлеба из помойки.

«Ну и ну, — думала кошка, сидя в задумчивости под машиной (кошки вообще задумчивые существа), — ну и ну».

На рассвете она увидела чьи-то стариковские ноги, топтавшиеся у помойки.

У ног на бумажке лежали два рыбьих хребта.

Одна кошка, самая драчливая из ночной смены, уже присела над хребтами и трясла головой, завязнув зубами в косточке.

Наша киска мигом выскочила и тоже взяла себе рыбий позвоночник, соленый и невкусный.

Та кошка, не отрываясь от еды, с полным ртом, завывала, как милицейская машина.

Над ними стоял добрый старик с большой кошелкой через плечо.

«Кормит, — думала наша киса, так и сяк угрызая сухие и соленые косточки, — есть же люди! Ура!»

Старик бросил на снег еще что-то вонючее и мягкое, и обе кошечки зарычали друг на друга, не выпуская предыдущее из зубов.

Тем временем старик, не зевая, схватил обеих за шкурки и сунул их себе в суму.

И пошел восвояси, шаркая и больно прижимая кошку локтем.

Обе несчастные ничего не могли понять, ослепли, задохнулись и замерли.

Затем старик пришел куда надо и выпустил кошек на пол уже в собственной квартире, а сам отправился на кухню и загремел там посудой.

Наша киска огляделась и увидела висящие кое-где по стенам на гвоздях новенькие меховые шапки, серые в полосочку (под тигра), бело-черные, рыженькие...

Что-то очень знакомое было в этих шапках.

На полу валялись обрезки меха, и чем-то ужасно воняло.

Под кроватью сидело еще три кошки, они сидели пригнувшись, и глаза их смотрели как-то врозь, задумчиво — мы уже говорили, что кошки много думают о своей судьбе.

Наша страдальца решила бежать при первой же возможности, найти колдуна и сорвать с него маску девочки.

И она стала вспоминать, как превращалась в кошку, как, это было утром, не хотелось вставать и идти в школу, мама позвала папу, и они вдвоем уговаривали доченьку, а она капризничала, плакала, укрывалась с головой, залезала под кровать, цеплялась там за ножки и вдруг сказала от всего сердца: «Счастливые кошки! Как я вам завидую!»

И стукнулась два раза лбом об пол, думая при этом о колдуне.

И тут, стоя на четвереньках на полу под кроватью в виде кошки, девочка сказала от всего сердца:

— Счастливые эти люди! (имея в виду колдуна).

И два раза несчастная кошка приложилась лбом об пол. Разумеется, ничего не произошло.

На квартире у девочки тоже было довольно позднее утро, мама срочно умчалась на работу, делать было нечего, она оставила свою явно больную дочь спать после бурной ночи, а больная девочка тут же закурила, выпила из спрятанной папочкой бутылки последний коньяк, все, что осталось от его коллекции, и свалилась досыпать у себя в кровати с сигаретой в зубах.

И, как это часто бывает (нельзя спать с зажженной сигаретой), пепел, упав, прожег простыню, задымило, поползло, а бедная больная девочка все спала, крепко держа бутылку за горлышко.

Кровать горела, а девочка (румяный ангел весь в кудрях) храпела как замотавшийся дворник, и ей снилось, что вокруг друзья и подруги, но некоторые подруги сильно дымят, потрескивают и кусают ее за руки и за ноги, чем дальше, тем сильнее, называется друзья, и девочка заворчала: «хорош кусаться, падлы».

И тут она открыла свои хорошенькие глаза с длинными ресницами и, кашляя, увидела огонь и дым.

— Ни хрена себе, — хрипло, со сна, сказала девочка и, с трудом поднявшись, выдоила из бутылки последний глоток и отправилась к окну, чтобы как-то прыгнуть.

Но прыгать было высоко, восьмой все же этаж, прикинула девочка. К двери тоже было не пробиться, там полыхал шкаф.

Девочка решила взять две простыни, связать их и присобачить к батарее, тогда можно было бы спуститься из окна на нижний этаж.

Кашляя и нехорошо ругаясь, девочка стряхнула горящие простыни с кровати, кое-как своими слабыми дет-

скими ручонками стала их связывать, но тут требовалась все-таки мужская сила.

Тем временем на улице забегал и заорал народ и кто-то из соседей напротив вызвал пожарных, а кто-то из знакомых позвонил на работу папе и мамочке.

Девочка выругалась злобно и длинно и превратилась обратно в колдуна, причем ночная пижамка на ней лопнула.

Колдун тут уже как следует связал простыни и стал пыхтеть, стараясь закрепить это дело на трубе батареи, причем не выпуская бутылку из мохнатой лапы.

Колдун мог превратиться в кого угодно, однако спяну он плохо соображал и не догадался стать, допустим, вороной, а то бы ворона, кашляя, вылетела из горящего окна, держа под мышкой бутылку.

Но ворона не вылетела, а пожарные уже стояли внизу, и росла лестница над их красной машиной, однако до восьмого этажа было еще далеко.

А тем временем кошка, освобожденная колдуном, неожиданно для себя вскочила на задние ноги, брякнулась спиной о кроватную сетку и выползла из-под стариковой кровати.

Она была по-прежнему в своем голубом халатике, большое счастье.

Тут же девочка схватила дедову сумку, висящую на гвозде рядом с шапками, переловила всех четырех кошек очень ловко, да они и не сопротивлялись, были задумчивы — а затем выскочила из квартиры в тапочках на снег и помчалась домой на всех парах, а кошки горестно болтались в сумке, сидя на головах друг у друга и не зная о том, что они счастливые кошки.

Итак, девочка бежала в одном халатике домой в большой мороз, вызывая интерес у прохожих, а тем временем как раз у ее дома происходило самое интересное, потому что прибежавшие мама и папа смотрели вверх из толпы, как пожарные принимают на руки с подоконника комнаты их дочери плотного волосатого мужчину, на

котором из одежды был только воротник детской пижамки с висящими лоскутками.

Мужчина, однако, увидел внизу народ, увидел упавших в обморок маму и папу, выпустил из руки коньячную бутылку, в панике взмахнул руками, увернувшись от распахнутых объятий пожарника, и взмыл вверх, на лету обращаясь в дым, из которого выпорхнул толстый воробей уличного вида и тут же сел на крышу чиститься.

А дочка в халатике стояла на коленях над мамой и папой и говорила без передышки:

— Мама-папа! Мама-папа!

Однако это был еще не конец, а концом можно считать тот момент, когда все трое вошли в свою закопченную квартиру, по которой летали хлопья сажи, и дочка сказала сразу и твердо:

— Можно я уже завела себе кошку!

— Хоть двух, — плача от радости, ответили папа и мама.

— Хорошо, четырех, — ответила их дочь и вытряхнула из сумки все свое богатство — черно-белого Мишу, темно-коричневую Груню, бархатно-серого с белой салфеткой Томика и очень пушистую, черную, но с белым воротником Мусю.

Девушка-Нос

В одном городе жила очень красивая девушка по имени Нина. У нее были золотистые кудрявые волосы, большие синие, как море, глаза, огромный нос и прекрасные белые зубы. Когда она смеялась, казалось, что светит солнце. Когда она плакала, казалось, что падает жемчуг. Одно ее портило — большой нос. Однажды Нина собрала

все деньги, какие у нее были, и пошла к врачу. Она сказала:

— В этом городе у меня никого нет, я сама зарабатываю себе на жизнь, а мои папа и мама живут далеко, и я не могу у них просить денег, они и сами небогатые. Вот все мои деньги. Сделайте мне маленький нос! Когда я родилась, мои родители совершили ошибку и не позвали на праздник старого колдуна, который жил в лесу. Когда он узнал, что его не позвали, он страшно обиделся и сказал, что сделает мне очень важный и ценный подарок. И с этих пор у меня стал расти нос. Когда мои родители пошли спрашивать колдуна, он сказал, что, если у меня будет маленький нос и я стану красавицей, меня полюбит любой подлец, а так меня полюбит единственный человек в мире. И потом он сказал моим родителям: «Посмотрите на себя! Ведь вы нормальные некрасивые люди и никогда не заботились о своих носах!» Мои родители ответили: «Но она ведь у нас растет красавицей, ее жалко!» Но волшебник ничего не сделал для меня. Теперь я выросла, я работаю парикмахершей, я хороший мастер, ко мне стоит очередь. Но счастья у меня нет.

Врач сказал ей:

— Я тут бессилён. Поедете в другой город, там живет волшебник, может быть, он вам поможет.

Девушка поехала в другой город. В одном купе с ней ехал бедно одетый молодой человек, который читал толстую книгу. Он не обратил на Нину никакого внимания. Однако ночью поезд сильно тряхнуло, и во сне Нина упала с верхней полки. Она потеряла сознание и очнулась на руках у молодого человека. Он сказал ей:

— Хорошо, что я не спал и успел вас поймать.

— Спасибо вам, молодой человек, — сказала Нина вставая. — Если хотите, приходите ко мне в парикмахерскую, я работаю на главной площади, я вас постригу и побрею.

— Нет, я сам стригусь раз в полгода большими овечьими ножницами и подравниваю бороду. Спасибо.

— Ну, тогда, — сказала Нина, — приходите ко мне просто выпить чаю.

— Спасибо, чай я люблю пить в одиночестве, — ответил молодой человек и стал читать свою книгу.

— Ну тогда просто так приходите, — сказала Нина.

— Просто так я не приду, — ответил молодой человек, — мне некогда.

Тем временем поезд уже прибыл в другой город, и Нина отправилась к волшебнику. Это оказался симпатичный молодой человек с черной бородой и в очень красивых темных очках. Он сказал, что может помочь Нине, но за это потребовал большой палец ее правой руки. Нина согласилась, стала невероятной красавицей, но без одного пальца. Когда она вышла на улицу, прохожие начали останавливаться, машины загудели, а молодые люди пустились провожать Нину до самого вокзала. В поезде ей уступили нижнее место, принесли несколько букетов роз, лимонад и много коробок шоколада. Когда она приехала в свой город, повторилась та же картина, и за Ниной поехала машина графа, который, опустив стекло, умолял Нину из окна выйти за него замуж. Но Нина не села к нему в машину. Целыми днями она теперь бродила по городу, надеясь разыскать того молодого человека из поезда. Работать парикмахером она больше уже не могла, поскольку на правой руке не хватало главного рабочего пальца, но немного денег у нее было, так что она целыми днями ходила по городу, а за ней всюду следовала машина графа. Каждый день Нину приглашали на балы, она была объявлена королевой красоты города, а некоторые думали, что и мира. Но никто не знал, что у нее не осталось денег и она ест один раз в день — вечером, на балу, кофе с мороженым. Наконец она не выдержала и устроилась работать уборщицей, скопила денег и поехала опять в другой город к волшебнику.

Она сказала ему:

— Возьмите все мои деньги, но скажите мне, где найти моего милого, того человека из поезда.

— Хорошо, — сказал волшебник, — возвратите мне мой нос и возьмите прежний, тогда скажу.

— Нет, — ответила Нина, — просите что хотите, только не это.

— Ладно, — сказал волшебник, — придется взять у вас еще один палец на правой руке, теперь указательный.

— Хорошо, — ответила девушка не задумываясь.

— Адрес его такой: он живет в вашем городе, улица Правой руки, дом два, на чердаке. Поторопитесь!

Нина помчалась на вокзал, приехала в свой город и разыскала тот дом. Она вошла к своему милому на чердак и спросила:

— Вы меня узнаете?

— Нет, — сказал он.

— Помните, вы еще меня подхватили на руки, когда я упала с верхней полки.

— Нет, это были не вы, — ответил ее милый. — У той девушки было совершенно другое лицо. Она была такая смешная!

Нина не знала, что еще сказать, и ушла. Но каждый день она приходила на улицу Правой руки, чтобы взглянуть на окошко молодого человека. Нина теперь постоянно носила перчатки, снимая их только ночью при мытье лестниц. Ее по-прежнему приглашали на балы, дни рождения и городские праздники, машина графа все так же ездила за ней, и граф два раза в месяц делал ей предложение выйти за него замуж. Но Нина не соглашалась и отвечала так:

— Мало ли какой вы окажетесь человек. Сейчас вы готовы сделать для меня все, а потом вы окажетесь ревнивым или скупым, будете меня попрекать куском хлеба. Мало ли...

Но вот однажды ночью, убрав свои лестницы, Нина пришла взглянуть на окно молодого человека и увидела, что занавески задвигает какая-то старушка в черном. Не помня себя от страха, Нина взбежала на четвертый этаж и позвонила в чердачную дверь.

Ей открыла та самая старушка в черном.

— Что вам надо? — спросила она.

— Что с ним случилось? — спросила Нина.

— С кем?

— Ну, с молодым человеком, не знаю, как его зовут.

Он здесь живет.

— А вы кто ему будете? — спросила старушка.

— Он меня однажды спас в поезде, — ответила Нина.

— Ну, тогда проходите. Он очень болен.

Нина вошла в комнату на чердаке и увидела своего милого, который лежал под одеялом и тяжело дышал.

— Кто вы? Я вас не знаю, — сказал он. — Вы не та, за кого себя выдаете.

— Что с вами? — спросила Нина.

— Я заболел после тех занятий в подвале библиотеки. Я, видно, слишком много узнал. Но вас это не касается. Я скоро умру.

Старушка кивнула.

Нина выбежала вон, села в ночной поезд и приехала в другой город к своему волшебнику.

— Я ничем не могу вам помочь, — сказал волшебник.

— Я вас прошу, — заплакала Нина, — спасите моего милого! Возьмите что хотите, возьмите правую руку, я могу мыть полы левой.

— Я возьму обратно мой нос, — сказал волшебник.

— Берите и спасите моего милого, — ответила Нина.

И в тот же момент она стала такой, как была. Выйдя на улицу, она не встретила ни одного восхищенного взгляда. Никто не остановился при виде ее, никто не увязался провожать, ей не подарили ни единой розы. В поезде она не получила ни одной коробки конфет. Когда она приехала в свой город, она увидела автомобиль графа, но граф не заметил ее, хотя она была одета, как всегда, в серое платье, и на ней были мягкие серые туфли и серая шляпа.

Нина побежала на улицу Правой руки, взлетела на четвертый этаж и вошла в комнату своего любимого. Он сидел на кровати и пил пиво.

— А, это вы! — воскликнул он. — Приятно снова вас увидеть. А то тут приходила какая-то девица и выдавала себя за вас. Но меня не обманешь. Смешней вашего лица я не видел нигде. Вас так легко не забудешь.

Нина засмеялась и заплакала сразу. И в комнате как будто вспыхнуло солнце и засияли жемчуга.

— Что вы плачете? — поинтересовался молодой человек. — Не хотите ли выйти за меня замуж?

Нина ответила:

— Я ведь не та, что была.

И она стащила серую перчатку с правой руки.

— Это? Это ерунда, — сказал молодой человек. — Меня зовут Анисим, и я врач. В той библиотеке я прочел все, включая и самую последнюю книжонку на сыром полу подвала. Я не хотел бы прочесть ее снова, — добавил Анисим и потянулся к полке, на которой стояли микстуры, капли и бутылки с таблетками. — Вот, примите.

Нина приняла маленькую ложку лекарства, и ее правая рука стала такой же, как прежде.

— Я только возвращаю то, что было, — сказал Анисим громко, — и ничего больше.

И Нина вскоре вышла замуж за своего милого Анисима и родила ему множество смешных детей.

Секрет Марилены

Одна очень толстая девушка не умещалась в такси, а в метро занимала собой всю ширину эскалатора.

Сидела она на трех стульях, спала на двух кроватях и работала в цирке, где поднимала тяжести.

Это была очень несчастная девушка, но ведь многие толстые люди живут счастливо!

Их отличает кроткий нрав и доброе сердце, и люди любят толстяков.

Но наша толстая Марилена хранила в себе одну тайну: только ночью, придя к себе в гостиничный номер (цирк ведь постоянно путешествует), где для нее, как обычно, были сдвинуты три стула и две кровати, — только ночью она становилась сама собой, то есть превращалась в двух девушек нормального вида, очень красивых, которые принимались тут же танцевать.

Секрет толстой Марилены был такой, что некоторое время назад она выступала на сцене в виде двух балерин-близнецов, причем для различия одна из них была золотистой блондинкой, а вторая с черными как смоль кудрями: так считалось интересней, а то люди путались, кому из них передавать какие цветы.

И, разумеется, в блондинку влюбился некий колдун, а вторую сестричку, черненькую, он немедленно обещал превратить в электрический чайник со свистком, чтобы этот чайник повсюду сопровождал молодую пару и своим шипением и свистом напоминал о том, что вторая сестра, только взглянув на колдуна, начала отговаривать невесту от этого знакомства.

Но когда он только замахнулся своей волшебной палочкой на эту несчастную, его предполагаемая невеста так надулась, что покраснела, вспотела, зашипела и забурлила не хуже чайника, и колдун тут же решил, что ничего не выйдет.

— Такие супруги, — сказал он (а колдун был женат семнадцать раз и знал, о чем говорил), — такие подружки хуже чайника, потому что чайник можно вырубить, а кипящую бабу нет.

И он решил наказать шумную пару сестер.

А дело происходило за кулисами в коридоре, где он поймал их сразу после концерта, чтобы познакомиться и предложить блондинке брак немедленно тут же.

Уж что-что, а это он умел.

Кстати, если у него что-нибудь не получалось сразу, он тут же терял интерес к делу, скучнел и бросал все на полдороге.

Он превращал своих неудавшихся невест и жен во что попало: в плакучую иву, в водопроводный кран, в городской фонтан.

Ему нравилось, чтобы они плакали, всю оставшуюся жизнь.

— Вы еще будете у меня рыдать, — сказал он, не давая сестрам проходу в тесном коридоре, по которому взад-вперед сновали артисты.

— Да? — ответили сестры. — А ты знаешь, что при нашем рождении присутствовала фея Бродбутер, которая сказала, что тот, из-за кого мы хоть раз заплачем, превратится в корову! И его будут доить пять раз в день! И он проведет весь свой жизненный путь по колено в навозе!

— Да? — усмехнулся колдун. — Тогда и от меня подарочек! Вы больше никогда не сможете плакать! Это раз! И во-вторых, во-вторых вы больше никогда друг друга не увидите! Если уж на то пошло!

Но сестры возразили:

— Фея Бродбутер и это предусмотрела. Она сказала, что если кто нас разъединит, тот превратится в микроб дизентерии и всю свою оставшуюся жизнь проведет по больницам в жутких условиях!

— А, тем лучше, — воскликнул неудачливый жених-колдун, — тогда я вас, так и быть, соединю навеки. Будете всегда вместе. Фея Бродбутер останется довольна. Если только (тут он тихо засмеялся) вас не захотят разделить пополам. И я согласен, что в данном случае виновник должен быть превращен в микроба дизентерии, в палочку! Это будет справедливо. Молодец ваша фея. Но кому придет в голову разрезать вас напополам?

Тогда близнецы сказали:

— Не выйдет! Фея Бродбутер заколдовала нас, чтобы мы ежедневно два часа в любых условиях при любой погоде танцевали вдвоем!

Колдун задумался и ответил:

— Ну, это не проблема. Два-то часа в день можно. Когда вас никто не будет видеть, вы будете танцевать два часа в день и еще горько об этом пожалеете!

Тут близнецы побледнели, кинулись друг дружке на шею и стали прощаться — но заплакать они уже не могли.

А колдун, ухмыляясь, взмахнул своей волшебной палочкой, и во мгновение ока перед ним выросла девушка-гора, бледная и испуганная, с грудью как подушка, со спиной как надувной матрац, с животом как мешок картошки.

Тяжело переваливаясь, эта девушка полезла к зеркалу, увидела себя, застонала и упала в обморок.

— Вот так-то, — печально сказал колдун и исчез.

Почему печально — потому что жизнь всегда открывалась ему с плохой стороны, несмотря на то, что он все мог.

Вернее сказать, жизни у него не было никакой.

Никто его не любил, даже папа с мамой, которых он однажды после небольшого скандала превратил в свои домашние тапочки.

Неудивительно, что тапочки у него все время терялись.

Колдун мстил всем, кто его не любил, он буквально смеялся над бедными, бессильными человеческими существами, а они платили ему страхом и ненавистью.

У него было все — дворцы, самолеты и корабли, но люди его не любили.

Может быть, если бы нашлась душа и позаботилась о нем, он бы и засиял, как медная сковородка у заботливой хозяйки.

Но все дело в том, что он сам не мог никого полюбить и даже в простой улыбке прохожего видел злой умысел и стремление выпросить что-нибудь даром.

Тут мы его оставим, он ходит где-то по белому свету, никого не боясь (а жаль), а наша толстуха в тот же момент была удалена из театра охраной, как постороннее

лицо, находящееся в служебном помещении, ей не удалось даже забрать с собой сумочки с деньгами, принадлежавшие сестрам: кто она такая, чтобы брать чужие сумочки!

Марилена (бывшие Мария и Лена) чуть не умерла с голоду в первое время: она жила то на вокзале, то в городском саду, она уже не могла танцевать и зарабатывать на жизнь, а милостыню такой толстухе кто же подаст: где вы видели жирного нищего!

Такому нищему немедленно надо похудеть где-нибудь в укромном месте, чтобы не пропасть от нищеты.

Он и похудеет, уверяю вас.

Но наша Марилена похудеть не могла, даже если бы вообще ничего не ела: все благодаря колдовству.

Кстати, многие полные люди, похоже, заколдованы: как бы они не голодали, все равно вес возвращается, словно по волшебству.

Итак, нашу Марилену больше никто не приглашал для исполнения парных танцев, во-первых, какие могут быть парные танцы в одиночку!

Во-вторых, слишком толста.

В-третьих, ее никто не узнавал, а ведь широко известно, что в балет и на сцену принимают только знакомых.

Однако ночами где-нибудь в парке или за вокзальными постройками, оставшись одна, толстуха превращалась в двух очень худых балерин и печально, спотыкаясь от голода, танцевала чарльстон, чечетку, рок-н-ролл и па-де-де из балета «Спящая красавица».

Но ее в этот момент никто не видел, как и завещал колдун.

Наконец она придумала, как поправить свои дела: она пошла в цирк и предложила такой аттракцион: съедение жареного быка за десять минут.

Идея понравилась руководству, и была устроена показательная репетиция, на которой голодная Марилена сожрала быка за четыре с половиной минуты!

Бык был, правда, маловатенький и тощий, на большие затраты дирекция не пошла.

Съев быка, Марилена ощутила жуткий прилив сил и на радостях подняла директора и администратора, каждого одним мизинцем, и пронесла так по кругу.

Тут же с ней заключили договор как с самой сильной женщиной мира и чемпионом островов Мань-Вань.

Насчет быка больше не заикались, так как это могло бы обойтись недешево.

Теперь на ежевечернем представлении Марилена подымала лошадь с телегой, паровоз и, в заключение, весь первый ряд зрителей на скрепленных между собой стульях.

Только на этих условиях ей платили деньги, в искусстве надо сильно удивлять публику, иначе подохнешь с голоду.

Запыхавшись, она шла после работы в ресторан, где съедала жареного барана, выпивала флягу молока, а затем, не заплатив, ехала к себе в гостиницу.

Ее ужин был рекламным трюком для ресторана, туда собирались любители поспорить, за сколько минут Марилена сожрет барана.

Так же весело проходили покупки платьев: портные шили Марилене и приглашали на примерку телевидение, а также нанимали фотографов: вот Марилена ДО, а вот она же ПОСЛЕ: смотрите, как изменило ее это платье!

И в журналах появлялись снимки веселой толстухи с хорошенькой мордочкой — от удвоения у нее, конечно, увеличился нос, но глаза стали просто огромными, а зубы были такие крупные и белые, что на Марилену кидались все производители зубной пасты и щеток, умоляя ее рекламировать именно их товар!

То есть она стала гораздо богаче чем была.

И ее теперь сильно утомляли собственные ночные танцы, которые она по дурости сама себе накликала, придумав фею Бродбутер перед лицом легковерного колдуна.

Ведь она уже стала забывать, что в ней томятся две души, эти души молчали и плакали без слез в темнице,

которой было для них мощное тело Марилены, а вместо них в этом теле выростала совершенно новая, посторонняя душа, толстая и прожорливая, нахальная и веселая, жадная и бесцеремонная, остроумная когда это выгодно и мрачная когда невыгодно.

Это ведь не секрет, что в человеке иногда исчезают прежние души и заводится новая, особенно с возрастом.

Новая душа Марилены прекрасно знала, журналистов какой газеты надо угостить обедом перед интервью, и когда можно посетить клуб угнетенных толстяков, и когда передать сиротам подарки фирм (фирмы платили отдельно).

Танцы ее больше не интересовали, эти две души, которые имели право возникать на два часа по ночам, несчастные и одинокие, они путали весь режим, не знали распорядка, что день был тяжелый, что завтра самолет в шесть утра, не умели считать прибыль и убытки, зато неуместно вспоминали родину и отца с матерью, что тормозило всю программу ночного отдыха.

Особенно это стало трудно, когда у Марилены появился жених, бледный юноша с пухлыми губами по имени Владимир, который быстро взял на себя все счета, расчеты и переговоры.

Его как раз очень раздражало, что каждый вечер Марилена исчезала на два часа и после этого выглядела как загнанная лошадь, не вступала ни в какие беседы ни с кем и отключала телефон.

Взяв в свои руки всю жизнь Марилены, он не мог понять, куда девались эти неоплачиваемые два часа, и закатывал ей жуткие скандалы.

Марилена его любила и назначила ему огромное жалованье, а также взяла на работу его сестру Нелли, однако стеснялась рассказать ему про те два часа.

Но, как бы там ни было, однажды Нелли объявила ей, что Владимир договорился о гигантской рекламной кампании, о похудении: это предложение двух фирм, занимающихся операциями на людях и особым питанием.

Причем они платят большой гонорар ей же!

— Нельзя упускать такого шанса, — сказала Нелли, — а Владимир в командировке в обеих Америках и вернется как раз к финалу, чтобы встретить свою помолодевшую худенькую невесту.

— Да, и я смогу танцевать, — сказала Марилена, не подумав о том, что в случае похудания ее две души умрут от истощения.

Нелли в ответ заявила, что тоже ложится в ту же клинику пластической хирургии и тоже будет омолаживаться и кое-что менять в лице.

— Так что вы пострадаете не одна, — пошутила обычно мрачная Нелли.

И Марилену отвезли в клинику, где опытные хирурги сначала ее фотографировали со всех сторон, а затем спрятали фотографии для сенсации и повели Марилену куда-то по коридорам все вниз, вниз и вниз, и наконец заперли в комнате со всеми удобствами, но зато без окна.

Марилена ничего не поняла, хотела позвонить, но телефона не оказалось, стала стучать в дверь, но никто не пришел.

Она начала стучать настойчивей, просто биться об дверь (вспомним, что Марилена работала силачом в цирке), но все было напрасно.

Сбив руки в кровь, Марилена затихла на полу, но вдруг она услышала далекую музыку, как всегда перед началом танцев, и тут же увидела свою худенькую сестричку, а сама стала Марией и принялась кружиться вместе с ней.

Видимо, настало их ночное время, и, проклиная все на свете, расстроенные Мария и Лена танцевали со сбитыми в кровь руками.

Они сказали друг другу то, что давно уже подозревали — видимо, это начало конца, видимо, Владимир решил избавиться от Марилены и завладеть ее деньгами, и клиника — это просто ловушка.

Но едва репетиция закончилась, толстуха Марилена с жадностью слопала обед, появившийся откуда-то на полу.

После обеда Марилена почувствовала страшную сонливость, успела подумать, что еда отравлена, и свалилась где стояла, у стенного шкафа.

Когда пленница очнулась, она решила бороться за жизнь и ничего не есть, а только пить воду из-под крана, но вы знаете толстух — они и часа не могут прожить без пищи, и пришлось ей опять пообедать тем, что появилось на сей раз около двери на полу, кастрюлькой жирных шей с мясной костью.

После чего она буквально рухнула на кровать и пролежала без сознания до появления тихой музыки, возвещавшей о начале ночных танцев.

Мария и Лена теперь с трудом танцевали вдвоем, это был неповоротливый, медленный вальс, прощальный вальс, потому что было ясно: толстуху Марилену решили отравить.

Большую часть времени сестры разговаривали о смерти, молились и плакали без слез, прощались, вспоминали детство, папу, который так рано ушел, и маму, которая покинула своих детей вслед за отцом.

И туда, где теперь находились их души, туда, в неведомые края, лежал теперь путь сестер.

На следующий день толстуха Марилена не смогла даже подняться и дойти до крана с водой.

Она лежала, придавленная своим огромным весом, и тихо разговаривала сама с собой разными голосами, причем один ее голос был жалобный и упрекающий, а другой добрый и ласковый.

— Если бы ты согласилась выйти замуж за колдуна, ничего бы с нами не случилось.

— Да, а ты бы сейчас жила в виде чайника.

— Нет, мы бы его уговорили, ты что! И потом, лучше жить в виде чайника, чем умирать вот так, в тюрьме!

— Не волнуйся, — отвечал другой, добрый и ласковый голос, — скоро ангелы проводят нас к папе с мамой.

— Нам не надо ничего, — вопила Марилена, — никаких денег, никакого Владимира, отпустили бы нас жить куда-нибудь на острова Мань-Вань!

— Если бы, — кротко отвечала Марилена сама себе.

И тут произошло чудо: с тихим шелестом отъехала одна из стен, и Марилена, не веря себе, почувствовала ночную сырость.

В комнату вползал туман и запахи жасмина и сирени.

Кровать Марилены упиралась спинкой в куст шиповника, и цветочки, розовые и простенькие, свесились над подушкой.

Марилена с огромным трудом поднялась, переползла в сад и свалилась в крапиве, и на нее посыпался целый дождь росы с листьев.

Облизав пересохшим ртом траву и свои мокрые руки, Марилена вдруг вскочила — уже играла тихая музыка — и принялась танцевать в кустах какой-то танец, то ли стрекозиный, то ли комариный, с подскоками и полетами.

— Ты поняла? Мы в раю! — радостно закричала Мария.

— Ой, уже? — заплакала без слез Лена, — а как же моя жизнь? Кончилась?

И буквально тут же обе балеринки оказались в чьих-то цепких лапах, причем это были мужики безо всяких крыльев и белых одежд: нормальная охрана с пистолетами и в потных рубашках.

Балеринок схватили и потащили, хотя они несколько не сопротивлялись, и только Лена пискнула что-то вроде «Ой, это не рай».

Пленниц, видимо, волокли через заросли шиповника, потому что вскоре их руки и плечи оказались исцарапанными до крови, так что когда сестричек втолкнули в караульную и принялись допрашивать, вид у них был дикий.

Тут же составили протокол о нарушении запретной зоны, затем арестованных допрашивали с пристрастием, в основном насчет того, могут ли они заплатить штраф в размере трех миллионов прямо тут же, на месте, в караульне: тогда, дескать, отпустим.

— Откуда? — спрашивала белокурая Мария, — да мы здесь никого не знаем, мы здесь проездом! Мы танцовщицы из балета!

— Вы что, с ума сбесились? — кричала черненькая Лена, — хватают людей ни за что! Мы будем жаловаться!

— Что же, если денег нет, тогда вас приговорят к пожизненному заключению в тюрьме! — сокрушенно сказал сторож. — А двух миллионов не найдется? Мы дорого не возьмем.

Но тут произошло нечто странное: в караулку всунулся другой охранник и рявкнул:

— Это кто? Это не она! Вы ее упустили! Чем вы тут занялись? Нелли вопит как зарезанная! Должна быть одна толстая, а тут... Откуда эти две драные вешалки? Ну, вы сами ответите. Она идет сюда!

И действительно, в караулку вбежала в сопровождении своры врачей женщина с забинтованным лицом, и узнать ее можно было только по голосу, низкому и зловещему:

— Где? Где она? Это? Вы что, захотели на каторгу? Вас для чего нанимали? Как только она выйдет, сразу ее схватить и убить в целях самозащиты! А вы кого мне предъявляете?

— Стояли, понимаете, на том самом месте, где открывается стена... Эти две мокрохвостые... — оправдывался охранник. — А больше никого не было.

— Как не было, бандит! Как не было, каторжник! Да я тебя сошлю на Мань-Вань! Ты что, забыл, какой у тебя приговор? Владимир все для тебя сделал, спас от виселицы, а ты! Что вы здесь делаете? Прочешите весь сад! А этих разведите по разным комнатам и допросите, может они что видели.

На этом Нелли с толпой врачей удалилась.

В комнате остался начальник караула, тот, который требовал миллионы.

Со сладкой улыбкой он сказал:

— Вы у меня сейчас все расскажете! У меня такие есть способы... Такие способы... Вы у меня еще признаетесь, что сами убили и съели толстуху... Причем в сыром виде. Другого выхода нет... И вас казнят! А нам заплатят три миллиончика за труды... Все равно Марилену должны

были случайно убить... Слышали? Тем более что эта жирняга сама оказалась бы накачанной наркотиками. И должна была одного у нас тут зарезать. Вон того, кто заглядывал, он не знает... Деловой такой, все командует... Жалко, не получилось... А теперь даже легче... У меня такие есть ужасные пытки! Сами полюбуетесь. Лучше сразу сознавайтесь, чтобы не страдать перед виселицей... Вы ведь ее скушали?

Но тут два часа танцев уже, видимо, истекли, потому что Марию неудержимо повлекло к Лене и наоборот, а охранник оказался между ними.

— Вы что? — заорал он, — куда? Че давите? Стрелять буду! Стоять на месте!

А Лена и Мария уже срастались руками вокруг него.

Тут он выхватил из-за пояса нож и стал вслепую рубить.

И после первого же удара, когда он отрубил руку Марии от руки Лены, они почувствовали, что им уже не надо соединяться.

Окровавленные, исцарапанные балеринки стояли и смотрели друг на дружку, а охранник исчез.

— Ты знаешь, что произошло? — завопила потрясенная Лена, — это же предсказание колдуна! Кто нас попытается разрезать, тот превратится в дизентерийную палочку!

— Ой, — сказала Мария, — бежим отсюда, еще нам заболеть не хватает!

Потрясенные, они глядели на пол, где, по их предположению, должен был сейчас ползать усатый, толстый микроб дизентерии, и пятились вон.

Иногда одно зло побеждает другое зло, и минус на минус дает плюс!

Их никто не остановил.

Они выбежали в сад, долго метались по мокрым кустам, пока не нашли ворота, где стоял на все готовый вахтер.

— Бегите, там ходит такая толстая тетка с ножом, она нам угрожала, что зарежет!

— Толстая? — встрепенулся вахтер и бросился к телефону.

Лена и Мария выскочили за ворота и оказались на свободе.

Они помчались подальше от проклятого места, долго бежали, пока не оказались на давно знакомом вокзале.

Куда же еще пойти бездомному человеку...

Там они отмылись, сначала в луже за кустами (видимо, в городе этой ночью шел сильный дождь), потом в туалете.

Несколько царапин на лбу и на руках было не в счет, мало ли каким ударам судьбы подвергаются бродячие нищенки!

На вокзале Лена и Мария просмотрели несколько валявшихся на лавочках газет и узнали, что назавтра ожидается триумфальное возвращение толстухи Марилены, обновленной звезды цирка, которая теперь весит пятьдесят килограммов вместо ста.

Тут же помешался портрет новейшей Марилены (явная секретарша Нелли, но с большими зубами и с расширенными веками, отчего вид был несколько косоглазый, как у бульдога, что поделать), и реклама удивительной клиники, где за три дня делают человеку новое тело плюс восстанавливают организм за счет идеального питания травами.

Тут же сообщалось, что Марилена уходит из цирка в новую жизнь, так как уже больше не может поднимать тяжести и есть барана и вообще уже не самая сильная женщина и не чемпионка островов Мань-Вань.

Но зато она теперь купила клинику похудения и институт травяного питания, где директором назначен ее муж Владимир — они женаты давно, но скрывали, так как великая артистка не может принадлежать кому-то одному, она принадлежит всем.

Мало того, новая Марилена открыла музей толстой Марилены, где будут выставлены для обозрения все вещи толстухи-силачки, в том числе и ее нижнее белье и совместные фотографии с мужем Владимиром.

Кроме того, приводились также фотографии постепенного превращения толстомордой Марилены в Ма-

рилену художавую, это уже был явный шараш-монтаж и жульничество, и Мария, и Лена знали это прекрасно: но чего только не достигнешь в фотографии с помощью наложения негативов и искусства ретуширования!

Тут же было и интервью Владимира в семейном автомобиле «роллс-кинг-сайз-ройс» (королевский размер, сделанный на заказ для прежней Марилены, но не выкидывать же) на фоне нового дворца и на фоне клиники, из которой как раз и убежали ночью две сестры.

— Как он все умно сделал, — сказала Мария.

— Как хорошо, что мы ничего не говорили ему о танцах! — сказала Лена, — это благодаря тебе: ты стеснялась, что у этого жениха окажется две невесты.

Они помолчали, стоя посреди пустынного в этот ночной час вокзала.

— Так что же делать, — спросила Лена.

— Танцевать, — сказала Мария.

— Да, помнишь, в сказке о Золушке Евгения Шварца? Во всех затруднительных случаях надо танцевать!

И они встали в первую позицию и, тихо сказавши волшебную фразу «раз, два, три, пали, вали», пустились в пляс.

Тут же вокруг них образовался маленький кружок ночных бродяг, продавцов и бессонных пассажиров с чемоданами, сумками и детьми, все стали весело хлопать и тут же накидали много мелких монет (богатые люди ночами не сидят на вокзалах).

Быстренько собрав деньги (где толпа, там и полицейские с дубинками), балерины покинули свою временную арену, купили билеты на ближайший поезд и покинули страшный город, где с ними произошло столько приключений благодаря их красоте и талантам.

И уже через год сестры Ленмери блистали в соседнем городе в самом дорогом варьете со своими великолепными танцами, и их теперь всюду сопровождала охрана, состоящая из старичка в форме генерала (генералов как-то

больше бояться), и у них был дом на берегу моря и контракты во все страны мира, включая неведомые острова Мань-Вань.

Среди зрителей довольно часто, кстати, можно встретить колдуна, который посылает им цветы, жемчужные короны и павлиньи веера, такой у него странный вкус: сам он боится сестер и их неведомой покровительницы феи Бродбутер, так как понимает, что его собственное заклятие не удалось.

Теперь ему понравилось любить издалека, таинственно и безопасно, когда нет необходимости напарываться на отказ.

Тем более что неизвестная и грозная Бродбутер может еще и наказать за предыдущие штучки.

Как ни странно, им часто пишет письма и некто Владимир.

Он пишет, что полюбил Марию и Лену с первого взгляда, что не может даже выбрать ни одну из них и согласен жениться на каждой по очереди.

А пока что, находясь в затрудненном финансовом положении, будучи жестоко ограблен злой женой Мариленой, которая оформила все имущество на себя и уехала неизвестно куда — а в клинике, которую он, Владимир, возглавлял, поселился злостный микроб дизентерии, и пришлось по приказу властей эту роскошную клинику сжечь! — так что пока что Владимир просит временной помощи в долг миллионов тридцать с возвратом через сорок девять лет.

И к сему каждый раз прилагались фотографии Владимира в плавках, в смокинге на балу, в свитере с высоким воротом за книгой и затем в кожаном плаще и в шляпе у дымящихся развалин клиники, с печальной улыбкой на бледном лице.

Правда, сестры эти письма не читают, их читает в свободное время и с большим интересом старик-генерал, затем он складывает их в папку, ставит номер

и кладет на полочку в шкаф, надеясь когда-нибудь удалиться на покой и там, на покое, написать роман об удивительной силе любви одного юноши В. под названием «Страдания молодого В.» с фотодокументами.

Отец

Жил на свете один отец, который никак не мог найти своих детей. Он всюду ходил, спрашивал, не пробежали ли тут его дети, но когда ему задавали простой вопрос: «как выглядят они, как зовут ваших детей, мальчики или девочки» и так далее, он ничего не мог ответить. Он знал, что они где-то есть, и просто продолжал свои поиски. Однажды поздно вечером он пожалел какую-то старушку и донес ей тяжелую сумку до дверей квартиры. Старушка не пригласила его зайти, она не сказала ему даже «спасибо», но вдруг посоветовала ему поехать на электричке до станции «Сороковой километр».

— Зачем — спросил он.

— Как зачем? — ответила старушка и тщательно закрыла свою дверь на замок, на ключ и на цепочку.

Все-таки в первый же выходной — а была суровая зима — он отправился на сороковой километр. Поезд почему-то шел весь день с большими остановками и наконец, когда стало темнеть, дополз до платформы «Сороковой километр». Незадачливый путешественник оказался на краю леса и зачем-то полез по сугробам в самую чащу. Вскоре он попал на утоптанную тропинку, которая в сумерках привела его к маленькой избушке. Он постучался, никто ему не ответил. Он вошел в сени, постучался в дверь. Опять никого. Тогда он осторожно вошел в теплую

избу, снял сапоги, куртку и шапку и стал оглядываться. В домике было чисто, тепло, горела керосиновая лампа. Как будто кто-то только что вышел из дома, оставив на столе чашку, чайник, хлеб, масло и сахар. Печь была теплая. Наш путешественник замерз и проголодался, поэтому, громко извинившись, он налил себе чашку кипятку и выпил. Подумав, он съел кусок хлеба и оставил на столе деньги.

Тем временем за окнами стемнело уже окончательно, и путешествующий отец стал думать, как быть дальше. Он не знал расписания поездов и вообще рисковал завязнуть в сугробах, тем более что повалил снег, заметающий все следы.

Тогда он прилег на лавочку и задремал.

Разбудил его стук в дверь. Приподнявшись на лавочке, он сказал:

— Да-да, пожалуйста!

В избу вошел маленький, закутанный в какое-то рваное тряпье ребенок. Войдя, он в нерешительности замер у стола.

— Это еще что за явление? — спросил с лавочки не совсем проснувшийся будущий папаша. — Ты откуда? Как ты здесь очутился? Ты здесь живешь?

Ребенок пожал плечами и сказал «нет».

— Тебя кто привел?

Ребенок покачал замотанной в рваную шаль головой.

— Ты один?

— Я один, — ответил ребенок.

— А мама? Папа?

Ребенок засопел и пожал плечами.

— Тебе сколько лет-то?

— Я не знаю.

— Ну, хорошо, тебя как зовут?

Ребенок опять пожал плечами. Носик у него вдруг оттаял и потек. Он вытер нос рукавом.

— погоди, — сказал тут будущий отец. — Для такого случая у людей имеются носовые платки.

Он вытер ребенку нос и стал осторожно раздевать его. Размотал шаль, снял меховую, какую-то старушечью, шапку, снял пальтишко, теплое, но очень рваное.

— Я мальчик, — сказал вдруг ребенок.

— Ну, это уже кое-что, — сказал этот человек, помыл ребенку под струей воды руки, очень маленькие, с очень маленькими ноготочками. Ребенок был вообще похож на старичка, временами на китайца, иногда даже на космонавта своими припухшими глазками и носом.

Человек напоил ребенка сладким чаем и стал кормить его хлебом. Оказалось, что ребенок сам пить не умеет, пришлось поить его с ложечки. Человек даже вспотел от усталости.

— Ну, вот, теперь давай я положу тебя спать, — сказал он, окончательно замотавшись. — На печке тепло, но ты оттуда свалишься. Баю-баюшки-баю, не ложися на краю. Я тебя положу на сундуке и заставлю стульями. Что бы такое постелить тебе...

Человек стал искать по избе теплое одеяло, не нашел, постелил свою теплую куртку, снял с себя свитер, чтобы укрыть дитя. Но тут он посмотрел на сундук. Вдруг там что-то есть, какое-нибудь тряпье?

Человек раскрыл сундук, вытащил оттуда голубое шелковое стеганое одеяльце, подушку с кружевами, матрасик и стопку маленьких простынок. Под ними оказалась стопка тонких рубашечек, тоже с кружевами, затем теплые байковые рубашечки и комок вязаных штанишек, перетянутый голубой лентой.

— Ого, да тут целое приданое! — воскликнул человек. — Это, правда, принадлежит какому-то другому ребенку... Но все дети ведь одинаково мерзнут и одинаково хотят есть... Надо друг с другом делиться! — громко сказал будущий отец. — Нельзя допускать, чтобы у одного ребенка не было ничего, он бы ходил в тряпках, а у другого ребенка было бы слишком много. Верно? — спросил он.

Но ребенок уже заснул на лавочке.

Тогда человек неловкими руками приготовил роскошную голубую постельку, очень осторожно переделал ребенка во все чистое и уложил его. Сам же бросил куртку на пол возле сундука, заставленного стульями, и лег, укрывшись свитером. При этом будущей отец так утомился, что уснул сразу же, как никогда в жизни не засыпал.

Проснулся он от стука в дверь.

В помещение входила какая-то женщина, вся занесенная снегом, но босая. Вскочив спросонок, человек загородил собой сундучок и сказал:

— Извините, мы тут у вас немного похозяйничали. Но я заплачу вам.

— Извините, я заблудилась в этом лесу, — не слушая, сказала женщина, — и решила зайти к вам погреться. Я боялась, что замерзну, там настоящая метель. Можно?

Человек понял, что эта женщина вовсе не хозяйка дома.

— Сейчас я вам согрею чайник, — сказал он. — Садитесь.

Пришлось топить печь дровами, пришлось искать в снях бочку с водой. Попутно нашелся чугунок с еще теплой картошкой и другой чугунок с пшенной кашей на молоке.

— Ладно, это мы съедим, а кашу оставить придется ребенку, — сказал человек.

— Какому ребенку? — спросила женщина.

— Да вот, — и человек показал на сундучок, где сладко спал маленький ребенок, закинув ручки за голову.

Женщина опустила перед сундучком на колени и вдруг заплакала.

— Господи, вот он, мой ребеночек, — сказала она. — Неужели это он?

И она поцеловала край голубого одеяльца.

— Ваш? — удивился человек. — А как его зовут?

— Не знаю, я еще не назвала его. Я так устала за эту ночь, целая ночь страданий. Мне никто не мог помочь. Ни один человек на свете.

— А кто это, мальчик или девочка? — недоверчиво спросил человек.

— Это все равно: кто есть, того мы и любим.

И она снова поцеловала край одеяла.

Человек внимательно посмотрел на женщину и увидел, что у нее на лице действительно следы страданий, рот запекся, глаза ввалились, волосы висят. Ноги у нее оказались очень худые. Но прошло некоторое время, и женщина как будто согрелась и странно похорошела. Глаза у нее засияли, впалые щеки разругнулись. Она задумчиво смотрела на некрасивого, лысенького мальчика, спавшего на сундуке. Руки ее, крепко держащие края сундука, дрожали.

Изменился и ребенок. Он уменьшился и теперь был похож на старичка с одутловатым носом и с глазками, как щелочки.

Все это показалось человеку странным, — то, как изменились на его глазах женщина и ребенок, буквально за одно мгновение. Человек даже испугался.

— Ну, если это ваш, я не буду вам мешать, — отвернувшись, сказал несостоявшийся отец. — Я пойду, скоро моя электричка.

Он торопливо оделся и вышел вон.

Уже светало, тропинка была, как ни странно, чистая и хорошо утопанная, как будто не было ночной метели. Наш путешественник быстро пошел прочь от домика, и через несколько часов пути он вышел точно к такому же домику, как и предыдущий, и, уже не удивляясь, без всякого стука вошел в дом.

Сени были такие же, комната точно такая, и так же стоял на столе горячий чайник и лежал хлеб. Путник устал и замерз, поэтому он быстро, не задерживаясь, выпил чаю, съел кусок хлеба и прилег на лавочку в ожидании. Но никто не пришел. Тогда человек вскочил и бросился к сундуку. В сундуке лежали опять детские вещи, но теперь это уже были теплые вещички — курточка, шапочка, очень маленькие валенки, теплые стеганные штанишки, даже

какой-то роскошный комбинезон и на дне меховой мешок с капюшоном.

Этот человек сразу подумал, что маленькому мальчику совсем нечего надеть на улицу, у него есть рубашечки и всякая дребедень, но больше ничего! Вслух извинившись, он отобрал самое нужное — меховой мешок, комбинезон, валенки и шапочку. Затем он прихватил еще и санки, стоящие в углу, потому что в другом углу он увидел еще одни. Еще раз попросив прощения, он взял из груды валенок за сундуком одни взрослые валенки, по виду как будто подходящие для женщины — она же была босая! С этим грузом он помчался как можно быстрее по морозу назад, к первой избешке.

В ней уже никого не было. Стоял горячий чайник, лежал хлеб. Сундучок был пуст.

«Видимо, она надела на мальчишку все эти тряпки, — подумал несостоявшийся отец. — Какие глупости, ведь у меня есть все необходимое!»

Он тут же кинулся бежать по другой тропинке, волоча за собой санки, и очень быстро догнал женщину, потому что она еле шла. Ее даже покачивало. Босые ноги были красны от снега. Она несла на руках закутанного в тряпье ребенка.

— Минутку! — закричал наш отец. — Погодите! Ведь разве можно так идти! надо же одеть парня! Вот тут все необходимое.

Он взял у нее ребенка, она покорно, закрыв глаза, отдала ему свою ношу, и они вместе вернулись в свою избешку.

Теперь только отец вспомнил странную старуху, которой он помог донести тяжелые сумки, и спросил у женщины:

— Скажите, а вам адрес тоже старушка дала?

— Нет, она мне назвала только название станции — «Сороковой километр», — ответила женщина, почти засыпая.

Но в это время ребенок заплакал, они вдвоем, торопясь, стали его переодевать, и он вдруг оказался таким

маленьким, что никакие валенки, конечно, ему негодились, а пришлось его пеленать, заворачивать в одеяло, и вот тут пригодился меховой мешок с капюшоном. Все остальное они завязали в узел, женщина обула свои новые валенки, и они отправились обратно втроем. Новоявленный отец нес ребенка, а женщина тащила вещички, и по дороге они забыли, где встретились, забыли и название станции. Они помнили только, что была какая-то очень трудная ночь, долгая дорога, тяжелые времена одиночества, но теперь у них родился ребенок, и они нашли то, что искали.

Сказка о часах

Жила-была одна бедная женщина. Муж у нее давно умер, и она еле-еле сводила концы с концами. А дочка у нее росла красивая и умная и все вокруг себя замечала: кто во что одет да кто что носит.

Вот приходит дочка из школы домой и давай наряжаться в материны наряды, а мать бедная: одно хорошее платье, да и то заштопано, одна шляпа с цветочками, да и то старая.

Вот дочка наденет платье и шляпу, и ну вертеться, да все не то получается, не так одета, как подруги. Начала дочка искать в шкафу и нашла коробочку, а в той коробочке часики.

Обрадовалась девочка, надела часики на руку и пошла гулять. Гуляет, на часики смотрит. Тут подошла какая-то старушка и спрашивает:

— Девочка, сколько времени?

А девочка отвечает:

— Без пяти минут пять.

— Спасибо, — говорит старушка.

Девочка опять гуляет, на часы поглядывает. Опять подходит старушка.

— Сколько времени, девочка?

Она и отвечает:

— Без пяти пять, бабушка.

— Твои часы стоят, — говорит старушка. — Из-за тебя я чуть не пропустила время!

Тут старушка убежала, и сразу стемнело.

Девочка захотела завести часы, но она не знала, как это делается. Вечером она спросила у матери:

— Скажи, а как часы заводятся?

— А что, у тебя появились часики? — спросила мама.

— Нет, просто у моей подруги есть часы, и она хочет дать их мне поносить.

— Никогда не заводи часы, которые ты найдешь случайно, — сказала мать. — Может произойти большое несчастье, запомни это.

Ночью мать нашла в шкафу коробочку с часами и спрятала их в большой кастрюле, куда девочка никогда не заглядывала.

А девочка не спала и все видела.

На следующий день она снова надела часики и вышла на улицу.

— Ну, сколько времени? — спросила, появившись опять, старушка.

— Без пяти пять, — ответила девочка.

— Опять без пяти пять? — засмеялась старушка. — Покажи мне свои часы.

Девочка спрятала руку за спину.

— Я и так вижу, что это тонкая работа, — сказала старушка. — Но если они не ходят, это ненастоящие часы.

— Настоящие! — сказала девочка и побежала домой.

Вечером она спросила у матери:

— Мамочка, а у нас есть часы?
— У нас? — сказала мать. — У нас настоящих часов нет. Если бы были, я бы их давно продала и купила бы тебе платье да туфельки.

— А ненастоящие часы у нас есть?

— Таких часов у нас тоже нет, — сказала мать.

— И никаких-никаких нет?

— Когда-то были часы у моей мамы, — ответила девочке мать. — Но они остановились, когда она умерла, без пяти пять. Больше я их не видела.

— О, как бы мне их хотелось иметь! — вздохнула девочка.

— На них слишком печально смотреть, — ответила мать.

— Мне нисколько! — воскликнула девочка.

И они легли спать. Ночью мать перепрятала коробочку с часами в чемодан, а дочь опять не спала и все видела.

На следующий день девочка вышла гулять и все смотрела на часы.

— Скажи, пожалуйста, сколько времени? — откуда ни возьмись, спросила старушка.

— Они не ходят, а как завести их, я не понимаю, — ответила девочка. — Это часы моей бабушки.

— Да, я знаю, — ответила старушка. — Она умерла без пяти минут пять. Ну, мне пора, а то я опять опоздаю.

Тут она удалилась, и на дворе стемнело. А девочка не успела спрятать часы в чемодан и просто положила их под подушку.

На следующий день, проснувшись, девочка увидела часы у матери на руке.

— Вот, — закричала девочка, — ты обманывала меня, у нас есть часы, дай их сейчас же мне!

— Не дам! — сказала мать.

Тогда девочка горько заплакала. Она сказала матери, что скоро уйдет от нее, что у всех есть туфли, платье, велосипеды, а у нее нет ничего. И девочка начала собирать

свои вещи и закричала, что уйдет жить к одной старушке, та ее приглашала.

Не говоря ни слова, мать сняла часы с руки и отдала их дочери.

Девочка выбежала на улицу с часами на руке и, очень довольная, стала прохаживаться взад-вперед.

— Здравствуй! — сказала, появившись, старушка. — Ну, сколько времени?

— Сейчас половина шестого, — ответила девочка.

Тут старушка вся как-то передернулась и закричала:

— Кто завел часы?!

— Не знаю, — удивилась девочка, а сама держала руку в кармане.

— Может быть, их завела ты?

— Нет, часы лежали у меня дома под подушкой.

— Ой, ой, ой, кто же завел часы?! — закричала старушка. — Ой, ой, что же делать?! Может быть, они пошли сами собой?

— Может быть, — сказала девочка и побежала, испуганная, домой.

— Стой! — закричала еще громче старушка. — Не разбей их, не урони. Это ведь не простые часы. Их надо заводить каждый час! Иначе случится большое несчастье! Лучше отдай их сразу мне!

— Не отдам, — сказала девочка и хотела убежать, но старушка ее задержала:

— погоди. Тот, кто завел эти часы, тот завел время своей жизни. Поняла? Допустим, если их завела твоя мать, то они будут отмерять время ее жизни, и ей придется каждый час заводить эти часы, а то они остановятся и твоя мать умрет. Но это еще полбеды. Потому что если они пошли сами собой, то они начали считать время моей жизни.

— А мне какое дело? — спросила девочка. — Это не ваши часы, а мои.

— Если я умру, умрет день, ты что! — закричала старушка. — Это ведь я каждый вечер выпускаю ночь

и даю отдохнуть белому свету! Если мое время остановится, то всему конец!

И старушка заплакала, не выпуская девочку.

— Я дам тебе все, что пожелаешь, — говорила она. — Счастье, богатого мужа, все! Но только узнай, кто завел часы.

— Мне нужен принц, — сказала девочка.

— Беги, беги скорей к матери и узнай, кто завел часы! Будет тебе принц! — закричала старушка и подтолкнула девочку к двери.

Девочка нехотя поплелась домой. Ее мама лежала на кровати, закрыв глаза и крепко вцепившись в одеяло.

— Мамуля! — сказала девочка. — Дорогая, миленькая, ну скажи мне, кто завел часы?

Мама сказала:

— Это я завела часы.

Девочка высунулась в окно и закричала старушке:

— Это мама сама завела часы, успокойтесь!

Старушка кивнула и исчезла. Стало темно.

Мать сказала девочке:

— Дай мне часики, я заведу их. А то ведь я умру через несколько минут, я чувствую.

Девочка протянула ей руку, мать завела часы.

Девочка сказала:

— Что же теперь, ты каждый час будешь у меня просить мои часы?

— Что же делать, дочка. Эти часы должен заводить тот, кто их пустил.

Девочка сказала:

— Значит, я не смогу пойти с этими часиками в школу?

— Сможешь, но тогда я умру, — ответила мать.

— Вот ты вечно так, дашь мне что-нибудь, а потом отбираешь! — воскликнула дочь. — А как же я буду теперь спать? Ты начнешь каждый час меня будить?

— Что делать, дочка, иначе я умру. И кто же тогда будет тебя кормить? Кто будет за тобой ухаживать?

Девочка сказала:

— Лучше бы я сама завела эти часы. Мои часы, я бы с ними всюду ходила и сама бы их заводила. А то теперь придется тебе всюду ходить за мной.

Мать ответила:

— Если бы ты сама завела эти часы, ты бы не смогла просыпаться ночью каждый час. Ты бы наверняка проспала и умерла. А я бы не смогла тебя добудиться, ты всегда так не любишь просыпаться. Поэтому я и прятала от тебя эти часы. Но я заметила, что ты их находишь, и мне пришлось самой завести эти часы. Иначе бы ты меня опередила. А я уж постараюсь теперь не проспать. Да и ничего страшного, если я когда-нибудь просплю. Лишь бы ты была жива. Я живу только для тебя. А пока ты маленькая, я должна точно заводить часы. Поэтому отдай-ка их мне.

И она отобрала часы у девочки. Девочка долго плакала, злилась, но делать было нечего.

С тех пор прошло много лет. Девочка выросла, вышла замуж за принца. У нее теперь было все, что она хотела: много платьев, шляпок и красивые часы. А мама ее жила, как прежде.

Однажды мать вызвала свою дочь по телефону и, когда та приехала, сказала ей:

— Время моей жизни кончается. Часы идут все быстрее, и наступит момент, когда они остановятся сразу после того, как я их заведу. Когда-то вот так же умерла моя мама. Я ничего про них не знала, но пришла одна старушка и рассказала мне про них. Старушка умоляла меня не выкидывать часы, а то произойдет ужасное несчастье. Продать часы я тоже не имела права. Но я сумела спасти тебя, и за это спасибо. Теперь я умираю. Похорони эти часы вместе со мной, и путь больше никто, в том числе и твоя доченька, никогда не узнают про них.

— Хорошо, — сказала дочь, — а ты не пробовала их завести?

— Я это делаю каждые пять минут, теперь уже каждые четыре минуты.

— Давай я попробую, — сказала дочь.

— Что ты, не прикасайся к ним! — закричала мать. — Иначе они начнут отмерять время твоей жизни. А у тебя маленькая девочка, подумай о ней!

Прошло три минуты, и мать стала умирать. Она крепко сжимала одной рукой пальцы своей дочери, а другую руку, с часами, спрятала за голову. И вот дочь почувствовала, что рука матери ослабла. Тогда дочь нашла часы, сняла их с руки матери и быстро завела.

Мать глубоко вздохнула и открыла глаза. Она увидела свою дочь, увидела часы на ее руке и заплакала.

— Зачем? Зачем ты снова завела эти часы? Что будет теперь с твоей дочерью?

— Ничего, мама, я научилась теперь не спать. Ребенок плачет по ночам, я привыкла просыпаться. Я не просплю свою жизнь. Ты жива, и это главное.

Они долго сидели вместе, а за окном промелькнула старушка. Она выпустила на землю ночь, помахала рукой и, довольная, удалилась. И никто не слышал, как она сказала:

— Ну что же, пока что мир остался жив.

Анна и Мария

Жил-был человек, который охотно помогал всем — всем, кроме своей жены. Жена его была удивительно добрая и кроткая, и он знал, что она прекрасно справляется со всеми делами одна, и был спокоен.

И однажды он помог одной колдунье, догнал ее шляпу, которую снесло ветром.

И колдунья с улыбкой сказала: «За то, что ты мне помог, я сделаю тебя волшебником. Но с одним условием. Ты сможешь помогать всем. И только тем, кого ты любишь, ты не сможешь помочь ничем».

И она его утешила: «Так бывает. Врач же не лечит своих детей. Учитель не учит своего собственного ребенка. У них это плохо получается».

И она ушла, оставив человека в растерянности.

И скоро настало время, когда у этого новоявленного волшебника стала умирать его любимая жена, нежная, добрая, красивая Анна.

Так случается, что у человека внутри кончается завод, как у часов — все тише тиканье, все реже.

Волшебник все время проводил около своей жены, дело происходило в больнице — пришлось отвезти Анну туда, чтобы сделать ей операцию.

Волшебник стоял на коленях у кровати, а жена его почти перестала дышать.

Тогда он бросился в коридор к медсестре, но медсестра ему сказала: «Не надо ей мешать, ей сейчас и так тяжело» — и ушла.

А волшебник же просто хотел попросить еще один укол для продления жизни жены, но не получилось, как и предсказала колдунья.

А по коридору санитар вез каталку — высокие носилки на колесах, и у женщины, которую он вез, голова была вся забинтована.

Тем не менее женщина еще дышала, хотя тоже довольно редко.

Волшебник понял, что жизнь ее заканчивается, и предложил санитару сигарету.

Санитар охотно закурил и рассказал на ходу историю болезни пациентки, что та попала в автомобильную катастрофу и практически уже живет без головы, и он не надеется ее довести на второй этаж в операционную, и это жалко, потому что внизу сидит семья этой женщины, в том числе двое маленьких детей.

Волшебник мигом сообразил, что надо сделать, тут его мастерства хватало, и он обменял тело жены на туловище этой умирающей и изо всей силы пожелал выздоровления для бедной посторонней больной: здесь он помочь как раз мог!

Но, видимо, помощь пришла слишком поздно, и санитар погрузил в лифт полный гибрид умирающего тела с умирающей головой — больная почти уже не дышала.

А тем временем на кровати Анны оказался живой человек, только сильно одурманенный лекарствами, — здоровая голова Анны и здоровое тело той, другой женщины.

Волшебник опустился на колени у изголовья своей жены и увидел, что она стала дышать немного чаще — но при этом Анна начала стонать и жаловаться, что все болит — руки и ноги.

Затем Анна открыла глаза, полные слез, и спросила мужа, долго ли ей еще мучиться.

Муж сообразил, что легкомысленный санитар не все мог знать о состоянии бедной погибающей женщины, что, возможно, и руки, и ноги у нее были переломаны — но как это лечить сейчас, в данной больнице?

Что скажут врачи, если увидят, что больная лежала-лежала в своей кровати, умирала-умирала — и вдруг оказалось, что у нее сломаны руки-ноги?

Врачи столпятся и будут думать, что налицо какое-то преступление, что больную выбросили, может быть, с четвертого этажа, или она сама выкинулась, что-нибудь в таком духе. Или ее муж побил палкой, мало ли!

И в пору бы было вызывать следователя к такой больной вместо лечения — так думал бедный волшебник.

И тут же он сбегал к врачам и попросил, чтобы больную выписали домой: что ей здесь мучиться, пусть лежит свои последние дни дома.

— Не дни, а минуты, — поправила его присутствующая тут же медсестра, — только минуты. Ей осталось жить максимум сорок минут.

И она опять сказала: «Не мешайте ей, ваша жена занята серьезным делом».

— Да, да, — ответил волшебник, — но я ее забираю.

Он взял свою громко стонущую жену под неодобрительными взглядами врачей и отнес ее вниз, в машину, а затем быстро домчал Анну до другой больницы, сказав, что его жена упала с садовой лестницы и ничего не помнит, говорит всякую чушь про то, чтобы ее добились, дали таблетку «от жизни», дали умереть, и что она неизлечимо больна и так далее, вплоть до сообщения диагноза.

Врачи тут же установили, что у больной множество ушибов, но остальное все в порядке, это вопрос двух недель, и Анна, проклиная все на свете, терпела и жаловалась только мужу, хотя по-прежнему громко и со слезами.

Она больше не требовала себя пристрелить как неизлечимо больную, поскольку после первой же такой просьбы к ее постели был вызван очень ласковый и внимательный врач, который долго расспрашивал ее о детстве, о снах и не сходили ли с ума ее папа с мамой и от чего умерла прабабушка и не в психбольнице ли.

Больная тут же прекратила свои требования насчет того, чтобы с ней покончили раз и навсегда, перестала просить пулю в лоб, а волшебник задумался: очень уж это было не похоже на его родную Анну, на его сильную и добрую жену, которая всегда больше заботилась о нем и жалела его больше, чем себя.

Остальные сюрпризы начались очень скоро — Анна, приехав домой, стала исчезать надолго, возвращалась с прогулок мрачная и все пыталась что-то вспомнить.

На все вопросы она отвечала, что ей снятся какие-то странные сны и вообще тут многое непонятно — куда девался шрам после аппендицита и откуда такие пальцы, почему родинка на плече и все такое прочее.

Анна при этом прятала глаза, не смотрела прямо в лицо, чего прежняя Анна никогда бы не стала делать, она всегда

смотрела прямо в самые зрачки мужа своим печальным и ласковым взглядом. В самое его сердце.

Волшебник затосковал и пошел в больницу узнать, когда умерла та жертва катастрофы, и он очень удивился, узнав, что эта жертва нисколько не умерла, а после удачной операции чувствует себя намного лучше, можно сказать, что врачи совершили просто чудо.

Да и семья больной дежурит буквально круглые сутки около Марии — так звали женщину.

Семья — мама, папа и двое маленьких детей — чуть ли не поселилась в больнице, детей приводят поцеловать маму перед детским садиком и после него, и Мария уже может с ними говорить.

Правда, она очень изменилась, но это бывает после операции, а вот семья не изменилась.

Так рассказал волшебнику словоохотливый санитар и пустился с пустой каталкой вдаль по коридору.

Волшебник заглянул в палату и увидел молодую женщину с забинтованной целиком головой (свободен был только рот) под неусыпным наблюдением мужчины в очках, который смотрел на нее не отрываясь, как некоторые родители смотрят на своих маленьких спящих детей.

Волшебник мгновенно оказался в белом халате, в шапочке и с трубочками в ушах, как и полагается доктору.

— Так, больная, — сказал волшебник, — как сон, как страхи, как предчувствия?

Он сел с другой стороны кровати, и Мария вдруг беспокойно зашевелилась и протянула к нему руку.

Волшебник увидел эту знакомую ему до мельчайших подробностей руку, родную руку, и чуть не заплакал, поняв, что больше никогда он не сможет поцеловать эти пальцы.

— Да, — сказала Мария сквозь бинты, — меня мучают сны, что где-то недалеко мой дом, мой любимый муж, мои книги и сад, и мне снится, что я никогда больше туда не попаду. И каждую ночь я плачу.

— Бинты промокают от слез, да, — отозвался ее муж, солидный, крепкий мужчина в очках. — От этого болят раны.

— Да, она, видимо, должна измениться после катастрофы, так бывает, и бывает даже, что люди начинают выдавать себя за других. Это явление ложной памяти, я вам говорю, — сказал волшебник.

— Ничего, лишь бы она вернулась к нам, нам она нужна любая.

Волшебник не отрываясь смотрел на бинты, и ему казалось, что там, под слоем марли, как бабочка в коконе, лежит лицо его любимой Анны, лицо той Анны, которая его любит.

А Анна домашняя, которую он спас, перехитрив судьбу, — она не настоящая.

Тогда волшебник, притворившийся доктором, под спокойным, страдальческим взглядом мужа начал снимать бинт за бинтом, и внезапно приоткрылось ему совершенно чужое лицо, мелькнуло со всеми своими ярко-красными шрамами и грубыми швами.

Волшебник не стал разбинтовывать до конца эту совершенно незнакомую ему женщину и сказал:

— Еще не все зажило, операцию придется повторить через неделю.

Он уже знал, что это не Анна и что он сможет ей помочь.

— Так бывает, доктор, что даже руки изменились? — пролепетал несчастный муж.

— Да, все бывает, полное изменение. Через неделю ее возьмут на операцию и все вернется, не беспокойтесь, — сказал волшебник и удалился.

Внизу, в вестибюле, он прошел мимо испуганной, притихшей семьи Марии — двух пожилых людей и двух малышей. Он остановился, сказал им несколько ободряющих слов и тут же почувствовал, что его жена Анна где-то здесь.

Она была тут, она пряталась в больничном саду.

Волшебник отступил, стал неразличимым и только наблюдал, как Анна медленно, неуверенно, как слепая,

которую ведут на веревке, движется по направлению к детям, входит в больничный вестибюль, приближается к их скамейке...

Дети восторжались, старики зашевелились, подвинулись, и Анна села рядом.

Через несколько минут дети уже стояли, прижавшись к ее коленям, и играли ее бусами, без передышки щебеча.

Старики тоже оживились, придвинулись к Анне, причем старушка то и дело касалась ее рукой.

Стало ясно, что Анна тут сидит не первый раз.

Волшебник вернулся домой и стал читать свои книги — те, которые у него завелись после встречи с колдуньей, — но только в одной книге, в самом конце, он нашел ярко светящуюся строчку: ОБМАНЩИК СУДЬБЫ.

Волшебник перебрал всю свою жизнь за последнее время и признал, что действительно схитрил, обвел вокруг пальца свою судьбу, сделал то, чего ему было не дано: ему ведь нельзя было помогать тем, кого он любил, а он помог Анне!

И теперь маялись две несчастные женщины, не понимающие, кто они, и сам он мучился и был глубоко несчастен.

И Анна — это ясно — больше не любила его.

Волшебник долго думал, как ему быть, и наконец он пошел разыскивать свою колдунью.

Он просидел два часа в очереди в ее приемной среди детей-калек, плачущих старух, суровых мужчин и мрачно настроенной молодежи.

Счастливые сюда не заглядывали!

Очередь двигалась медленно, но никто не возвращался — видимо, существовал другой выход.

Наконец волшебник вошел к колдунье.

Она засмеялась, увидев его, и сказала:

— Не обманешь судьбу-то!

Он ответил:

— Что же теперь делать?

Колдунья, однако, пригласила следующего, а волшебнику указала на дверь в противоположной стене.

Он вышел, однако вышел куда-то не туда. Он вышел в какое-то поле, пустынное, только горы виднелись на горизонте.

Как ни вертел головой волшебник, он ничего не увидел, даже дома колдуньи.

Наконец ему пришлось пойти к горам (сверху лучше видны окрестности), и он шел и шел, ночью и днем, не чувствуя ничего, ничем не питаясь, и был даже рад, что не сидит дома вдвоем с несчастной Анной, сердце которой, видимо, так и осталось любить своих детей и свою семью...

Он шел, потеряв счет дням и ночам, он не хотел колдовать, он смотрел то на облака, то на звезды, иногда рвал и надкусывал какие-то травинки.

И все больше и больше его тревожила мысль о том, что он исковеркал жизнь многим людям, пытаясь обмануть судьбу.

Он сохранил две жизни, а зачем нам жизнь без наших любимых?..

Однако всему приходит конец, и волшебник взобрался на высокую гору, увидел там дверь — совершенно такую же, как в доме колдуньи, — вошел в эту дверь и через минуту выбрался на улицу своего города и пошел к себе домой.

Он никого там не обнаружил, нашел только многодневную пыль и засохшие цветы. Кроме того, со стены исчез портрет Анны, а из ящика стола все ее фотографии.

У волшебника сильно билось сердце, как от страха.

Он помчался в больницу, нашел санитаря, угостил его хорошей сигаретой и узнал много нового: оказывается, семья той молодой женщины, которая попала в катастрофу, заявила жалобу, что им подсунули совершенно не того человека, и они прекратили сидеть у постели больной, как только у нее сняли бинты.

Мало того, ее муж тут же нашел себе другую и увез ее.

В жалобе было указано, что больная целиком и полностью не похожа на их Марию — ни лицом, ни фигурой.

Эти люди ушли очень быстро и даже не узнали, что пациентка почти слепая: именно поэтому она не узнала своих детей и мужа, а за это и ее никто не пожелал узнать.

— А где она? — спросил волшебник.

— Да кто ее поймет, — ответил санитар, — ее выписали два месяца назад... Говорят, она сама не знала, куда идти, все твердила про какие-то сны, что нужно искать сад и библиотеку... Повредилась в разуме, что ли... На другой день она вернулась и стояла около кухни, и я вынес ей каши с хлебом... Но нам же нельзя кормить посторонних. Больше она не приходила.

Волшебник мчался домой, к своим книгам, и твердил: я не знаю ее, я ее не люблю, не люблю!

Он прибежал к себе в библиотеку, раскрыл нужную книгу и начал читать, и прочел про скамейку в соседнем парке, про женщину в мятой, грязной одежде, которая медленно копалась палочкой в урне, про то, как она близко поднесла к глазам корочку хлеба, разглядела ее и так же медленно, машинально положила в карман...

— Я ее не люблю, — громко сказал волшебник, — я могу ее вылечить!

Он схватил хрустальный шар и послал в самую его середину луч света. В центре шара задымилось, показалось дерево, под ним скамейка, на скамейке, спиной к волшебнику, скорбная, застывшая фигура с палочкой в руке...

Но все погасло.

Он опять послал луч света в свой шар.

— Не может быть, все должно получиться! — закричал волшебник. — Я ее не знаю! Я ее просто жалею, ничего больше!

Внутри шара опять задымилось — и погасло.

Тогда волшебник схватил со стула шаль Анны, ее желтую шаль, которую она сама, своими руками когда-то связала и которую не взяла с собой в другую жизнь, потому что перестала быть Анной.

Волшебник помчался в парк и нашел ту скамейку.

Он накинул желтую шаль на плечи совершенно чужой женщины, и она, обернувшись, подхватила шаль знакомым движением своей худой, бледной руки и так подняла брови и с такой жалостью и добротой посмотрела на волшебника, что он заплакал.

Но она его не разглядела, а протянула к нему руку и погладила по щеке.

— Не знаю, как тебя звать, но это не важно, — сказал волшебник.

— Мария, — ответила ему Анна своим тихим голосом.

— Пойдем домой, — сказал волшебник. — Здесь сыро, ты простынешь.

И они пошли домой.

КОРОЛЕВСКИЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Сны девочки

Один человек позвонил принцессе и сказал:

— Я слуга колдуна. Мой хозяин хочет жениться на тебе.

Принцесса ответила, что не знает никаких колдунов и замуж выходить не хочет.

— А если ты не выйдешь за него, твой отец с матерью умрут. Отец сегодня, а мать завтра.

Но принцесса, как воспитанная девочка, сказала:

— Нам не о чем говорить, извините.

И положила трубку.

Тем же вечером ее отец умер.

В доме все забегали, закричали, а принцесса подошла к матери с такими словами:

— Мама, сегодня я выхожу замуж.

Ее мать, которая и без того плакала, всплеснула руками:

— Как ты можешь в такой момент об этом думать?

Тут же зазвонил телефон.

Принцесса схватила трубку. Звонил слуга колдуна:

— Ну что? Ты согласна?

— Если он оживит отца, то да.

— Приходи в гостиницу в десять вечера, она называется «Сикста», номер люкс, но хозяин рано ложится спать. Если не придешь, твой отец умрет снова. Смотри, ждем тебя.

Принцесса положила трубку и сказала матери:

— Мой отец умер, потому что я не вышла замуж за колдуна.

Но в этот момент все во дворце снова забегали, закричали:

— Король жив! Да здравствует король!

Была большая радость, придворные ликовали.

Однако принцесса все повторяла, что должна выйти замуж именно сегодня, а то все умрут.

Мать сказала принцессе:

— Никто не умер. Видишь, отец жив. Не придумывай лишнего. И вообще сегодня принцессы замуж не выходят, поняла? Это только кошки и собаки женятся сию минуту, когда им приспичило. Раз — и свадьба. А у людей так не принято. Тем более что тебе еще рано думать о замужестве. Кто этот колдун? Мы его знаем?

— Но я должна сегодня вечером в десять часов явиться к нему в гостиницу, иначе случай с отцом повторится. А завтра умрешь и ты, он так сказал.

Но мать, не слушая, ответила:

— В гостиницу на ночь глядя не ходит ни одна порядочная девочка. Пусть я умру (тут королева явно поставила мысленный восклицательный знак), но не пушу тебя. Иначе я умру. Представь себе, тебя кто-нибудь сфотографирует ночью в гостинице! И принц Генрих увидит!

(Принц Генрих этот был восьмиклассником в соседнем королевстве, и принцесса его ненавидела после одной драки).

Однако, поскольку принцесса все еще плакала и просилась к колдуну, так что к ней приставили доктора с валерьянкой.

И ровно в десять часов вечера опять повторилась суматоха, в коридоре закричали:

— Король умер! Да здравствует король!

Доктор извинился и выбежал, заперев дверь, а принцесса начала выламывать замок, кричать, плакать, сбивала руки до крови, но ничего не вышло, а потом она сообразила и просто вылезла в окно, дотянулась до пожарной лестницы и глубокой ночью спустилась на улицу.

В гостинице у номера люкс ее встретил слуга колдуна и сказал:

— Ну все, теперь тебя не возьмут замуж, колдун уже заснул, будить его я не буду.

— Тогда я подожду под дверью, пока он не проснется.

— Да кому ты нужна? — скривился слуга, — у тебя волосы дыбом, руки в крови, глаза красные, нос распух, ты что? Ты охрипла и щеки у тебя полосатые, редела, что ли? Мой хозяин видел тебя по телевизору, там ты была не такая. Мы любим аккуратных.

Принцесса, которая собиралась опять зарыдать, мгновенно высохла и спокойно сказала:

— Проводите меня в ванную, мне необходимо привести себя в порядок.

Слуга пожал плечами и отвел ее в ванную комнату.

Принцесса умылась, причесалась пятерней и села под дверь колдуна ждать его пробуждения.

Утром колдун вышел и лениво сказал:

— Ты пришла? Я ничего не знаю. Ты опоздала.

— Оживите моего отца, — попросила принцесса — и не трогайте мою маму, тогда я буду вашей женой.

— Мне это не надо, я на таких не женюсь, — зевая, ответил колдун. — Я ошибся.

И он поднес ко рту правую руку с драгоценным перстнем и подышал на камень.

— Я таких принцесс, — сказал он, — могу вызвать два вагона. Потру камешек — и готово. Видала?

Перстень сверкнул золотым огнем.

— Ну хорошо, не женитесь на мне, — ответила принцесса, — но тогда оживите моего отца. Я не виновата, я так рвалась к вам, меня заперли, я сбила себе все руки.

И она предъявила свои ссадины и царапины.

— Некачественный товар, — промямлил колдун и опять зевнул.

Принцесса собрала все свое достоинство, присела с глубоким поклоном и посмотрела на колдуна по-королевски, то есть очень приветливо.

Колдун как-то засомневался.

— Принцесса, едрен батон. Ну хорошо, — решил он. — Я уезжаю на корабле через два часа. Если ты уж так настаиваешь, то можешь меня сопровождать. Ты будешь тридцать пятой девушкой, которая захотела ехать со мной по собственному желанию.

— Я еду, — сказала принцесса. — Разреши мне только позвонить маме, чтобы прислали мои вещи и драгоценности.

— Звони, — разрешил колдун. — Но не опаздывай! Корабль отходит ровно в двенадцать.

И он ушел завтракать в ресторан.

Принцесса тут же позвонила домой:

— Мамочка, это я. Как папа?

— Он очнулся, он совершенно здоров. Это была ошибка доктора, как всегда. Но вот где шляешься ТЫ? Мы с отцом умрем от позора! Полиция уже поднята на ноги. Оцеплены вокзалы и аэропорты. Возвращайся домой! — закричала мать-королева.

Но принцесса уже положила трубку.

Она действовала быстро и решительно, продала гостиничной уборщице свое кольцо с пальца, получила немножко денег, купила в ларьке расческу, мыло, полотенце,

зубные принадлежности и шампунь для волос, а также одну булочку с маком.

Больше денег у нее не осталось.

Через два часа в полной готовности она с пакетом в руке пришла на пристань.

Колдун, толстый и маленький, сидел на капитанском мостике в пышном парике, а рядом с ним стояли девушки, все как одна испуганные, бледные, со слезами на глазах.

Принцесса поднялась на мостик, подошла к колдуну и сделала полный королевский реверанс:

— Как поживаете, ваше высочество?

Колдун сначала даже подавился, а потом сказал:

— Ах да, если я на тебе женюсь, я же буду принц! — Он визгливо засмеялся. — Но пока еще я не высочество. Мне чужого не надо. А вот ты будешь у меня спать под нарами в трюме, мыть полы и есть объедки. Ты к этому готова, ваше высочество? Отвечай: всегда готова.

Она ответила:

— Всегда готова! А куда мы плывем?

— Мы плывем в страну мрака, ко мне на родину. О ней вы никто не знаете, она только вам иногда снится. У тебя ведь бывают страшные сны? Ну так вот, там мы и живем.

— А, я помню, — сказала принцесса. — Там еще небо было черное.

— Да-да, — захохотал колдун.

— А земля горячая, серая.

— Милая родина! — воскликнул колдун.

— И я еще проснулась и спросила у родных, как мне спастись от страшных снов.

— Ну и как?

— Они погладили меня по голове и поцеловали. Они не знают.

— Никто не знает! — радостно взвизгнул колдун. — Никто у вас не знает, как прекратить страшный сон.

— Да его и невозможно прекратить, — сказала принцесса. — Мне это все говорили.

— О, вы же земля идиотов, — мирно ответил колдун. — Я забыл. У нас каждый дурак умеет. Как ему приснится страшный сон — ну, про ваши вишневые сады, про пшеничные поля, про ручьи в лесу или про морские волны тут, у вас, на земле — надо сразу спросить у первого попавшегося прохожего: «Ты кто?» И сон кончится.

Тут Принцесса подошла к колдуну близко-близко и спросила его:

— Ты кто?

И она тут же проснулась в своей кровати.

Была ночь.

Принцесса как была, в ночной рубашке, помчалась в королевскую спальню и увидела папу с мамой — они оба храпели у телевизора.

— Папа-мама, пора ложиться спать! — гаркнула принцесса.

Мало того, она принялась танцевать вокруг папиного-маминоного трона.

Отец с матерью вздрогнули, вытерли набежавшие слюни и поплелись в ванную чистить зубы в сопровождении сонной стражи.

А по дороге папа сказал:

— Доченька, ты чего радуешься? Скажи мне, я порауюсь тоже.

— Пусть сначала исправит тройку по алгебре, а потом радуется, — пробормотала мама-королева, — у принца Фридриха одни пятерки.

В другой раз принцесса бы выложила все, что она думает об этом прыщавом восьмикласснике, но сейчас она только сказала:

— Спокойной вам ночи, папа и мама! Добрых снов!

И ее старенькие папа и мама закивали в ответ:

— Добрых тебе снов, доченька.

Глупая принцесса

Жила-была красивая, но удивительно глупая принцесса Ира, которая совершенно не соображала, где что можно говорить.

К примеру, соберутся у папы с мамой во дворце гости, а глупая Ира тут как тут и говорит:

— А правда, что вы все воры?

— А кто тебе это сказал, доча? — ласково спрашивают гости.

— А папа с мамой, — отвечает глупая Ира.

И тут же начинается война в газетах, разрыв отношений, требования вернуть старые долги и так далее, а королевство мизерное, доходы небольшие, войска пятнадцать человек, причем четырнадцать из них генералы.

Сами посудите, что делать в таких условиях?

Король с королевой извинялись перед всеми лично за свою глупую дочь, говорили, что во младенчестве Иру уронила нянька, все в таком духе.

Короче говоря, Иру перестали пускать к гостям, кормили ее с тех пор на кухне.

Но там Ира тоже набиралась разнообразных вопросов и по-глупому спрашивала, например, у королевы-матери:

— А правда, что у папы есть еще одна мама?

— А кто тебе это сказал? — спрашивает ласково королева.

А Ира отвечает:

— Одна тетя на остановке трамвая.

— А кто это тебя, интересно, водил на остановку трамвая? — спрашивает еще более ласково мать-королева.

— Это не меня водили, — отвечает опять глупая Ира. — это наша кухарка туда ходила и видела.

И дальше уже можно и не рассказывать, что повариху после долгого допроса выгоняли, а папу после долгого допроса простили, потому что разводиться королям нель-

зя, дальше надо уже отказываться от трона, а этого делать тоже нельзя, поскольку впереди маячит как наследница трона все та же глупая Ира: не оставлять же народ на Иру и на четырнадцать генералов и одного полковника!

Таким образом, Иру уже не пускали даже на кухню, и бедную глупую девочку переселили в пустую сторожку в самый конец парка, и Ира получала еду по королевской почте, и все вроде бы вздохнули спокойно.

Но тут же всплыли новые дела: Ира подцепила где-то большую собаку, шенка неизвестной породы, и королевская кухня, оказывается, работала на прокорм именно этой твари!

Собаку немедленно отобрали и вывезли вон, на помойку соседнего государства, и что же вы думали?

Ира, вообще отказалась от пищи и три дня не пускала королевскую почту на порог.

Что делать, сенат посовещался и вынес решение купить глупой Ире карликового пуделя, так и быть.

Потратили на это дело полказны, приобрели и принесли Ире под дверь.

Но Ира продолжала голодовку, так что пришлось ехать снова за границу, послали делегацию искать Ирину собачку на иностранной помойке среди тухлой колбасы и рваных подушек.

Выбрали и привезли глупой, но капризной принцессе на выбор трех собак, вымыли их, высушили, надушили.

Ира выбрала всех трех, но и пуделя не отпустила, и теперь завтраки, обеды и ужины проходили у нее в веселой обстановке: все ее приближенные (собаки) сидели на полу, повязанные салфетками, и ели из тарелочек кто сколько хочет, в том числе и глупая Ира, и если кто к ней приходил, в частности мать с отцом, то им приходилось тоже садиться как собакам на пол, иначе глупая Ира не желала с ними разговаривать, а ведь иногда бывали важные государственные вопросы, к примеру, в какую школу отдавать наследнице престола.

В первой же школе Ира сказала учителю, что он дурак, раз спрашивает у детей, сколько будет один да один: самому надо знать!

Иру оставили в покое, тем более что население в ее сторожке увеличилось, родилось пять щенков, а также Ира нашла в подвале очень толстую кошку и теперь с интересом ждала, будут ли котята.

Тогда у родителей лопнуло терпение, и они решили отдать свою глупую дочь в школу ветеринаров, куда Ира вскоре и переехала вместе с собаками, щенками и пузатой кошкой, которую везли в отдельном плетеном сундуке.

Там, в ветеринарной школе, Иру и оставили, и больше о ней не было ни слуху ни духу, пока она не выросла и не открыла собственную клинику для животных.

Мать с отцом, король с королевой, в те поры уже были люди немолодые, и пора было подумать о муже для глупой дочери, но все близлежащие и даже дальние женихи, принцы, графы, даже купцы, старшины и сержанты, даже продавцы, мойщики стекол и рубщики мяса — все были наслышаны о глупости принцессы Иры и никто не желал свататься: посватаешься, а она что-нибудь такое про тебя в результате ляпнет, что будет неловко перед народом.

К тому же пошли слухи, что у нее в клинике каждый владелец больного животного мог быть тоже госпитализирован, то есть имел право лечь в больницу вместе со своим нездоровым питомцем: вот как мать кладут в одну палату с заболевшим ребенком, чтобы ухаживать за ним на полную катушку.

И к Ире в клинику полезли всякие шарлатаны, бездельники и проходимцы: принесут какого-нибудь полузадушенного лесного клопа и ложатся с ним на год в отдельную палату.

Кто приходил и с тараканом без одного усика, кто и посерьезней, с лягушкой, у которой подозревалась водянка среднего уха, а кто прибегал с жалобой на полевую мышь: не ест мяса, и всё чума, наверно.

И вот Ира одним прекрасным днем, запыхавшись, вела прием, и перед ней предстал хромым осел и его хозяин, мрачный и злой, который назвался Петром, а про осла продиктовал, что его зовут Жених.

Петр спросил, можно ли ему вылечить здесь осла Жениха за полчаса, потому что нужно срочно возить на нем воду.

Ира ответила, что нельзя, надо, наоборот, срочно оставить Жениха в клинике.

— Нет, — уперся мрачный и злой хозяин, — тогда я его пристрелю, шкуру с него сдеру, продам, а из мяса сделаю докторскую колбасу и тоже продам. А из хвоста сплету кисточку для тубетейки, а копыта и кости пойдут на холодец! И я заработаю на этом целых две золотых монеты!

Так заявил этот мрачный и злой Петр.

Глупая же Ира тогда предложила, что если уважаемый хозяин хочет, то она купит у него осла Жениха за эти же две золотые монеты.

Злой Петр, наоборот, не согласился и потребовал у Иры за живого осла две тысячи золотых монет.

Ира тут же ушла и вернулась с бусами из драгоценных камней.

Она сказала, что это стоит много дороже двух тысяч, но сейчас нет времени на продажу, так вот пусть почтенный Петр пойдет и продаст эти драгоценные камни, а сдачу пусть принесет когда сможет, а то зверям нечего есть.

Злобный Петр бусы не взял и сказал:

— Ну и дура же ты! Мне говорили, что ты глупая, но я не верил! У меня висит твой портрет из газеты, и я смотрел на него и думал: неправда, у такой девушки должна быть очень ясная голова! И вот теперь я вижу, что ты действительно глупа как пробка! Ты всем веришь! А я ведь купил этого хромого осла за три копейки, его уже вели на живодерню! Мошенники живут у тебя со своими якобы больными блохами и клопами, а ты их всех кормишь!

— Ну что съест одно насекомое, — возразила глупая Ира, — каплю меда, крупиночку хлеба! Разве жалко? А что съест его хозяин? Тем более что некоторым хозяевам приходится носить своих больных за пазухой и даже кормить их, например клопов и блох. Это же не всякий решится! Они же жертвуют собой! И все это за три тарелки еды в день! Стираю я в стиральной машине, посуду мою вечерами, пол по утрам, обед варю ночью, и все идет по расписанию. А кони и куры вообще падутся сами.

— Ну и дура ты! — опять закричал Петр, — тебя все обманывают! А когда ты станешь королевой? Ведь любой аферист женится на тебе, если сочинит сказочку о своей любви к тараканам, и ты поверишь! Нет. Я на это не согласен. Надо тебя сдерживать. Я нанимаюсь к тебе сторожем, все.

И Петр живо навел в клинике порядок, выписал вон всех пауков, жаб, мышей, тараканов и комаров, объявив, что они практически здоровы.

Что касается хозяев этих пациентов, то одному из них, который возражал против выписки, прижимая к груди любимого клопа, Петр дал по шее, а остальные поняли все сами и удалились, сильно качаясь, видимо, от горя.

Некоторые при этом громко пели печальные песни.

У принцессы пошла теперь легкая жизнь, она начала спать по ночам, а днем работала только с утра и до обеда, как все врачи; мало того, Петр приноровился теперь брать с хозяев деньги за лечение животных, в короткое время клиника разбогатела, правда, Ира тут же пошла в город и купила у бургомистра оптом на все заработанные деньги бродячих собак города — и тех, которые шатались по улицам, и тех, кто еще лежал под забором в новорожденном состоянии.

Всех этих красавчиков ей привезли на следующий день в собачьем фургоне, и целую неделю Ира и Петр мыли, расчесывали и лечили новое пополнение, а затем выпустили их всех жить в парк.

Собаки эти, даром что уличные, начали очень ретиво охранять территорию, то есть полностью оправдывали свой хлеб, не давая ловким людям вырубать деревья в парке, срезать цветы на продажу и выкапывать особенно полюбившиеся кусты для собственных нужд.

Из постоянных работников в клинике теперь жили только собаки, кошки-мышеловы и бывший хромым осел Жених. Он поправился и возил на себе сено, которое косил Петр для нужд рогатых пациентов клиники.

И немудрено, что когда постаревшие король с королевой приехали в очередной раз уговаривать Иру встретиться с женихами (все-таки и среди мужчин попадаются дураки, которых можно уговорить при помощи портрета красивой девушки) — Ира сказала:

— А у меня уже есть жених!

— А где? — спросили удивленные родители.

— Пойдемте, — гордо сказала глупая принцесса и повела короля с королевой на луг, где Петр нагружал осла Жениха сеном.

— Вот, познакомьтесь, это Жених, — сказала сияющая Ира и ушла.

А обманутые король с королевой подошли к Петру, познакомились с ним, выяснили, что он герцог по отцу и маркиз по дяде, обрадовались и ушли из клиники очень довольные, провожаемые сворой бешено лающих собак.

И эти обрадованные король с королевой решили назначить свадьбу прямо на следующее утро, чтобы не откладывать, мало ли что.

Тем же вечером к Ире приехал портной и привез ей белые одежды — платье, шляпу и перчатки, а заодно и туфли, фату и букет, а Петру привезли белую фрачную пару с белой рубашкой и белым галстуком-бабочкой и глупая Ира целый вечер прохохотала, сидя с Петром: она думала, что ловко обманула родителей.

Наутро Ира, все еще смеясь до слез, повела осла Жениха расписываться к бургомистру, а Петр шагал рядом со своим ослом, как всегда серьезный, в новом наряде.

Но когда принесли книгу и велели в ней расписаться, то Ира поставила свою подпись, а осел Жених не смог, как она его ни уговаривала.

Тогда Ира сказала, что за Жениха пусть распишется Петр.

Петр расписался, все выпили шампанского, участники церемонии из бокалов, а осел Жених из бадейки.

Потом принцесса Ира преподнесла ослу букет, и осел тут же его съел на закуску, а папа с мамой поздравили Иру и поцеловали ее и Петра.

И тут глупая Ира засмеялась от души:

— Мама и папа, мой муж ведь осел! Поцелуйте его!

И привычные ко всему мама и папа воскликнули:

— Какова жена, таков и муж!

И ушли.

А серьезный Петр сказал Ире:

— Как все-таки хорошо, что ты такая дура глупенькая! Тебя можно облапошить, как малого ребенка! И хорошо, что это именно я тебя облапошил, а не какой-нибудь проходимец, и я теперь твой муж, а не какой-нибудь мошенник! И как хорошо получилось, что я тебя давно люблю и никому тебя не отдам!

Глупая принцесса Ира удивилась:

— Мой муж ты? А как же Жених?

— Жених остался Женихом, осел ослом, а твой муж — я.

И Ира довольно быстро с этим смирилась, буквально через минуту.

Она сказала:

— А я ведь и не надеялась, что ты меня полюбишь, и с горя решила выйти замуж за твоего осла.

Так что наша история пришла к своему счастливому концу, как и полагается.

Принцесса Белоножка, или Кто любит, носит на руках

Жила-была младшая принцесса, и все ее любили. У нее были ручки как из лепестков роз, а ножки белые, словно лепестки лилии. С одной стороны, это было красиво, но, с другой стороны, уж очень младшая принцесса была нежная и чувствительная, чуть что — она плакала. За это ее не ругали, но такого поведения в семье не одобряли. «Нельзя так распускаться, — говорили мама, папа, бабушка и дедушка-король. — Надо держать себя в руках. Ты уже большая».

Но от этих слов младшая принцесса обижалась еще больше и опять принималась плакать.

Однако пришло время, и к младшей принцессе, как это и полагается, приехал принц.

Принц был высокий, красивый и ласковый. «Прекрасная пара!» — восклицали все вокруг.

Принц и принцесса много гуляли, даже танцевали, и принцесса — чего с ней никогда не случалось — плела на лужайке венки для принца и для себя, венки из васильков, которые были такие же синие, как глаза принца.

Принца и принцессу, как и полагается, обручили, то есть объявили женихом и невестой. На этом принц уехал в свое королевство.

А младшая принцесса осталась и принялась плакать. Все ее осуждали за такое поведение, даже вызывали врача. Врач побеседовал с принцессой и неожиданно назначил ей не успокоительные капли, как полагается в таких случаях, а таблетки от боли, потому что оказалось, что младшая принцесса надорвалась на этих танцах и прогулках и стерла свои нежные ручки и ножки до крови.

Время шло, приближалась свадьба, а невеста все плакала и баюкала свои забинтованные руки и ноги, сидя

в кровати. Она не могла ни ходить, ни держать в руках чашку с чаем, ее кормила и поила старая нянька.

Однако врач бодро говорил, что все до свадьбы заживет, что просто младшая принцесса слишком нежная и чувствительная, плаксивая и несдержанная, а это, в свою очередь, является плодом неправильного воспитания в семье, а вот когда приедет принц — она вскочит и будет так же танцевать и шевелить руками, как и раньше. «Все это психологическое», — говорил врач и кормил принцессу таблетками от боли.

Но старая нянька взяла фотографии младшей принцессы и отправилась к колдуну. Оттуда она привезла загадочную фразу: «Кто любит, носит на руках».

Фраза эта скоро стала известной всем, всем, кто так любил принцессу с ее младенческого возраста, когда она радостно улыбалась, показывая свои первые четыре зубика и две ямочки на щеках, а кудряшки у нее были, как золотой шелк, а глазки, как незабудки.

Кто же не любил принцессу! Все ее любили: и папа, и мама, и дед с бабкой, король с королевой. И они все время вспоминали, какая она была чудесная малышка, какая приветливая, хорошенькая, с четырьмя зубиками. Когда пошли остальные зубы, картина немного попортилась, начался плач и капризы, и дело доехало до того, что теперь на вопрос: «Ну, мы уже перестали дуться на весь мир?» — принцесса вообще не отвечала, что было по меньшей мере невежливо, особенно если спрашивали король с королевой, да еще и по внутреннему телефону. По телефону надо отвечать!

Тем не менее руководимые старухой-нянькой к принцессе стали приходиться и брать ее на руки все по очереди. Что, конечно, было просто подвигом, особенно если учесть, что, например, бабушка-королева была дамой неопытной и ничего никогда не поднимала тяжелей бокала с вином. А мама-принцесса вообще не знала, с какого боку подойти к своей уже довольно тяжелой дочери — хрупкая-то хрупкая, но все-таки принцесса уже вышла из младенческого возраста, пятнадцать лет, шутка ли!

Но все, поднатужившись, приподнимали младшую принцессу, которая ничего не понимала сначала и даже капризничала, не хотела, чтобы ее трогали, пока ей все не объяснила старуха-няня. Но и тогда младшая принцесса продолжала лить слезы и совершенно не оценила рекорда папы-принца, который поднял ее на двадцать два сантиметра от постели! «Сюда бы слетелись все газетчики мира, — заявил папа-принц, — если бы мы не держали в тайне, что у нас дочь плакса вакса гуталин, на носу горячий блин».

После чего старая няня носила младшую принцессу на руках по спальне целых десять минут, как в детстве, чтобы утихомирить ее, но при этом няня вспоминала и о своих обидах: что повар на кухне оставил ей не куриную ножку, а какой-то волосатый куриный локоть и что внуки одни бегают в деревне без присмотра, а тут живешь, выкладываешься, как потный индюк, безо всякой благодарности.

— Но ты меня ведь любишь? — спросила младшая принцесса, когда няня, набегавшись со своей ношей, положила свою принцессочку обратно на кровать.

— А как же тебя мне не любить? — ворчливо отвечала няня. — Если бы я тебя не любила, я бы за такое жалованье давно бы здесь не жила!

Стало быть, все носили младшую принцессу на руках, но она так и не вылечилась.

Тогда стали говорить, что колдун оказался плохим пророком и что, может быть, няня неправильно пересказала фразу. «И что это такое? — возмутился доктор. — Кто любит, носит на руках! Не будем говорить об отдельных случаях, но меня, например, никто не носит на руках! Даже королеву не носят!».

И все были согласны с таким мнением и начали говорить, что эту фразу надо понимать в том смысле, что сама младшая принцесса никого не любит, и намек был на это.

А принцесса сидела в своей спальне, и няня все время подбивала ее позвонить принцу, но принцесса не соглашалась, а только плакала, почему принц сам не звонит.

Наконец принц позвонил, и трубку держала сердитая няня, а сердилась она потому, что разговор продолжался два часа и няня проворонила обед, и еще она сердилась потому, что младшая принцесса в течение всего разговора умудрилась ни разу не заплакать и даже много смеялась.

— Значит, ты придуряешься, — сказала, положив трубку через два часа, няня, — ты можешь же не плакать!

И няня отправилась пить чай и сообщила всему дворцу, что у младшей принцессы не все так плохо, что она уже смеется. Все поздравляли доктора, ему немедленно увеличили жалованье, и у младшей принцессы без передышки звонил телефон, няня брала трубку и подносила ее к уху своей капризницы, но та в ответ на все вопросы типа: «Ну что, мы уже улыбаемся?» только лила слезы, не отвечая ни «спасибо», ни «начхать», как выразилась потом няня на кухне.

Разумеется, когда была назначена свадьба и приехал жених, все бинты были сняты, ни слова не было сказано ни принцу, ни младшей принцессе, и на вечер, как и полагается, был назначен бал.

Только для принцессы приготовили особо плотные перчатки и сапожки. И когда принцессу одели, она, разумеется, тут же перестала плакать и позволила себя причесать и вплести в косу белые розы.

— Ну, что я говорила? — вопрошала няня по всем коридорам дворца, и повар отвалил ей большой кусок торта на радостях.

Все улыбались, и только врач срочно уволился с работы и уехал со своими новыми семьюдесятью чемоданами.

— Уехал и уехал, — говорила няня после трех досрочных рюмочек, — теперь он нам ни на что не нужен, тьфу! Это был врач? Любой санитар даст таблетку после еды три раза в день, и я не хуже могла бы за такие деньги.

Принц тем не менее пригласил принцессу на прогулку. Все понимали, что после гулянья младшей принцессе уже не удастся выстоять целую свадебную церемонию, и поэтому принцу сообщили, что принцесса предпочитает

конную экскурсию. Принц понял это буквально и прислал младшей принцессе свою арабскую кобылку, удалось только сменить поводья на шелковые. Выйдя во двор, принцесса попросила принца взять ее на руки и посадить в седло.

— Для этого есть слуги, — улыбаясь, сказал принц.

— Я прошу только вас, — сказала младшая принцесса.

— Что за капризы? — спросил, улыбаясь, принц и позвал слуг, которые вознесли младшую принцессу в седло, как пушинку, и дали ей в ручку шелковые поводья.

И они поехали.

Принц был мужественный и спортивный юноша, презиравший всякие слюни, вздохи и сантименты. Кроме того, он уже отдаленно был наслышан, что младшая принцесса слишком избалована и вообще неженка, и он решил начать ее воспитывать с нуля, еще до свадьбы.

Младшая принцесса по дороге в лес рассказала ему как самому близкому другу всю свою историю болезни вплоть до слов колдуна. Что это не капризы, а просто способ лечения — взять на руки.

Принц не поверил ни единому слову.

— Все это бабские глупости! — сказал он.

Тогда принцесса остановила кобылку и с большим трудом стянула со своей маленькой руки перчатку.

Принц увидел, отшатнулся и громко спросил:

— А почему? Почему меня не предупредили, что ты больная? У тебя, возможно, и дети будут больные! Больные наследники — это невозможно! Судьба государства, судьба королевства, нации наконец!

И он, испуганный и взволнованный, так дернул поводья, что его конь взвился, сбросил с себя принца, а сам ускакал.

Принц лежал на лесной дороге без сознания, белый, как мел, и изо рта его вытекала струйка крови.

Младшая принцесса слезла с лошадки, уговорами и лаской заставила ее прилечь на дорогу, а затем как могла приподняла принца и взвалила его на спину умной кобылки. После этого лошадь встала, неся на спине безжиз-

ненного принца, а принцесса взяла в руки поводья и повела лошадь обратно в замок.

У ворот замка часовые унесли принца и унесли младшую принцессу, а служанки сбегали подмели лесную дорогу, на которой принцесса оставила кровавые следы своих сапожек.

Принц вскоре выздоровел и собрался уже в обратную дорогу вон из замка, где его обманули, подсунув негодную невесту.

Выводя своего буйного коня из конюшни, он встретил знакомого священника, который шел к воротам с чемоданчиком в руке. Священник поздравил принца с выздоровлением и сказал:

— А вы не остаетесь на похороны?

— Кто-то умер? — спросил принц.

— Наша младшая принцесса, — отвечал священник. — Я уже причастил ее, там остаются какие-то минуты.

— Она была совершенно больная, — со вздохом произнес принц, — даже врач от них, как говорят, отказался. Уехал.

— Вы тоже тяжело болели сейчас, — сказал священник. — Если бы она вас не подняла на руки и не взвалила бы на лошадь, сегодня отпевали бы вас.

— Да, каково мне было узнать, что я могу остаться калекой! Принцесса, конечно, спасла мне жизнь. Но она меня обманывала. Когда мы говорили с ней по телефону, она должна была плакать от боли, а она смеялась! Как вспомню эти ее руки, так вздрогну.

— Да, возможно, она бы уже давно умерла, если бы не любила вас. Только из-за вас она оставалась на белом свете.

— Да, надо бы проститься, — смущенно пробормотал принц, отвел коня в конюшню и поднялся в покои младшей принцессы.

Он вошел в спальню своей бывшей невесты, увидел ее, и сердце его дрогнуло от жалости. Принцесса лежала

совсем маленькая, как спящий ребенок, и рядом с ней сидела багровая от слез нянька.

Принц сделал вид, что ничего не знает, решительно подошел к ложу принцессы и сказал:

— Привет! Вот я и выздоровел! Я ты что валяешься притворяешься? А ну вставай, тебя тут держат как больную... А надо на солнце, на воздух, нужен спорт, движение!

Он отодвинул вскочившую злую няньку, схватил принцессу на руки, она оказалась легкая и тоненькая, и он понес ее как можно быстрее к окну, а сзади бежала и дергала его за куртку нянька:

— Она умерла, ты что, глухой?

Держа принцессу на одной руке, принц отодвинул тяжелую портьеру, быстро открыл окно и тут увидел, что младшая принцесса смотрит на него, широко открыв глаза.

— Что ты ее трясешь, ей уже глаза закрыли, — шипела нянька, добираясь до принцессы, но принц загородил спиной свою ношу и быстро поцеловал принцессу в губы — он где-то читал, что так можно оживлять принцесс.

— Поздно, поздно, — причитала нянька, — раньше надо было, дурак, упустил свое счастье, девочка была ласковая, послушная.

А принцесса внимательно смотрела на принца, широко открыв глаза, а потом моргнула и засмеялась.

А нянька за спиной принца ахнула и зашептала:

— Кто любит, носит на руках, кто любит, носит на руках.

Разумеется, вечером сыграли свадьбу, на балу принцесса танцевала, а за столом ела сама, как полагается, ножом и вилкой, и безо всяких перчаток.

А колдуну послали огромный торт, бочку вина и цветную фотографию принцессы, как она надевает принцу на палец обручальное кольцо.

Приключение в космическом королевстве

В мире все возможно, и один раз король космоса Ктор наказал народы планеты Хе, и народы эти, видимо, погрузились в космические лодки и рассеялись в звездных далях. Жалеть об этих народах не приходилось, жили они скверно, вечно дрались друг с другом и в результате поголовно все сожгли. Ктор их предупреждал заранее, присылал свои летающие тарелки, пока наконец не пришлось отделывать все там заново, то есть планета вернулась в состояние остывшего камня.

И вот эту планету Ктор, когда она освободилась, подарил на день рождения своей дочери Ба. Хорош подарок, скажете вы, но в нем скрывался глубокий смысл, так как Ба, бывшая от природы приятного телесного цвета, постепенно начала зеленеть, но об этом дальше.

Вода на Хе имела — водопады, реки, озера, моря, дожди (которые шли горизонтально, так было задумано, то есть хлестали прямо в лицо). Солнце показывалось изредка, так что все основания для жизни были. Сам Ктор всегда начинал с этого, сеял травку, сажал карликовые березки, мхи, там-сям оставлял гусиные яйца и ягнят, затем заносил остальное, так все и шло.

Но в данном случае Ктор ничего не пожалел для своей единственной дочери, то есть не дал ей ничего, кроме скал и воды. Ба вела себя очень скверно, у отца все время болела рука. Рука болела потому, что Ктор не был женат и завел себе дочь сам, отрубивши мизинец на правой руке. Все было очень просто: отрубил палец, завернул в тряпку, полил водой и через час мизинчик завозился и закричал в тряпке. Королева могла бы иметь братьев и сестер еще девятнадцать штук, но Ктор был эгоист и жалел свои пальчики, особенно после того как узнал, что отрубленное место болит и ноет, если Ба

плохо. Малые дети спать не дают, а от больших сам не спишь.

А тут как раз Ба перевалила за подростковый период, достигла цветущего возраста и впервые за пятьсот лет своей жизни могла стать самостоятельной, то есть построила сама себе дворец. Однако Ктор жил все-таки неподалеку, и рука у него болела, вот он и решил подарить дочери завалящую планету Хе.

Что касается Ба, то она собралась буквально на следующий день отправиться на Хе со своим другом, мальчиком Миком. Его тоже надо было срочно убрать подальше, глаза у него стали совсем зеленые, но об этом ниже.

Друг Ба с зеленеющими глазами на самом деле жил уже вторую жизнь, в предыдущем существовании у него все было плохо, за исключением того, что он был прекрасный поэт, и, когда он умер молодым, королева его пожалела и взяла жить к себе в космос, сделала его своим воспитанником. Но Мик был труден для воспитания и все время молчал. Кстати, он очень плохо освоил язык, на котором изъяснялись жители королевства, так называемый язык сердец. Мик ни на что не жаловался, сердце его молчало, но Ба, умевшая читать в чужих сердцах, понимала, что он тоскует о том, чего не вернешь, о стихах, и о своем ребенке, и — что еще того похлеще — об одной женщине по имени Н. Стихи, действительно, здесь писать было нельзя, в письме и чтении никто не нуждался, все понималось при первой мысли. Об Н. королева знала, что у нее близнецы от итальянского туриста, у которого пять детей кроме того, и что Н. сильно обижается на судьбу и скандалит с детьми — вот и все. А что касается маленького сына Мика, то Ба обещала себе, что обязательно возьмет этого ребенка, когда он вырастет, состарится и умрет ста лет в окружении внуков и правнуков. Но Ба сомневалась, что этот будущий старичок подойдет в дети мальчику Мику, который так вечно и остался молодым.

Короче говоря, проблем было много, но все они разом исчезали, когда речь заходила об отдаленной планете Хе.

Королевна Ба пригласила Мика, и летающая крепость, мощная машина, уже колыхалась у порога дворца, когда Ба сообразила: какая тоска ждет ее по дороге — ведь Мик все время спал или пил маковый сок, не разводя. В королевстве в ходу были цветочные нектары, сиреневый, гиацинтовый, хочешь — пей лилейный или ромашковый, но маковый! Никакого веселья, как лекарство от бессонницы. Ба не сомневалась, что и на планете Хе он посадит только мак и только за ним будет ухаживать, и не забудет ни единого гвоздя, не положит ни одного кирпича, хотя он многое умел, в детстве его все заставлял делать отец. Но, видимо, когда кого-то слишком заставляют делать что-то нужное и полезное, результат бывает обратный, обычно думала юная Ба, глядя на Мика, спящего лицом к стенке двумя этажами ниже. Ба знала, что Мик видит сны о прежней жизни и не хочет просыпаться, но ведь в прежней жизни он тоже все время хотел спать! Видеть сны о том, что хочешь спать? О том, что тебя все время будят, хотя это моветон? Но теперь он спал и во сне плакал от жалости к тем, кто его будил, — к отцу, к жене, к маленькому сыну.

Короче, Ба вздумала пригласить еще трех подруг и трех друзей этих подруг. Вместе веселей, всем сердцем сказала Ба Мику, который спал у себя в подвале (Ба специально для него устроила во дворце подвал), но Мик ничего не ответил, сердце его молчало. Мик не хотел жить, опять не хотел жить, как и на земле, когда он кричал свои стихи, пил и ел неизвестно что и работал на черной, грязной, хотя и хорошо отапливаемой работе.

Три подруги и трое их друзей явились немедленно, приглашение королевны было законом, да и далекая Хе так красиво сияла по ночам, и лететь было всего два световых года, почему бы и не прогуляться. Ба не брала больше никого, ни пилота, ни штурмана, она сама водила свой корабль, научилась за долгий подростковый период всему. Мику было указано следить за отопительной системой, что он всегда считал своим долгом. Мик быстро разобрался, какой вентиль куда открывать и за какой стрелкой следить.

Короче, вылет был назначен на завтра, и вся компания проводила вечер в маленьком кафе при свечах и скрипке — некто Джон в побитых очках всем сердцем, но без слов подпевал скрипачу по имени Никколо, так что было как всегда, и вдруг к столику подошел красавец старик, всем известный изобретатель, бывший поэт, безнадежно влюбленный в Ба, по имени Франсуа Мари Аруэ. То есть не все так хорошо было в королевстве, и безнадежно влюбленные там жили, и брошенные друзья, и ревнивые страдальцы. Но время у них имелось в запасе, время — лучший врач, и можно было заводить новые знакомства. Однако этот Франсуа, вредный старик, все ходил и ходил за Ба уже двести лет, а в свободное время увлекался колдовством, чтобы завоевать сердце красавицы, всегда увлеченное новыми людьми. Но куда Франсуа было угнаться за юной Ба, он был старше ее на триста лет, и она, поначалу заинтересовавшись, вскоре стала его сторониться. Правда, наука превращений была запрещена в королевстве, но Франсуа все прощали из-за Ктора, который имел к старику слабость да и сам грешил мгновенными исчезновениями из королевства каждый раз в ином виде — так думали все, потому что в своем собственном образе Ктор сидел в одиночестве только на престоле, чтобы не смущать народы. Ба неоднократно спрашивала отца по его возвращении, когда он сидел уже весь сияя, кто это его так и что за шрамы везде, но папа сразу хватался за правую руку, что означало у него примерно такую фразу: я тебе все отдал, мизинчика не пожалел, оставь меня, калеку, в покое.

Итак, красавец старик пришел в кафе и отозвал Ба в гардероб, где никого не было, все толпились вокруг Джона, тот являлся редко. Старик молча, с тонкой улыбкой всучил Ба большую книжку с картинками. Под каждой картинкой была приклеена цветная пилюля.

— Ба, — от всего сердца промолвил Франсуа, — если бы тебя не было, тебя надо было бы выдумать.

— Слышали мы такие речи неоднократно, — сердечно ответила ему Ба, — что тебе надо от меня конкретно?

— Возьми эту книжку, — молчаливо предложил Франсуа Мари Аруэ. — Я ее создал специально для тебя.

— Это не основание, чтобы навязывать кому-то свои книги, — ничего не ответила Ба и вся осветилась синим пламенем, что означало у нее нетерпение.

— Тогда я пошел, — молча поклонился Франсуа и растворился во тьме раздевалки. Все-таки старик кое-чему научился, что было, однако, запрещено. Ба, вздохнув, взяла с того места, где только что стоял Франсуа, книгу и поволокла ее к столику. Том весил не меньше тонны, но Ба не так давно работала вместо подъемного крана на строительстве своего дворца, и с тех пор ей нравилось поднимать тяжести.

Вся милая компания начала рассматривать книгу, в которой было ровно четыре страницы, на каждой странице по картинке, и картинки жили, то есть изображенная кошка зевала, вылизывалась и топталась на подушке, попугай похаживал по жердочке перед зеркальцем, жуки (четверо) совещались, шевеля рогами, а два муравья солидно держали на весу сосновую иглолку.

Больше ничего не содержалось в книге, кроме двух строчек точек и восьми таблеток в прозрачной упаковке, но Ба и ее друзья прочли между строк, что если принять таблетку, то можно обратиться в данное существо, а в случае необходимости надо выдернуть у себя светящийся усик или волосок, видимый только в темноте. Тогда произойдет обратное превращение.

— Глупая какая книга! — рассердилась Ба и оставила подарок Франсуа на столике.

Однако наутро, когда летающая крепость стартовала, Ба обнаружила старикову книгу на корабле под своим диваном, рядом с домашними тапочками, вздохнула и оставила ее лежать на том же месте.

Световые годы летели незаметно, вся компания играла в карты, за исключением Мика, который спал у себя в котельной, и от него исходило зеленоватое пламя, так ему было скучно — даже во сне. Хорошо, что дело происходило на корабле, потому что уныние было самым большим

грехом в королевстве, и когда тоска становилась всем видимой, то есть зеленой, больного, целиком принявшего изумрудный цвет, подвергали принудительному лечению и отправляли в подземную клинику, и никто не знал, что там с больным делали, потому что через тысячелетие (если больного выпускали так скоро) он появлялся на белом свете приветливым, бледным, боязливым и благодарным, любовался такими простыми вещами, как восход, закат, дождь и сумерки, а огня боялся смертельно, так же как любой металлической посуды типа сковородок и котелков, да их и не было в королевстве, и даже изображений их не было, и бояться было нечего. Цветочный сок пили непосредственно из чашелистиков, стряхивали с гроздьев, кистей и соцветий типа зонтик и щиток.

Так что Ба очень боялась за Мика все время, идею с планетой Ха королева сама подбросила отцу, явившись однажды к нему в слегка зеленоватом виде (о, наука превращений, повсеместно запрещенная!). Папа увидел и с перепугу решил слинять, то есть стал кривиться, как отражение в бутылке, и побледнел так, что сквозь него стал виден его королевский престол, потом он стал хвататься за больную руку без мизинца и наконец обрел мужество. Он был бесстрашен от природы, в свое время ради людей ходил на большие испытания, но вынести страдания своего ребенка он был не готов, растерялся. Собственный ребенок — большое испытание даже в таком чине, в каком пребывал король космоса.

Ба стала смотреть в небосвод, где уже зависла голубоватая Хе, король, не поднимая головы, принял сигнал и полетал немного над Хе, в результате с ее поверхности исчезло все лишнее. Затем королевне и было предложено занятие на ближайшие столетия.

— Без средств к существованию, — так выразился Ктор. — Ничего не дам сверх того, что есть в летающей тарелке у всех. Уныние — грех.

— И не надо, — без слов ответила Ба, так что теперь Мик летел в полной безопасности, а то за ним уже ходили тайные врачебные служители. Вообще Космоландия была

продумана гениально, и Ктор, когда ему выпало основать королевство, имел в виду многие образцы.

Так что компания развлекалась живыми картами (живыми в любом смысле этого слова), пила тюльпанный сок и подснежниковый нектар, а корабль летел, и наконец, вся увитая прозрачными облаками, повисла впереди несчастная планета Хе, место ссылки, — льды, кратеры, вулканы, гейзеры кипятка и всюду в скалах нечто вроде водянистых колокольчиков.

— Колокольчиковый сок! — как бы воскликнули все. Но при ближайшем рассмотрении это оказались водопады.

В другой раз, на экскурсии, например, это выглядело бы красиво, много неба и воды, но принцесса озабоченно думала, с чего тут начать.

Над Хе все еще кружили мысли Ктора в виде двух летающих тарелок, чтобы хейнцы не вздумали вернуться, но Ба пригорюнилась, что и тут не обходится без папашинной поддержки, и испустила из глаз зеленый луч. Тарелки растворились мгновенно в большой панике, свалили за горизонт сильно накренясь. Ба ввела корабль в пике, ища место поровней и увидела гладкую, как стол, круглую площадку, с краю которой чернел как бы серпик.

— Интересно, — громко подумала Ба и стала сажать машину. Все прильнули к окошку, и тут площадка отскочила, как люк, выстрелили вверх два стальных хлыста с присосками, со свистом прилипли к кораблику Ба и потащили его вниз в преисподнюю. Внизу зияла черная дыра.

Ба знала, что черные дыры существуют и что это единственно возможный для нее вариант смерти.

Ба потянула на себя ручку управления, стараясь поднять аппарат. Установилось равновесие, летающая тарелка дрожала так, что даже Мик проснулся и с цветком мака в руке приплелся узнать, какого хрена трясет. Не говоря ни слова, он очень ясно выразил свою мысль.

Ба со скоростью молнии, не выпуская ручку управления, притянула старикову книгу из-под дивана и сунула

по таблетке под язык Мику (попугаеву) и всем остальным товарищам (жуковые и муравьиные), а кошачью проглотила сама, тут же напомнила всем правило обратного превращения (выкусывается в темноте светящийся усик, волосок или перышко), попрощалась и уже сидела под диваном, вытарасив оранжевые глаза, шипя и стуча хвостом по паркету. В окно бился крыльями черно-желтый попугай, жуки сидели в щели, муравьев не было видно. И наступило нечто, после чего не было ничего. Только в полной тьме светились картинки в книге — королева в полном костюме космонавта и ее семеро спутников в тех же нарядах, озабоченно сидящие каждый в своей рамочке и в своей компании на своей странице.

Ба в виде кошки с изумлением очнулась в клетке, в помещении без окон, залитом ровным белым светом.

Не мякнув, Ба смирилась со своим новым положением, не любопытствовала, не рвалась вон, не царапала дверь клетки, а вылизывала пуховую шкурку, переваливалась с боку на бок и терпеливо голодала. Еду ей приносили и уносили каждый раз в виде дохлой мыши. Ба не прикасалась к угощению и угрюмо размышляла о том, что бедного Мика, наверное, кормят червями, а на жуков и муравьев, может быть, попшикали средством от насекомых вместо кормежки. Правда, убить их невозможно, слава тебе Господи, но неприятностей они натерпелись достаточно, бедные. Ба сокрушенно стала думать, что распорядилась их существованием как владычица — жили бы они и жили, играли бы на арфах, клавесинах и медных трубах и пили бы цветочные соки, а тут мизерное существование в плену, в тюрьме! Папа специально не опомнится ближайшую тысячу лет, рука у него, конечно, очень болит, но он терпит ради блага любимой дочери, думая, что она преодолевает трудности северной жизни и это ей на пользу, все лучше, чем тайная врачебная помощь в условиях подвала.

Ба с любовью вспоминала своих подруг и их трех друзей, произносила их имена — Эмилия, Шарлотта, Анна, затем Джордж Ноэл Гордон, Вольфганг Амадей и Алек-

сандр, все отборные люди, очень непростые, каждый из которых в прошлой жизни умер молодым и до последних дней не верил, что умрет. Девушки были закалены и гуляли каждый день под дождями и ветрами, мужчины сопротивлялись судьбе с оружием в руках у кого что было, и все сделали в жизни очень много. Теперь две подруги Ба превратились в крепких, как желуди, жучих, а одна изображала собой вообще муравья — несколько запятых и три точки. И все по моей вине! — мучилась королевна, вылизывая шкурку рядом с дохлой мышью. Она с изумлением вспоминала также старика Франсуа, который сыграл такую злую шутку с ней и ее друзьями. Мари Аруэ мог бы позаботиться и ввести в свой каталог не кошек, птиц и насекомых, а тигров, львов и, например, антилоп. Хотя что хорошего, спрашивается, и в их жизни — есть жирных мертвых кроликов или часами жевать сено?..

«Лучше бы в птиц! — думала кошка, — но есть червей? Или в бабочек, они тоже питаются цветочным соком, но терпеть жизнь гусеницы?»

«Все-таки надо было бы подружиться с Франсуа, сказать ему доброе слово, — мучилась Ба, — он без поддержки может стать язвительным стариком, а это тоже великий грех... Всегда полезно сохранять добрые отношения, а то настанет час, и горько пожалеешь о грубом слове».

И королевна завалилась на бок и зажмурилась, не в силах больше смотреть на мышь.

«Но и хорошо, что мы здесь не мы, а то бы начали нас мучить и терзать, папа бы вынужден был их истребить... Война в подземельях, кровь... Убивать нехорошо. Франсуа молодец, предусмотрел».

И с этими мыслями Ба, зажмурившись, горько заснула.

Иногда появлялась хеянка, которая ходила за кошкой, меняла ей песок и мышь ежедневно, ничего не говорила и исчезала. Хеянка была очень бледная милая девушка, просто очень бледная, с опасным зеленоватым оттенком. Ба по собственному опыту понимала, как тоскует вся эта бледно-зеленая подземная нация по небу и облакам, и впервые подумала, что папа не должен был так уж оголять

планету Хе даже ради спасения единственной дочери, тем более что все обернулось все-таки пленом и тюрьмой.

Дальше события разворачивались довольно странно, потому что — вот месть старика Франсуа — Ба все больше становилась кошкой и однажды съела с дикой жадностью полуживую мышь. К этому времени Ба просто умирала от голода (Ба в бытность свою королевной вообще не знала, что такое голод).

Мало того, через определенное время Ба начала дико кататься по подушке, хрипло замыкала и даже завывала. «Что со мной, — как во сне, думала Ба, — у меня появился голос, я жива, я не могу больше быть одна, Мик, Мик!»

Вместо Мика любезная хейнка принесла бледно-зеленого кота под мышкой. По случаю визита клетка Ба была раскрыта, и Ба мгновенно выскользнула и напрямик помчалась к открытой двери, за которой открывался тесный тоннель, освещенный рядами ламп. Ба быстро поймал прохожий, погладил по розовой шерсти и отнес на место. Ба успела заметить низенькие, как шалаши, жилища хейнцев. «Как они тут живут, бедные», — подумала Ба, когда ее представили коту. Ба мгновенно дала коту по морде, вернулась в клетку и лапой закрыла за собой дверь. Кота унесли, Ба опять мрачно завывала, про себя думая, что эти игры с котом даром бы не обошлись, и пришлось бы рожать бледно-зеленых котят. «И неужели бы я любила этих своих детей?» — думала Ба. Как разумное существо, она понимала, что своих детей, кто бы ни был их отец, всякая мама любит и считает красавцами.

Ба еще не думала о детях в бытность свою королевной, перед ней был постоянный пример отца, хватающегося за то место, где у него болел отрубленный палец. Ба, если бы захотела, могла бы тоже настрогать двадцать детей, но ходить без пальцев, вот в чем вопрос!

«Если бы, — крича криком, думала Ба, — этот старый дурак Франсуа сделал кошку и кота и кот был бы Мик! О Мик, Мик! У нас были бы чудные котята!»

Однако налицо был только попугай и то неизвестно где.

«Да и каков может быть гибрид кошки и попугая», — задумалась Ба и снова завывала от горя, представив себе ушастого попугая на четырех птичьих ногах или двуногого кота с крыльями, или попугая, но с зубами в клюве! Ужас!

Ба орала еще две недели, не ела ни мышей, ни какую-то болотистую зеленую кашу, местное, видимо, угощение. Затем она успокоилась, поспала, съела свеженькую мышь, вычистилась, вылизалась и стала с благодарностью думать о том, что не позволила себе так низко пасть в мечтах о котятках.

Она уже придумала простой план спасения, но спастись одна Ба не хотела.

Тем временем происходили какие-то местные переговоры, в результате чего хейнка долго чистила клетку Ба каменноугольным порошком, выстирала кошачью подушку, так что она теперь воняла нефтью, а Ба не выносила таких запахов и перешла спать на пол клетки.

Но однажды утром она забыла обо всем и вскочила на свою подушку в диком восторге: в помещение внесли клетку с попугаем! Мик сидел на жердочке мрачный, оборванный, худой, а рядом с ним, бок о бок, находилась какая-то местная подземная птица с большими ушами, видимо, самка! Мик не обращал на нее никакого внимания и сидел закрыв глаза.

«Какое счастье, Мик!» — подумала Ба, но тут с ней стали происходить страшные вещи — она вся напряглась, облизнулась, забила хвостом, присела на передние лапы и так далее. Глаза ее горели хищным огнем. Ба это чувствовала. Ей стало ужасно интересно, и проснулось странное чувство жадности и точности: она знала, что не промахнется, и жадно ждала этого момента. Ба даже глухо заворчала. Но клетки мешали ей, клетки!

— Ты дрянь, — ясно и четко сказал Мик.

Ба внутренне ахнула, и только железная выдержка и дисциплина, воспитанные пятисотлетним существованием в качестве королевы (царственные особы не могут позволить себе распуститься, они от этого теряют

головы) — эта дисциплина заставила Ба не изменить ни на миллиметр свою позу охотничьей кошки. «Мы не понимаем ни слова», — всем своим видом говорила Ба, стуча кончиком хвоста. Ба не одобряла того, что Мик открыто говорит по-человечески, мало ли, что тут понимают хеянцы, да еще такая разумная ветвь, пережившая всех врагов, заблаговременно ушедшая в подполье.

— Дай кашки, — скрипел Мик, — ты дрянь. Дай кашки дурашке.

Все, слава Богу! Мик изображал собой дурака попугая, который выучил чьи-то стихи.

— Дай кашки, — продолжал Мик. — Я не могу жить.

Он кричал, наслаждаясь возможностью говорить, а его подруга взяла и повисла вниз головой. «Он не может любить такую идиотку с ушами, я ведь тоже прогнала местного парня!» — думала Ба, продолжая охотиться на попугая у себя в клетке.

— Ты дрянь, — без выражения скрипел Мик.

«Господи, как я его люблю, — думала Ба, прижимая ушки и повизгивая, — так бы и съела!»

Тем временем принесли и какие-то прозрачные маленькие аквариумы, но Ба не обратила на них внимания, жадно глядя на Мика.

Наконец установили яркий свет и пустили вереницу людей как в зоопарк.

Хеянцы, бледные, словно тени, одетые в праздничные черные одежды, производили хорошее впечатление своей аккуратностью, худобой и общим выражением детского любопытства, с которым они смотрели на Ба и Мика. Еще с большим увлечением они наблюдали за стеклянными коробочками.

«Очень добрые существа, — думала Ба, все еще суетясь на подушке в надежде прыгнуть, — симпатичные люди. Хорошо, что отец о них не знает. Или знает?..»

Одна совсем маленькая особа из хеянок все пыталась подпрыгнуть, чтобы увидеть аквариумы, и высокий хеянец, видимо, отец, снял стеклянную коробку со стола

и показал малышке поближе. Ба увидела в коробке жуков! Четверых больших и нескольких маленьких...

Собрав все силы, чтобы не завывать (у жуков уже явно вывелись детки), Ба равнодушно зевнула, даже напоказ, как это делают все кошки, желая выразить этим, что им все на свете безразлично. Видно было, что Ба наконец сообразила своим кошачьим разумом, как трудно выпрыгнуть из своей клетки и впрыгнуть в чужую. Кошка свернулась в клубок, а мысль ее лихорадочно работала.

Все теперь вместе. Выход из положения есть. Народ милый, приветливый, хотя и вооружен до зубов (вспомним стальные петли). Будем ждать ночи, хотя тут ее нет, потому что она вечная.

Когда поток хеянцев схлынул, дверь закрыли и заперли с той стороны, а свет оставили.

Ба пристроилась поудобнее, подцепила коготком нитку, которой был зашит край подушки, и дернула.

Мик скрипуче кричал, и королевна была рада, что его голос заглушает треск ниток. С другой стороны, ничего хорошего в этом крике не было, Мик монотонно и ритмически начал говорить, что лучше сидеть в каменном мешке и лизать сковородки, чем проводить вечность в виде плодящихся насекомых. Потом он говорил о том, что не хочет жить. Затем он сказал, что никто не может распоряжаться чужой судьбой и так далее. А Ба все рвала нитки и наконец вспорола подушку с одной стороны, залезла внутрь, в дурно пахнущую тьму, и стала методически пересматривать свою шерстку, надеясь найти светящийся волосок. Он нашелся, он слабо горел на передней лапе у когтя. Тут же Ба выдернула его зубами, и клетка с грохотом распалась: Ба стояла в своем костюме космонавта на столе и с подушкой на шлеме. Ба тут же раскрыла клетку Мика, схватила его хищным движением, так что он только всплеснул крыльями и рывкнул, сунула его в подушку. Мик замер там, сердце его сильно стучало, маленькое птичье сердце испуганного существа. Он никогда ничего не делал для своего спасения. Ба ждала, Мик лежал неподвижно.

Как ни странно, всполошилась ушастая птичка в клетке. Она начала жалобно пищать. Она раскрыла огромные перепончатые крылья.

Ба ждала. Сердце Мика билось все реже.

«Если ты умрешь сейчас, — подумала Ба вслух, — мы больше не увидимся. Ты умрешь не для меня».

Птица вопила, Мик лежал неподвижно.

«Как хочешь, — произнесла мысленно Ба, — оставайся здесь, на Хе».

Она вытащила Мика и положила его обратно в клетку. Птичка с ушами стала хлопотать над ним, перебирать его перышки. Ба склонилась над стеклянными коробками, уже не глядя в сторону клетки.

«Я хочу вас спросить, — подумала она, — желаете ли вы жить в вечности или хотите умереть насекомыми? Вы можете сделать выбор».

Жуки (четверо) послали Ба свои умоляющие сигналы. Муравьи посуетились и тоже посигналили. Жуки ждали. У их ног ползали маленькие новенькие жуки. Муравьи печально стояли с запеленутыми младенцами в лапках. Ба думала. Наконец она кивнула, накрыла подушкой обе коробочки, но ничего не произошло. Муравьи и жуки остались с детьми, не захотели обращаться в космонавтов. Попугай, шатаясь, поднялся на ноги, поддерживаемый ушастой птицей, и сказал:

— А вот теперь прощай, детка, прощай.

Ба кивнула, вернулась на космический корабль в ту же секунду, ибо разъяренная девушка способна на все, и вечером встретилась с отцом.

Отец, сияя, сидел на престоле.

— Тебе не было скучно? — спросил он. — Выглядишь ты хорошо.

Ба проглотила невидимые миру слезы и сентиментально ответила:

— О, я не скучала. Папа, я там добавила солнышка, овечек и гусей... И, папа, там живут люди. Они поднялись из-под земли. Народ.

— Не ругаются? — спросил задумчиво отец.

-
- Они строят.
- Идиллий не бывает, — сказал отец.
- Ну жизнь, что поделаешь, — ответила дочь. — Бывает, дерутся. Папа, я немного занималась наукой превращений.
- Нельзя, — строго сказал отец.
- Дело уже сделано, — произнесла дочь, — я превратила в людей десять жуков, больших и маленьких, шесть муравьев и двух птиц. Я была обязана это сделать. Они остались на планете Хе.
- Какой, однако, хитрый этот Франсуа Мари Аруэ, — откликнулся отец.
- Ба все поняла, построила новый дворец для произведений Франсуа, куда пока что положила книгу с картинками. На картинках вылизывается розовая кошка, моргает печальный попугай, совещаются четыре жука и муравьи, отдуваясь, держат на весу сосновую иголку.
- Впрочем, Франсуа уже сочиняет что-то новенькое.

Принц с золотыми волосами

Жил-был принц с золотыми волосами, вернее, он родился-то лысым, как большинство детей, и никто не знал, что к году у него появятся золотые кудряшки.

А когда они появились, королевская семья была оскорблена: откуда у мальчика рыжие волосы?

Были исследованы все королевские хроники, все портреты царствующей семьи отца (мать не принималась во внимание, мать, молоденькая королева, происходила из далекого, за горами и морями, захудалого государства,

оттуда-то и почту не брали и туда не передавали, а королеву привезли, как водится, по портрету в виде самой красивой девушки мира, что, в конечном итоге, ни к чему хорошему не привело, об этом давно предупреждали все дамы королевства: руби сук, да по себе).

Короче, рыжих в роду не было, рыжим оказался только королевский гонец, который однажды привез с войны в подарок юной королеве полкило апельсинов от мужа, трофеей.

Гонец побыл во дворце один день и одну ночь, а потом снова отправился на войну, везя королю ответный дар жены — кошелек, сплетенный ею из собственных кудрей.

Этот рыжий гонец с войны так и не вернулся, то ли его убили, то ли что, а вот король благополучно пришел домой с поля боя довольно скоро после апельсинов, и сынок у него родился вроде бы вовремя — и вот теперь, когда мальчику исполнился ровно год и его вынесли к гостям по случаю дня рождения, выяснилось, что наследный принц — рыжий, как тот королевский гонец.

Короче, никто не стал ничего скрывать, дамы сказали свое слово, что черного кобеля не отмоешь добела, и к юной королеве явился новый гонец, теперь уже лысый, и он прочел ей какой-то документ с печатью.

А королева как раз кормила наследника престола и была так занята, что ничего не поняла, но ее вытолкали взащей вместе с ее пашенком и из дворца и из города, хорошо не казнили, сказали дамы.

Короля нигде не было видно, и молоденькая королева пошла от городских ворот куда глаза глядят, вернее, по направлению к горам — там, за горами, лежало море, а за морем находился город Н., где остались жить престарелые родители изгнанницы, король с королевой.

Спускался вечер, и в сумерках волосики маленького короля засветились чистым золотом, и при этом слабом освещении королева несла своего ребеночка все выше и выше в горы.

А когда она устала, то нашлась и пещера, где оказалось сухое сено, и там мать с сыном и заснули.

Ночью ей снились чудеса: то ли белки шмыгают вокруг, то ли зайцы, но она так устала, что не могла открыть глаз, а утром она, причесывая сына, обнаружила, что у принца была отрублена прядка волос, один локон, причем очень грубо, как бы ножом.

Королева, девушка умная в свои семнадцать лет, быстро смекнула, о чем идет речь, и сказала вслух:

— Если вы отрезали у моего сына три грамма золота, то по крайней мере дайте нам поесть!

Тут же из стены вывалился камень, и в образовавшейся дырке оказалась крошечная миска с горячим гороховым супом и в ней очень маленькая ложечка, как для соли.

Королева поблагодарила пещерных жителей, белок или зайчиков, за горячий суп, все съела сама, сына покормила молоком и отправилась дальше с ребенком через горные перевалы к морю.

Больше она не устраивалась спать в пещерах, предпочитала укладываться днем, а шла ночью, при свете золотых волос своего мальчика.

Она резонно опасалась, как бы неведомые жители не обрили налысо ее ребенка за мисочку супа.

Питалась королева ягодами и дикими грушами, которых много росло при дороге.

Когда они вышли к морю, был уже вечер.

Королева села на берегу, и они с принцем стали смотреть в синюю морскую даль и слушать рокот и плеск волн.

Королева рассказывала своему сыну о том, что там, на другом берегу, их ждут бабушка и дедушка, а мальчик весь светился от золотых волос, чем ближе к ночи, тем сильнее.

На этот свет приплыл рыбак на лодке.

Рыбак во все глаза смотрел на маленького сияющего ребенка и ничего не мог понять.

Он спросил у королевы, откуда они здесь, и королева ответила, что приходится ждать попутного корабля в город Н.

Рыбак предложил довести их на лодке до ближайшего города А., где есть все-таки пристань, и уж там можно

будет найти попутку, а то здесь сидеть все равно что ждать морковкина заговенья.

Королева согласилась, рыбак греб два часа, неотрывно глядя на ребенка, и уже в полночь, при свете золотых волос принца, мать с сыном были приведены в хижину рыбака и уложены спать на коврик в углу.

Утром рыбак убежал чуть свет и стал ломиться в полицейский участок, крича, что он нашел ребенка с сиянием вокруг головы и что надо немедленно его задержать вместе с матерью, а то будет как в прошлый раз, люди взбунтуются и решат, что пора всех судить последним судом.

Рыбак знал, что говорил, поскольку когда один пришлый человек соорудил себе крылья и взобрался на башню, чтобы полететь, жители города приняли его за ангела, возвещающего Страшный суд, и начали, не ожидая этого события, громко жаловаться на судей, полицейских и членов королевского совета и потом, плача и крестясь, поползли на коленях почему-то к городской управе.

Рыбак-то был среди бунтующих, кричал о своих бедняцких обидах и получил два года каторги, где перевоспитался, потому что его обещали в следующий раз живьем подвесить за шею.

Также рыбак подписался под обещаньем, чуть где появятся опять крылья, бежать в полицейский участок — что он и сделал.

Но тем временем мамаша рыбака, не подозревающая о его ночных приключениях (рыбак не рассказывал маме ничего, боясь ее болтливого языка), — эта мать увидела утром очень красивую девушку с рыжим младенцем, которые умывались у бочки во дворе, и немедленно выгнала их из дому, так как не хотела, чтобы сын женился на бабе с ребенком — известно, что не свой сын может вырасти бандитом, такие случаи бывали.

Она была мудрая.

У нее у самой сын вырос при постороннем папе и как результат посидел в тюрьме.

Короче, королева с принцем пришли рано утром на берег моря и там укрылись под скалой и целый день то спали, то мать купала мальчика, то они играли в песке, искали раковины; есть было нечего, однако вечером ребенок засветился с новой силой, и мать спрятала его под скалой, чтобы с берега было не видеть.

Однако с моря приплыла шлюпка с матросами, как на свет маяка, и к скале подошел бравый капитан в фуражке.

Он осведомился, чего здесь ждут эти милые люди, услышал, что они хотят попасть в город Н., и предложил свои услуги, то есть собственный корабль.

Разумеется, капитан этот уже знал про то, что здесь по всему городу целый день искали пришедшего наконец судью в виде ребенка, испускающего неземной свет.

И были подняты на ноги полиция, армия, авиация и морской флот, и именно капитан лично возглавил поиски со стороны моря.

Однако, увидев младенца и его мать, капитан решил пожалеть их и пока не выдавать; люди ведь гораздо умней, чем мы о них думаем, особенно когда речь идет о деньгах.

Капитан погрузил драгоценных пассажиров в шлюпку, предварительно посоветовав матери накрыть голову ребенка, имея в виду болтливость гребцов.

Затем пассажиры были помещены в хорошую каюту, к ним был приставлен матрос с пулеметом и слуга с горячим питанием, и после небольшого перехода корабль пришел в соседний город Б.

Тут капитан отправился при кортике и орденах на переговоры в передвижной цирк шапито, откуда к вечеру приехал вполне закрытый фургон для перевозки тигров, снабженный крепкой клеткой внутри.

И поздно вечером в сопровождении вооруженных до зубов матросов мамашу и ее рыженького в платочке на голове перевели по трапу в фургон и там заперли.

Королева ничего не поняла, но в темноте принц по своей привычке освещать все вокруг засиял, и обнаружилось сено в углу и большая миска с водой, а запах стоял как в свинарнике.

Королева села с ребеночком на сено, фургон тронулся, и началась какая-то дикая жизнь.

Сына с матерью в клетке поместили в слоновнике, туда им ставили миску с горячей похлебкой два раза в сутки, а вечером подтаскивали другую клетку в виде повозки, на королеву накидывали белую простынку, укрывавшую все ее лохмотья, а ребенка, наоборот, требовали раздеть догола — и в таком виде их транспортировали на повозке по коридору прямо в шапито, на арену, где музыка начинала играть как бы мессу (вступал аккордеон), королеве шепотом приказывали встать и нести (как бы) зрителям голого ребеночка, затем гас свет, и рыжий принц начинал по обыкновению лучиться светом, озаряя сиянием своих волос мать и часть повозки, и многие в публике начинали плакать и прижимать к себе своих детей.

Потом всю эту интермедию увозили до следующего вечера, а королева выполняла все, что ей приказывали: она понимала, что если сопротивляться, наймут другую мамашу, более способную играть эту роль.

Кормили ее ужасно, тем же, чем кормили обезьян в соседней клетке, но лучше, чем слона в углу: тот питался сеном.

Королева, однако, заставляла себя есть эти размоченные в воде корки и горячие капустные листья, потому что она кормила принца своим молоком, и надо было держаться.

Ребенок, кстати, подружился со всеми — и с обезьянами, и с попугаями, и даже с дальним слоном, и ночью в помещении было спокойно и радостно — из-за слабого сияния, исходящего от волос ребенка, звери и птицы выглядели здоровыми и упитанными.

Так же они выглядели и на арене, и цирк процветал.

Но в особенности он процветал из-за последнего аттракциона с королевой и принцем.

Между тем пришло время убраться вон из города, потому что слух о светящемся младенце распространился повсюду, и в цирк начали стекаться совсем не те зрители — они не обращали внимания на танцы обезьян

и шутки клоунов, не смеялись, не покупали мороженое, никому, идиоты, не хлопали, а только ждали момента, когда вывезут повозку с матерью и ребенком.

Тут они начинали тихо петь и плакать, а что это такое, когда тысяча человек тихо поет — это же волосы встают дыбом у администрации.

Были построения в стройную процессию на коленях с попыткой выползти прямо на арену.

Начались также частые осады слоновника с принесением под его стены больных и с криками «благослови!».

Полиция поставила своего человека, который скоро разбогател, разрешая некоторым целовать грязные доски стен слоновника.

Этот пост быстро стал постом номер один города, и полицейские по собственной инициативе сменяли друг друга каждые два часа, правда, эта смена караула происходила безо всякой помпы, потому что есть хочется всем и тут не до маршировки.

И когда цирк тронулся уезжать, были наняты лиловые береты с автоматами и броневик.

Директор и капитан корабля лично посетили слоновник и стали спрашивать мамашу рыжего ребенка, какие города она бы хотела посетить, кроме А. и Б.

И нет ли у нее знакомых и родственников, которые могли бы ей как-то помочь.

Королева быстро сообразила, о чем идет речь, и повела разговор как настоящая партизанка или разведчица.

Она охотно рассказала, что дальше начинается ее родина и в городах В., Г. и дальше по алфавиту у нее живут знакомые и друзья, а родственники просто везде, только в городе Н. никого не осталось: там только могилы, которые она и собиралась посетить, дедушкина и бабушкина.

Но очень хочется — теперь уже — оказаться среди родных и близких, они прекрасно знают и любят ее и ее сына, и у всех есть их фотокарточки и даже видеозаписи.

И цирк будет переполнен везде только за счет знакомых, будут большие сборы. Но в городе Н. она этого не гарантирует.

Тут капитан и директор как-то понимающе кивнули, даже не глядя друг на друга, как будто им в голову пришла одна и та же мысль.

Короче, через несколько дней на рассвете цирк снялся с насиженной стоянки, оставив после себя спящих у кассы (теперь запертой) паломников с котомками, затоптанную землю, ямы на месте столбов и груды мусора, — и броневик в окружении конных лиловых беретов и клеток со зверями, а также фургонов с артистами погрузился на корабль, чтобы отправиться напрямик в город Н.

Королеву там снова поместили в наспех сколоченный слоновник, но она уже знала, что находится в родном городе, потому, что когда их повели по трапу на берег, она, несмотря на накиннутую на голову простыню, умудрилась увидеть пляж под ногами с разноцветными камушками — агатами, аметистами и черным янтарем: такой пляж был только в ее родном и любимом городе Н.

Здесь жили ее старенькие сорокалетние родители, которые пролили много слез, когда заморский король, угрожая войной и разорением их цветущему государству, потребовал отдать в жены его сыну принцессу, поскольку о ней шел слух как о самой большой красавице мира, а чем обычно занимаются короли — они улучшают и улучшают свой род, стремясь, видимо, вывести особую породу самых красивых, самых умных и самых богатых собственных детей.

Правда, по справедливости надо сказать, что к этому стремится весь человеческий род, все семьи надеются на выведение особо ценной породы детей.

И вот у стареньких родителей — королей города Н. — как раз и вывелась такая дочка, и воинственные соседние короли решили, что раз им самим не везет (их сын родился слишком задумчивым), то надо снова и снова улучшать породу!

Что опять-таки не принесло счастья, родился почему-то вообще рыжий наследник.

Вот с такой историей замужества королева и вернулась в свой город Н.

Итак, наша пленная красавица сидела снова в клетке вся в лохмотьях и ела два раза в день корки и щи из капустных листьев.

А ребенок ее ласково сиял, разговаривая с попугаями и обезьянами на их языке, чем очень веселил уборщицу, женщину темную и неуклюжую: она смеялась, только если видела, как кто-то упал и разбил бутылку или (что еще лучше) корзину яиц, и еще она смеялась над дураками, к каковым причисляла и маленького принца: «Ну, малахольный, — говорила она, — чистая обезьяна».

Все жалованье этой несчастной уборщицы уходило на вино, а питалась она, отбирая лучшие куски из звериного корма и варя себе каждый день что-нибудь в котелке на костре.

Ворчала и ругалась она без передышки, и только при виде маленького принца она начинала смеяться, указывая на него пальцем, и даже иногда давала ему морковку или репку из своих запасов.

Причем главной мечтой уборщицы было перейти в тигрятник, в соседний сарай, уборщица которого ходила всегда домой с полной сумкой мяса, как подозревала слонятница.

Поэтому слоновская уборщица регулярно шастала к директору и жаловалась ему на воровство тигриной уборщицы, которая, однако, тоже была не промах и дружила с секретаршей директора, а эта секретарша любила своих детей тоже не хуже других и обязана была их тоже кормить мясом, мясом и мясом, как будто растила из них хищников.

Таковы были все эти закулисные интриги, и королева каждый день выслушивала уборщицыны крики и проклятия и искренне ее не любила, хотя та и рассказывала ей в свое оправдание истории о пропавшем муже, о том, как

она одна воспитывала троих детей, и теперь им всем надо носить в тюрьму передачи.

Королева, хоть не очень еще взрослая, но много страдавшая, не выносила воров, хотя и понимала, что те крадут, потому что ничего другого не умеют делать, не способны.

А потом у них рождаются дети.

И приходится красть еще и для детей.

И считается, что красть для детей — это святое.

Молоденькая королева решила составить план спасения.

Она понимала, что на арене цирка под белой простыней никто ее не узнает, тем более, что директор приказывал каждый вечер до белизны пудрить ее лицо мелом, а брови ей рисовать сажей, директор считал, что так и красивей и дешевле, такой грим.

Поэтому никто в мире, даже мать с отцом, не смог бы узнать принцессу в этом белом, с грубыми черными бровями, существе, похожем на привидение.

Надежда была только на единственного человека, который обслуживал королеву, на уборщицу.

Однажды уборщица получила от королевы такое предложение: заработать себе на всю жизнь, то есть кучу золота, если она согласится принести карандаш с бумажкой и потом опустит в почтовый ящик письмо.

Уборщица долго терзалась, даже пошла было к директору, но секретарша, как всегда, ее не допустила, и уборщица тогда решила: будь что будет.

Она купила на собственные деньги бумагу, карандаш и плюс конверт, все это просунула в клетку и к вечеру опустила письмо в почтовый ящик, а сама, проклиная все на свете, стала варить себе постные щи, предвкушая, как будет наказан директор, секретарша и тигрятница, дорвавшиеся к власти.

Однако результат оказался совершенно иной: во-первых, в цирк ворвалась королевская стража, мгновенно арестовала королеву с сыном, посадила их в фургон с надписью «Хлеб» и увезла в неизвестном направлении,

а уборщица по глупости стала кричать про истраченные на карандаш и бумагу денежки.

И королева с ребенком вместо королевского дворца были посажены в тюремный замок, в камеру без окна.

Во-вторых, уборщицу мгновенно выгнали с работы: ни одно доброе дело не остается безнаказанным, особенно если это доброе дело делается без удовольствия.

Тюремщик, к которому попала королева с сыном, по своей лени принес им обед только на второй день, да в первый день и не полагается, так как заключенные еще не состоят в списках на питание.

Тем не менее тюремщик, войдя с фонариком и котелком в камеру, был поражен: в этом каменном мешке было светло!

Тюремщик, поставив на пол котелок с супом, уставился на странную парочку — ладно еще девушка в белой простынке, худая и даже прозрачная, как привидение, это-то он видел неоднократно, — но вид золотой головы мальчика его просто потряс, тем более, что тюремщик был по обыкновению пьян.

— Не волнуйтесь, — сказала ему королева, — просто такое дело, у мальчика волосы из чистого золота. Если у вас есть с собой нож, давайте я отрежу вам на пробу один клочок волос, отнесите его ювелиру, и вам хорошо заплатят.

Тюремщик, даром что пьяный, не решился доверить этой белой, как мел, девушке нож, а сам, собственноручно, криво и грубо отрубил у ребенка большой локон, сунул его в карман и, шатаясь, убрался восвояси, не забыв запереть дверь.

Весь вечер он потом пил в кабаке, пропил все деньги, вырученные за золото, а наутро опять пошел на работу в тюрьму очень злой.

Войдя в камеру, он обрезал у ребенка с головы все его кудри, а поскольку мать начала кричать и плакать, он и у нее обрезал ее длинную косу, бросил косу на пол и с проклятиями стал уходить.

Проклятия его были такие:

— Думаешь, тебе долго осталось жить? Да завтра тебя и казнят. Вместе с пашенком. Внизу, в львиной яме. Думаешь, тебя посадили по ошибке? Нет! Тобой занимаются очень важные люди, сама герцогиня! Ее сын как раз троюродный племянник короля, он единственный наследник престола, а твои отец и мать больны, и они живут со скоростью год за один день, такие им дают лекарства, наш тюремный врач готовит, я все знаю. Завтра же вас обоих казнят, а чего пропадать золоту? Я бедный заочник, студент университета, вынужден работать как каторжный, чтобы меня не отчислили. Работаю за одну зарплату в наше время, это надо подумать! Проклятая жизнь! И никогда не пиши писем королям, эти письма читают не они!

— Да ты что, студент, — сказала королева, — ты соображаешь? Тебе же привалило богатства на всю жизнь! У мальчика на голове волосы из чистого золота, ты сам убедился!

— Ну ладно, мальчишку я не дам казнить, посажу его на цепь у себя в подполе, а вместо него возьму на улице первого попавшегося из коляски и выдам за твоего! Первый раз, что ли — ответил пьяный тюремщик.

— Так дело не пойдет, — ответила королева, — мой сын питается только материнским молоком, отсюда у него и золотые волосы. Ты это соображаешь, болван? Мы же короли!

— За болвана ответишь, — ответил тюремщик, качаясь в дверях. — Я и сам, придет время, буду королевским судьей, это я сейчас юрист-заочник. А то, что вы важные птицы, это правда, слухи о вас ползут по всему побережью, даже готовится восстание в вашу защиту якобы от лица страдающего народа, но за всем этим стоит один такой же как я заочник. И, может, вместо сына герцогини править будет этот лысый, они победят и ваши кости вынут из львиной ямы вместе с костями других и соорудят мемориал...

Тюремщик качался, размахивал руками, и вдруг фонарик выпал у него из руки и погас.

Стало совершенно темно.

Мальчик, если и светился, то очень слабо, как очень далекое и маленькое созвездие Млечного Пути.

Тюремщик стал шарить, искать фонарик на полу, побормотал, лег и вдруг громко захрапел.

Мама-королева схватила ребенка, на прощание взяла горсть золотых волос из кармана стражника и пошла по коридору, мимо брели или маршировали какие-то люди, но никто никого не замечал, часовые лежали и храпели, то ли это был праздник, то ли обычное дело в городе Н., где король с королевой уже не правили, а герцогиня с сыном еще не царствовали.

Ворота тюрьмы были приоткрыты, и королева вышла на площадь.

Стояла глубокая ночь.

Только в небе висела и светила маленькая, но очень яркая звезда, как лампочка на конце стрелы башенного крана.

Королева, разумеется, пошла к морю.

Звезда, как это водится, тронулась следом за ней. Звезды всегда провожают человека ночью, куда бы он ни шел.

По дороге они встретили маленькую процессию: два солдата, совершенно пьяных, вели в сторону тюрьмы мужчину и женщину.

Королева в свете звезды сразу узнала их: это вели ее родителей. Отец с матерью шли, как тени, худые и безмолвные, держась за руки.

Она решительно подошла к конвою и сказала:

— Ребята, хотите выпить?

Они остановились и замялись. Родители стояли, дрожа.

— Я вижу, вы хорошие ребята, — продолжала королева, — идите в кабак, а я пока покараулю.

— А деньги, — хрипло сказал один, а другой откашлялся.

— Деньги не проблема, — отвечала королева, — вот вам чистое золото, идите.

И она достала из рукава золотой локон.

Все кругом осветилось.

Или это звезда опустилась пониже.

Конвойные переглянулись, сплюнули, взяли золото и, спотыкаясь, побежали в кабак.

— Мама и папа, — сказала королева, — мама и папа, это я, ваша дочь. А это мой сынок. Я вернулась за вами. Пойдемте отсюда.

Разумеется, они пошли к морю, а звезда тронулась за ними.

Отец с матерью ничего не говорили, глаза их были широко открыты, но они шли как во сне.

Видимо, они были под властью тюремных лекарств.

На берегу моря королева постучалась в рыбацкий домик, сказала, что просится на ночь, а утром заплатит.

Зевающая тетка отвела их в сарай, на сено.

На рассвете королевич проснулся.

В сарае кучей лежали овцы, стояла корова, фыркал и жевал сено конь, бродили куры.

Маленький принц обратился к ним на языке, который он знал, на языке слонов, попугаев и обезьян, и все население сарая перестало жевать и ответило глубокими поклонами.

Молодая королева оставила сына разговаривать с животными, оставила спящих родителей (и во сне они держались за руки) и побежала в лавку менялы, продала там один золотой волосок за кучу мелких монет, купила хлеба, сыра и молока — какое счастье было в первый раз в жизни бегать по магазинчикам и знать, что сынок не один!

Еще никогда королева не была так свободна, как в это утро, так счастлива, всюду цвели розы, шумело море, это был ее родной город, родители и сынок имели пристанище, пусть сарай, но не слоновник, не тюрьму и не пещеру.

Королева уже забыла то время, когда у нее было сто комнат и пятьдесят слуг.

Когда она шла к своему новому убежищу, она увидела, что люди смотрят ей вслед, и поняла, что где-то висит объявление о побеге из тюрьмы и скоро, наверно, их всех схватят.

Поэтому она быстро купила еще корзину помидоров, яйца и яблоки, вернулась к себе в сарай, расплатилась с хозяйкой своими мелкими монетами, сказала, что они со дня на день ждут рыбацкую шлюпку, чтобы уехать и больше уже не выходила со двора.

Она кормила родителей, осторожно отпаивала их молоком, ее сын полюбил сидеть на коленях у бабушки, играл с его длинной бородой, отросшей за время лечения в больнице, — бабушка и бабушка ведь должны были там вскоре умереть, и им поэтому не давали ни еды, ни полотенца, ни бритвы для короля, ни расчески для королевы, а только лекарства.

А в городе происходил полный тарарам — партии боролись за королевский дворец, тюрьма стояла то настежь, то ее битком наполняли и запирали, и весь народ не работал, а добывал себе оружие и шатался в пьяном виде по улицам, иногда посылая автоматные очереди от живота и веером.

Это рассказывали королеве хозяева, которые были в ужасе, потому что везде гремели взрывы и в их домике уже вылетела пара стекол, а ведь могли явиться и забрать все — и корову, и лошадей!

Однажды хозяйка пришла в еще большем расстройстве и сообщила, что в городе считают, что настал конец света — днем и ночью на небе светит звезда, в одном и том же месте. Причем становится все ярче и ярче, как будто спускается.

По этому поводу произошли сильные волнения, священник вышел к толпе и прочел проповедь о Содоме и Гоморре и пророчил, что безобразия будут наказаны.

А молодая королева с семьей все сидела в хлеву или во дворе.

Родители помаленьку начали приходить в себя, но все еще молчали, не понимая, что с ними происходит.

В один прекрасный вечер хозяйка выскочила и стала говорить, что звезда снижается над самым их домом и скоро спалит все постройки.

И поэтому хозяйка просила своих постояльцев уйти, чтобы духу их не было, потому что тут что-то нечисто.

Молодая королева выпроводила родителей, вынесла ребенка и повела семью по берегу подальше от города и людей.

И она услышала крики.

Наверху, на высоком берегу, стояла небольшая толпа и смотрела в небо.

Королева тоже посмотрела и увидела прямо над собой яркую звездочку.

Королева с семьей шла вон из города — и звезда тронулась следом за ней и засияла так низко и так ярко, что песок заискрился и на море легла дорожка как от луны.

А наверху стояли и молчали люди.

Тут же в море осветился корабль, он сиял всеми своими огнями, и была спущена шлюпка, а в шлюпке кто-то стоял, пока остальные гребли.

Несчастливая королева вспомнила того капитана в фуражке, но сил убежать не было, да и некуда.

Шлюпка привезла на берег знаете кого?

Молодого короля, отца рыженького принца.

Король сразу взял сына на руки, встал на колени перед молодой королевой и сказал, что ему все равно, рыжий мальчик или зелененький, но это его сын и он его никому не отдаст.

Он сказал, что его буквально заперли в его комнатах, когда все решалось, а потом он искал жену и сына повсюду, пока не нашел однажды волшебника, который согласился помочь.

Волшебник сказал, что за это можно лишиться и королевства, но молодой король был на все готов, и тогда волшебник снял со своей волшебной палочки звезду и послал ее искать королеву, а следом за звездой поплыл на корабле и молодой король.

— Возможно, что я больше не властелин и у меня нет вообще ничего, только этот корабль, но прости меня! Твой кошелек я храню у сердца!

Так сказал молодой король, и королева простила его и поцеловала в щечку.

Они взошли в полном составе на шлюпку, и город Н. вскоре скрылся за горизонтом.

Надо ли говорить, что, разумеется, вся эта компания, приехав в королевство, не была даже допущена сойти на берег, власть давно переменялась, всем управляли уже новые молодые люди, быстрые, в кожаных куртках, и бывшие король с королевой были счастливы, что удалось уплыть и никого не арестовали.

В дальнейшем они много ходили по морям и даже основали свое собственное маленькое королевство, в котором единственным государем стал принц с золотыми волосами.

Просто они продали свою яхту и купили квартиру в зеленом районе, и коронация нового владыки произошла в детской, а корону дедушка склеил из картона и обтянул ее серебряной бумагой из-под шоколадки.

И серебряная бумажка засияла на рыжих волосах.

Верба-хлѣст

Жил-был один слуга.

И ничего плохого в таком звании нет, работа как работа.

Тем более что этот слуга был самым первым слугой в государстве, приближенным короля, и звали его Первый.

Король был, как все короли, обыкновенным человеком: явно не дурак, но и не академик.

Не урод, но и красивым его нельзя было назвать даже на параде при мундире, что делать!

Как говаривала его нянька: «Король лучше пня елового — уже хорошо».

Но вот Первый должен был быть умным, иначе как же править королевством!

И по стечению обстоятельств он был к тому же еще и красивым, да и добрым тоже.

Бывают такие совпадения.

Ну, и как слугам полагается, он отличался скромностью.

Словно бы специально выращивали.

И конечно, он многим поэтому не нравился.

И прежде всего он не нравился королеве, которая, как это и полагается, сама считала себя первым лицом в государстве, раз король рылом не вышел.

Королева была как в сказке, красотка на длинных ногах, ее и выбирали за красоту: в мыслях о потомстве.

(Между прочим, совершенно не учитывая при этом, что у нее было тяжелое детство, так как мамаша порола ее ивовым прутом в некоторых случаях, приговаривая: «Верба хлест, бей до слез». И мамаша выбила у девочки все — доброту, нежность, кротость, жалость и чувствительность. Осталось все остальное, что бывает у вредных, злорадных детей.)

Что у нее была за мамаша, неизвестно, дело происходило на другом конце света: может ее тоже колошматили.

Может, это была такая дикая семейка.

Короче говоря, королева была настоящая выдра, но все-таки красотка.

И на парадах и церемониях, открытых олимпиадах и теннисных состязаниях королева смотрелась великолепно рядом со своим замухрышкой супругом.

Вообще, говорили в публике, если кто и найдется под стать королеве, то это только Первый.

Прекрасная пара: зловещая королева и мягкий, великодушный слуга, и оба красавцы.

Народ с удовольствием смотрел по телевизору, как Первый благородно поддерживает нервную королеву под

локоток, подсаживая ее в карету, и тетки вздыхали, каждая представляя себя на месте королевы: собственно говоря, а что в ней такого?

Если любую тетку отволочь в косметический кабинет да в парикмахерскую, да на месяц на Багамские курорты, да кормить по науке, да сделать пластическую операцию в Бразилии — то ого-го еще, неизвестно кто кого!

То есть женщины не верили в природную красоту королевы, и правильно делали.

Если и ноги удлиняют, и носы убирают, и глаза вставляют, а волосы тем более, то вся остановка только за деньгами, девочки!

Так что народ не верил своей королеве, не переваривал Первого и дурно относился к дураку-королю, который из всех наук освоил только науку анекдота и даже записывал их все в амбарную книгу под номерами.

Кстати, королева так и не родила королю наследника, причем всё рассчитала правильно, а то бы не миновать этому несчастному ребенку (сыну упомянутых чудных родителей) тоже розги, моченой вербы, и мало какие могли бы быть последствия для не особенно умного народа данного государства.

Король же, поскольку он был не дурак, как мы уже говорили, то он пил, ел и гулял в свое удовольствие, и потому свою единственную королевскую обязанность — чтение речей по бумажке — он выполнить иногда был не в силах, то есть грамотно прочесть то, что ему написал Первый.

Вместо этого он вдруг оживлялся и рассказывал анекдот, и все вокруг смеялись как дети и были очень довольны, поскольку каждый чувствовал себя намного умнее короля.

Все ликовали и рассказывали друг другу теперь уже анекдоты про короля.

Ведь королей не выбирают, как не выбирают пап и мам — какие детки, такие у них и родители.

И государство благоденствовало.

А Первому доставалось от граждан за все промахи, и вообще его жизнь была не слишком радостная — он рано овдовел и теперь жил с двумя малыми детьми.

Хотя он тоже не унывал и много работал.

Во всяком случае, король ему не мешал, король был всеобщим любимцем за границей — он быстро забывал все, даже мелкие обиды, наносимые ему другими королями на совещаниях и конференциях.

В ответ он рассказывал очередной анекдот, и все вокруг заливались смехом.

Поэтому страна ни с кем не воевала.

Или это была заслуга мудрого Первого — кто там разберет.

После первой же рюмки король лез обниматься и целоваться — однако только не с королевой, только не с ней.

С супругой он виделся исключительно на парадах и церемониях, так как искренне ее боялся.

У нее были длинные острые ногти, большущие зубы и стальные от постоянных занятий спортом ноги.

Руки у нее тоже были длинные и сильные, и королева запросто побивала любого местного чемпиона по каратэ, да никто особенно и не сопротивлялся, ни женщины, ни тем более мужчины, еще чего.

Она даже любила заглядывать в клетку к одному опасному сумасшедшему, к злодею, который убил пять человек просто потому, что они в поздний час шли по улице, ночью надо спать, твердил он убивая, должен же быть порядок!

Таким образом этот человек решил воспитать народ, который шлялся у него под окнами и мешал отходу ко сну.

Его не казнили, добряк король был против смертной казни, или это его слуга Первый подложил ему на подпись такой указ, об отмене государственного убийства убийц.

Держали сумасшедшего злодея в особой клетке, просторной, со всеми удобствами.

Он там сам у себя убирал, держал все в идеальном порядке.

Единственно что: злодей сидел на цепи, чтобы охранники могли входить в клетку по разным делам — то ввернуть лампочку, то починить телевизор; а на крайний случай, если, к примеру, узник, обидевшись на плохое обслуживание или запах, допустим, чеснока (а также чего другого), не захотел бы порешить охрану одним ударом, цепь можно было укорачивать по желанию, держа заключенного на короткой привязи.

Клетка эта располагалась на самом верхнем этаже Дома скорби, в самом далеком коридоре.

Туда-то и любила заходить королева, обсуждая со злодеем разные передачи телевидения и вопросы воспитания народа.

Она восхищалась его твердостью и смелым характером, которому не было бы преград, если бы не клетка.

Сам Дом скорби ничем особенным не отличался, обыкновенная психушка с обыкновенными больными, несчастными людьми, которые считали себя кто Наполеоном, кто зернышком, а кто и будильником.

Была также целая палата лысых Лениных.

Королеву они все искренне смешили, но быстро надоела ей своими слезами, просьбами отпустить на волю и сумасшедшей ревностью (королева почему-то не любила, когда ее кто-нибудь любил, хотя она также не выносила, если кто-то не выносил ее самое, такая это была странная женщина).

А как раз Первый искренне, с первого взгляда, ненавидел королеву.

Он ее не боялся, но она ему сильно вредила после того как однажды на празднике в парке он отказался пойти с ней в известную беседку под названием «Грот Венеры».

Он отказался грубо и наотрез.

И удивленная королева через своих шпионов вычислила: он просто трус, ему, видимо, донесли, что в этом гроте нечисто.

Действительно, там иногда под утро приходилось убивать и сбрасывать трупы в речку, что же делать!

Кроме того, может быть, у него были сведения, что в этом гроте всегда заготовлена охалка моченых розг для порки под названием «Верба-хлѣст».

Королева не знала, что Первый просто брезговал ею, как иногда люди брезгуют пауками и гадюками.

Королева, получив отказ, кротко кивнула, но затем начала строить против Первого жуткие козни.

Кто-то даже заранее подпиливал ножки у его стула на торжественных обедах, которые транслировались по телевидению, чтобы он грохнулся на глазах у всех, и одну камеру специально ставили за его спиной.

Так бы было смешно!

И это прямо перед выборами.

Но у Первого была верная, преданная охрана, которая все видела, и как только этот стул бывал специально принесен, так же быстро он бывал и унесен.

То она посылала корзины тухлых яиц (собственноручно воспитанных в удушливом воздухе Грота Венеры) — специально расставлять их по маршруту следования машины Первого.

Вот стоит корзина с яйцами, никому не нужная, хозяина нет, а мимо едет нелюбимый населением Первый.

Все было сделано во имя народа, для блага народа, однако все до единой корзины с яйцами оказались украдены до нужного момента неизвестно кем.

А неизвестно кто — это и есть народ.

И никогда не угадать, что для него благо, а что нет.

— Вот бы, — говорила королева с тоской злодею в клетке, — вот бы начинить каждое тухлое яйцо взрывчаткой, вот бы они зажарили омлет у себя на кухне, кровавенькая бы вышла жареха!

Королева, правда, утешалась, представляя себе, какую вонючую яичницу приготовили себе похитители!

А насчет взрывчатки королева даже как-то не спала ночь, все придумывая способ фаршировки яиц порохом, однако поскольку королева в свое время училась из-под палки (из-под розги, посредством которой мать как раз хотела привить доченьке любовь к учебе) — то ничего

придумать она так и не смогла, двоечники не сильны в химии.

Но все это было еще безобидными шуточками.

Пришло время решительных действий, и королева постановила устроить вечер анекдотов.

Она объявила, что это будет подарок королю.

Все были обязаны рассказать по анекдоту, в том числе и Первый, который терпеть этого не мог.

А королю было сказано, что Первый слегка повредился в разуме и все толкует про какую-то «Вербу-хлест, бей до слез», а это выражение запрещено в государстве.

Специально для такого случая была вызвана выездная бригада психиатров, их для конспирации одели в черные халаты садовых рабочих и расставили по лужайке с лопатами и носилками — таков был приказ королевы.

Что касается Первого, то королева подошла к нему перед началом праздника и сказала, что король обожает один детский анекдот про вербу-хлест, но рассказывать ничего не придется, первые же слова «верба-хлест» вызовут у короля приступ хохота, и дело будет сделано.

Первый пожал плечами и ничего не ответил.

Наконец праздник начался.

Всем были розданы номера, и задача оказалась непростая — развеселить короля.

Но король уж в чем знал толк, так это в анекдотах.

Он помнил их все наизусть.

Придворные же, искусные дипломаты, строго воспитанные дамы, вышколенные аристократы, все как один выросшие в монастырях и закрытых частных школах, — все они, к сожалению, ничем особенным блеснуть не могли.

Они, конечно, знали каждый с юности по два-три анекдота, но совершенно неприличных — чем еще могут развлекаться дети в закрытых учебных заведениях!

А неприличных анекдотов король и сам знал сотни, и договорились, что вслух их произносить не будут, только назовут тему.

И пошло-поехало.

Один вызванный кричит:

— Я не к вам, я к вашему попугаю.

Король пожимает плечами:

— Было.

Второй вызванный говорит:

— Не мальчик, а кто?

Король улыбается:

— Помню, помню.

И настает очередь Первого.

А он молчит.

Королева тихо, склонившись к нему, спрашивает:

— Вы что? Вы забыли, что вы слуга? И, кстати, где сейчас ваши чудесные деточки? Я их так люблю! Они без охраны? О, это очень опасно! Они поехали смотреть рыбок в Океанариум? О, я им завидую.

Первый знал, что королева готовит ему какой-то злобный фокус, но не удалось выяснить, какой.

А вот теперь все стало ясно.

О том, что дети поехали в Океанариум, не знал никто, кроме воспитательницы и шофера.

Мало того, это решение было принято за полчаса до праздника анекдотов и в кухне, при звуке льющейся воды, то есть со всеми предосторожностями.

— О, — продолжала королева, — сейчас на дорогах так опасно! То и дело ездят эти кошмарные тяжелые грузовики с капустой! Ну, так где ваш анекдот?

Растерянный Первый молчал.

И все молчали.

Тишина повисла над лужайкой.

Замерли садовые рабочие с лопатами и носилками.

И тут в руке у королевы блеснул радиотелефон.

Она медленно набирала какой-то номер, выразительно глядя на Первого.

Первый с бьющимся сердцем произнес:

— Ну, верба-хлест.

— Что это такое? — робко спросил король.

— Что-то новенькое? — подхватила королева. — Как-как? Как называется?

— Верба-хлѣст.

— И в чем там дело? — испуганно спросил король.

Первый не знал, что отвечать.

Все ждали.

— Верба же хлѣст, — оглядываясь по сторонам, ища помощи, повторил Первый. — Знаете?

Никто не откликнулся.

Все как окоченели.

Все чувствовали, что происходит что-то ужасное.

Малейший намек на Грот Венеры карался сорока годами каторги, как злостная клевета, а уж что говорить о знаменитой на всю страну поговорке государыни «Верба-хлѣст, бей до слез», за это награждали «деревянной вдовой», виселицей.

И тут Первый слишком поздно заметил, что охраны его рядом нет, и что садовые рабочие торопливо снимают черные халаты, а под черными халатами у них белые.

Белые халаты окружили Первого.

— Ему плохо? — сказал король.

— Переработал, — мягко ответила королева.

— Перетруился, — зашелестели придворные.

— Скорая медицинская помощь, — провозгласил один белый халат, а другие подхватили носилки, на свет появились простыня, шприц, Первому закатали рукав, и укол был сделан в течение секунды.

Тем дело и кончилось.

Вскоре он равнодушно лежал на носилках под простыней, а его обезоруженная охрана уже была увезена на грузовике куда-то.

И карета «скорой помощи» тоже выехала из дворцового парка, а королева тут же представила собравшимся нового Первого по имени Второй.

Второй оказался симпатичным молодым человеком, ничем не примечательным, он служил в должности четвертого помощника посла в Панголине, и однажды сопровождал королеву в поездке по этой дикой стране в течение десяти дней и ночей — и там, видимо, и зарекомендовал себя.

Второй быстро освоил свою новую должность, подсаживал королеву в карету, сопровождал ее на вернисажи и концерты, носил королю на подпись указы, составленные королевой, в числе которых был и указ об отмене указа об отмене смертной казни.

Король, как и раньше, все подписывал, и никто не мешал ему пить и гулять, и он не мешал никому.

Только он почему-то больше не рассказывал анекдотов и с ужасом отстранялся от королевы, когда она приветствовала его на праздниках и казнях.

Теперь казни производились регулярно по воскресеньям, шла прямая телетрансляция, разыгрывались пари — помилюют преступника или не помилюют, и, говорят, королева, которая единственная знала об этом, загребала огромные выигрыши.

— Королева тоже хочет заработать, — говорили уважительно верноподданные.

Вручался также суперприз — и выигравший мог своей властью помиловать одного из осужденных.

То есть спутать карты королеве и дать выиграть кому-то безымянному.

Это было опасно, что вызывало жуткий азарт в целом государстве.

Все жили от воскресенья до воскресенья.

Народ наконец получил что хотел, не отлипая от телевизоров.

Королева со Вторым присутствовала и на других мероприятиях, среди которых особой пышностью выделялся выпускной вечер школы палачей, где каждому дипломнику была дана возможность отличиться тут же на прямом эфире в воскресенье, и юные палачи могли даже выбирать орудие труда — то ли виселицу, то ли гильотину, то ли плаху, а медалистам можно было показать себя в стрельбе по бегущей мишени.

Тюрьмы наконец опустели, преступников ловили как дичь, кривая правонарушений пошла круто вниз, и теперь даже за кражу куска хлеба или книги в библиотеке полагалось долго отпиливать руку или ногу или выкалывать

глаза по жеребьевке, кому что выпадет, и этот волнующий момент тоже транслировался по телевидению.

Короче, был наведен порядок.

Люди ликовали: наконец-то!

Но и порядочные граждане иногда оказывались героями воскресных телепередач — например, за наезд на пешехода полагалось повешение, и пешехода тоже казнили из чувства справедливости, если он оставался жив, а вот если нет — шоферу полагалась гильотина плюс предварительные пытки в подвале (ночная субботняя трансляция).

Мало того, всем инвалидам было предписано жить за городом в особых домах (для их же безопасности) — ибо, завидев однорукого или одноногого, а также слепого, кто угодно мог приволочь его на казнь, крича: «вор, вор» — так как на бывшего преступника можно было взвалить вину за кражу, никто и не проверял, даже платили премию и отдавали квартиру казненного тому, кто поймал.

Так что за инвалидами в случае нужды тоже охотились.

Народ заговорил о твердой руке.

А королева раз в неделю посещала свой любимый Дом скорби, оставалась в отдаленном помещении недолго и в прекрасном расположении духа ехала сразу же на площадь Казней, чтобы явиться перед камерами телевидения в лучшем виде.

Всюду при этом ее сопровождал Второй, молодой мужчина с приятной внешностью, немного капризный по виду.

А Первый все это время как раз и сидел в Доме скорби и сидел именно там, в отдаленном коридоре, в одной клетке со злодеем.

Так придумала королева.

И каждый раз она громко смеялась, видя, как тянется к Первому злодей, но цепь не пускает его на каких-то десять сантиметров, а сам Первый прикован к решетке за обе руки.

Первый стоял уже многие месяцы, ноги его распухли, и только когда злодей ненадолго засыпал, Первый мог хотя бы присесть на пол и тоже поспать — но злодея мучила бессонница, и Первому приходилось туго.

Королева каждый раз просто стонала от смеха, видя, как злодей натягивает тонкую цепочку и шарит в воздухе руками в десяти сантиметрах от рубашки Первого.

Иногда королева развлекалась по-другому: она давала послушать Первому голоса его плачущих детей по радиотелефону — дети тихо пищали и просили прощения у кого-то невидимого, маленький просил хлебушка, а потом раздавались удары и покорные рыдания.

Первый смотрел в пол, а королева радовалась как ребенок (вспомним ее детство) и говорила:

— Верба-хлѣст, а?

Но все на свете женятся, и однажды Второй сообщил королеве, что международная комиссия ООН решила послать инспекцию в разные страны, как там соблюдаются права человека в больницах и тюрьмах, не мучают ли людей.

А поскольку он, Второй, член этой комиссии — был грех, заставили вступить свои же из министерства, чтобы прощупать обстановку и быть в курсе дела, — то инспекция приедет и к ним в страну.

Королева чего не любила для себя лично, так это надсмотрщиков, учителей и всяких указаний — она этого не могла выносить еще со времен вербы.

Она сказала, что в свою собственную страну она никого не пустит, никого.

Второй скромно ответил, что тогда все поймут, что у них нарушаются права человека, и не пустят, в свою очередь, самое королеву с визитами в свои государства: все поездки доброй воли в богатые и цивилизованные страны отменяются!

В бедные можно, но там всюду как и тут, стрельба, очереди и в гостиницах тараканы.

— Прекрасно, — ответила королева, — пусть приезжают. Но только не на Вербовское шоссе!

(То есть в Дом скорби).

— Они как раз туда и едут, — возразил Второй скромно, — им кто-то настучал.

— Прекрасно, — опять сказала королева, — ты мне начинаешь ставить палки в колеса, а? Я люблю, когда меня не любят, но люблю какой-то странной, мучительной любовью. Ты схватываешь ситуацию?

— Схватываю, — отвечал побледневший Второй.

Короче, королева предложила сменить название учреждения на Вербовском шоссе и вместо «Дом скорби» назвать это дело «Школа драматического искусства», а для больных ввести звания «студент» и «выпускник» (выпускниками в шутку называли самых древних старичков и безнадежных больных) — что же касается санитаров, то они отныне именовались «педагоги по технике речи», а врачи носили звание «мастеров».

Буйное отделение имело отдельную вывеску «Курсы пластической импровизации».

В нищую психушку были временно свезены театральные костюмы с киностудии.

И когда королю и королеве были представлены члены комиссии ООН, все уже было готово.

Глуповатый король спросил:

— Как долго уважаемые пробудут в нашей стране?

Комиссия ответила, что они временем располагают.

Королева, в свою очередь, поинтересовалась:

— Уважаемые знают адреса учреждений?

— О да, — ответили ученые, разномастные, бородатые и лысые, в бейсбольных кепках, очках и майках, несолидные какие-то.

— А можно ознакомиться со списком? — спросила королева.

— О да, — сказала комиссия.

— А что это у вас за адрес, Вербовское шоссе! Там нет никакой больницы, там теперь школа драматического искусства.

— Ой, — воскликнул король, — а я и не слышал, надо же! Молодые актриски, а? Давно это у нас?

— Ты что, — с ненавистью улыбаясь, отвечала королева, — да ведь я кончала эту школу! Давным-давно, ты что!

— Прекрасно, — сказала комиссия, — мы изучаем также и учебные заведения, и тюрьмы, и детские сады, и казармы: всюду, где могут нарушаться права человека.

— Что вы, — сказала королева. — Какие там права! У нас с этим давно все в порядке.

— Итак, едем на Вербовское шоссе! — заключила комиссия.

— Я с вами, — улыбнулась королева.

— А у меня государственный вопрос, — сказал глупый король, держась за живот. — Я остаюсь.

Но комиссия не взяла королеву, поскольку у них был только экологически чистый транспорт, многоместный велосипед, на котором они ездили из страны в страну, ни от кого не завися; велосипед был снабжен также полевой кухней и балдахином от дождя.

И пока королева шла вдоль почетного караула, пока гремели залпы в ее честь и раскрывались ворота, пока начальник стражи рапортовал, а гвардейцы, держа равнение, расходились в стороны — короче говоря, пока шло без сучка без задоринки ежедневное провожание королевы за калитку (любое нарушение каралось расстрелом на месте при помощи взвода товарищей) — велосипедисты давно уже приехали в бывший Дом скорби на Вербовском шоссе.

Комиссия прошла мимо учебной аудитории, где сидели по койкам студенты, каждый в роли Наполеона, и, скандально пуская в ход кулаки и табуретки, обсуждали план действий под Ватерлоо — а педагог, кисло улыбаясь, раздавал всем очень большие витаминки.

Далее комиссия миновала комнату, где Ленин говорил речь, бегая по столу, а пятнадцать других Лениных лежали почему-то привязанные на кроватях и махали руками

и ногами, а педагог ловил бегающего Ленина и орал на студентов громким голосом, как и полагается режиссеру, но его никто не слушал, потому что все присутствующие тоже произносили речи кто какую хотел.

Далее следовали курсы пластической импровизации, где шел спектакль «Каторга» и все актеры были прикованы цепями к стене, разнообразно импровизируя позы страдания, а педагог по технике речи играл роль свирепого надсмотрщика настолько удачно и был так хорошо загримирован, что комиссия даже заплодировала — судите сами: на голове шерсть до бровей, носа нет, одни дырки, зато брови мощные, как руль у велосипеда.

И так далее, вплоть до загримированных рук (татуировка).

Когда королева прибыла, комиссия уже просила ключи у дежурного на верхнем этаже.

Королева поднялась туда в самый разгар скандала, слегка затуманилась, но потом разрешила открыть дверь.

При этом она сказала, что тут репетируется пьеса на двоих «Казнь».

Все уже загримированы.

Комиссия увидела почти настоящего средневекового палача за решеткой в полном обмундировании, который стоял на цепи с большим топором в руке, тоже явно настоящим, и глядел на свою жертву.

Правда, топор был прикреплен отдельной цепью к стене, так что палач был не в силах дотянуться до жертвы.

А осужденный в полосатой робе с мешком на голове держался обеими руками за решетку, будучи к ней же прикован за наручники.

Педагог, красный от волнения, сидел за столиком у графина с водой и репетировал.

— Очень жизненно, — сказала королева, — просто МХАТ имени Чехова.

— О да, — откликнулась хором разноперая комиссия.

— Ну, вы все посмотрели? — чудесно улыбнулась королева. — Поехали, а то у нас скоро главный обед. У вас у всех есть приглашение?

— О да, — завершила ее комиссия.

— Ну и пошли.

— Так-то оно так, — сказал председатель комиссии, по виду нищий студент, в кепке задом наперед и с болтающимися шнурками, — но вот тут нарушаются права актера. Почему ваш студент прикован к решетке? Глядите, у него руки отекли. Кстати, и ноги!

— Вы что, это грим, грим! — зашептала королева. — Это спецэффект!

— А зачем это он на цепи, ваш палач? Здесь резко нарушены права человека!

— Это театр! — воскликнула королева, — это режиссерская трактовка.

— Не верю! — завопил председатель комиссии. — Палач не может быть на цепи!

— Ой, ну перепутали студенты, — шутливо сказала королева, — ну простим им, они первокурсники. Я распорядюсь, им поставят двойки.

— Нет, надо его освободить, — заартачился нищий председатель комиссии. — Мы здесь для того, чтобы освобождать и снимать оковы.

И лицо его стало каким-то светлым.

«Тебе самому здесь место, псих», — злобно подумала королева, а вслух сказала:

— Ой, профессор ушел, а это ассистент, верно? Да нет у него ключей.

Председатель комиссии спросил педагога, сидящего у столика с графином и телефоном:

— Ключ есть?

Преподаватель вскочил, и у пояса его звякнула связка отмычек.

— Ну дай, дай им ключи, — резко сказала королева, а сама подумала: «Если даст, казню в воскресенье с субботней трансляцией в камере пыток».

— Ну, — ответил педагог, после чего, ни говоря ни слова, упал под стол, видимо, от волнения.

— Обморок, артистическая натура, никогда не видел иностранцев. — объяснила королева. И она обратилась к своему верному Второму:

— Снимите у него с пояса ключи, возьмите самый большой медный, и так и быть, отоприте клетку.

Когда приказ ее был исполнен, она сказала:

— Теперь возьмите самый маленький серебряный ключик и освободите палача. Замок у него на сапоге.

— Ну уж нет, — нервно сказал Второй, — Вот уж это ни за что.

— Запомним, — сказала королева приглушенным голосом. — Запишем в книгу Грота Венеры. В книгу уходов.

— Нет, нет, — повторил Второй, отступая от королевы.

— Ну хорошо, — сказала королева и протянула ключи председателю комиссии. — Вы можете сделать святое дело и освободить этого студента.

Председатель комиссии закричал действительно как псих:

— Послушайте, а вот тут еще хуже нарушаются права студентов! Во-первых, этот студент, который так хорошо играет жертву, что у него на руках раны, он ведь может задохнуться в мешке, и его надо освободить первым! Я сначала желаю освободить этого человека! Глядите, у него на шее ведь стянута веревка!

Тут стоящий у решетки студент в мешке на голове начал глухо мычать.

«Повешу предателя сразу же», — подумала королева. — «Он же обещал мне молчать под страхом гибели детей, подлец! Ему же специально заткнули для этого рот!»

А вслух она сказала как можно более мелодично:

— Кто-то больше никогда не увидит кого-то!

А председатель уже тянул свою тощую руку к ключам.

— А вот и нет, — ласково сказала королева, — первое слово дороже второго! Сначала вы освобождаете пала-

ча, а потом жертву, то есть что я! Сначала того студента, а потом этого.

— Нет! — твердо пролаял председатель комиссии, и вся комиссия дружно пролаяла «Нет!»

— Это я говорю здесь «Нет!» — завизжала королева и сразу стала похожа на свою собственную мамашу (все кричащие женщины, кстати, становятся похожи на своих матерей, так как стареют прямо на глазах).

Разумеется, королева хотела сначала освободить злодея с топором, чтобы он тут же и зарубил бы Первого.

— Какие все мужчины дураки упрямые, — бешено сказала она, выбирая ключ от цепи злодея. — Просто жуть какая-то.

И с этими словами она спокойно вошла внутрь клетки, а затем с ласковыми словами склонилась к сапогу злодея.

— Сейчас ты сделаешь то, о чем мечтал, — зашептала она. — Ты сможешь убить этого дурака, подойдешь и просто убьешь, отрубишь ему голову.

— Да, — сказал глухо злодей из-под капюшона и тут же, не ожидая освобождения, отрубил голову королеве.

— Она нарушила внутренний распорядок, — объяснил злодей ахнувшей комиссии. — У нас сейчас мертвый час.

Затем он горделиво выпрямился и сказал:

— Прошу следующего.

Крича что-то неразборчивое, председатель и его комиссия толпились у открытой двери клетки.

А бледный Второй сказал злодею:

— По внутреннему распорядку не полагается наличие посторонних убитых в камере и ключей на полу. Вы нарушили правила поведения, вас накажут, не дадут вам вечером конфетку.

Тут злодей зарыдал и, утирая сопли, стал канючить:

— Она сама вперлась, кто ее просил! Я не виноват! Мы отдыхали с товарищем после обеда, а она сюда втюрилась!

— Если вы перебросите нам ключи, конфетку вам дадут. Если нет, вам не видать больше вечерней конфетки, я об этом позабочусь!

— Натe, подлецы! — завизжал злодей, — получите ваши ключи! Конфетку пожалели!

И он швырнул ключи Второму.

Ловкий Второй, не входя в клетку, освободил Первого и потянул его к двери под пристальным взглядом злодея, натянувшего цепь в десяти сантиметрах от своей жертвы.

Комиссия, волоча ослабевшего Первого, погрузила его в королевский лимузин, оставив Школу драматического искусства доигрывать свои спектакли.

Второй дал шоферу адрес, и странный караван, состоящий из лимузина в сопровождении эскорта мотоциклов и многоместного скрипучего велосипеда с бултыхающимся балдахинoм, под вой сирены и бешеный лай больничных собак, среди полной паники полицейских, по очистившейся внезапно улице помчался туда, куда сказал Второй.

И там оказался специальный детский комбинат (тюрьма-ясли-сад), и ликующая комиссия всех освободила, то есть бледных, худых детей вывели, вынесли на руках, а не менее бледная, но жирная охрана испуганно слушалась любого слова Второго.

И Первый взял на руки сразу трех, двух своих и третьего кто подвернулся.

Был общий праздник, и народ охотно принял в нем участие, Первому всюду аплодировали, король со слезами на глазах (все-таки освободился от королевы) обнял и расцеловал Первого и тут же назначил его опять Первым.

Был подписан ряд указов — о ликвидации Грота Венеры, Школы драматического искусства, субботних и воскресных воспитательно-зрелищных передач «Спи спокойно» и всех казней, а также специальных детских тюрем.

Мало того, вышел особый указ о неприменении к детям физических наказаний.

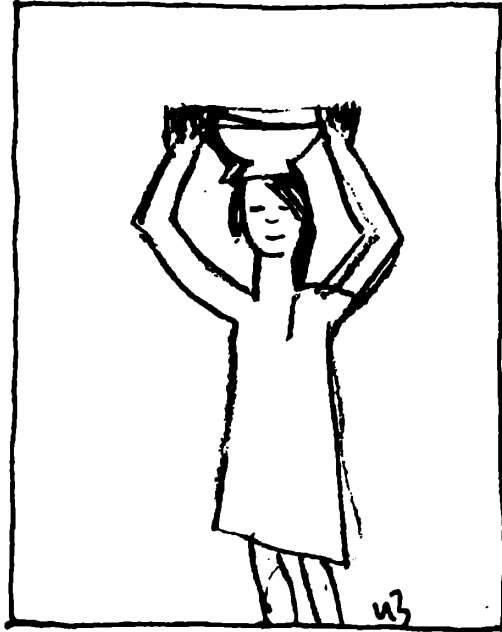
По последнему вопросу некоторые в народе остались несогласны, но появившееся вскоре жизнеописание королевы многое должно было объяснить читателям.

Что касается Второго, то его простили и опять послали четвертым советником в государство Панголин.

А Первый все так же добр, но одного он не разрешает королю: жениться.

Да тот и не особенно хочет.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛЮДЕЙ

Лечение Василия

Великан Василий никогда в жизни не лечился у докторов и очень хотел узнать, как это делается. Наконец он набрался храбрости и пришел к врачу.

— На что жалуетесь? — спросил врач.

— Я никогда ни на кого не жалуюсь, — ответил Василий. — Я не ябеда.

— Вы меня не так поняли, — сказал доктор. — Мне жалуются обычно, что болит голова, или живот, или рука, или нога.

— А локоть можно? — спросил Василий.

— Можно и локоть, — ответил доктор.

— Правда, он у меня болел давно — сто лет назад, — сказал Василий.

— Сейчас посмотрим, — сказал доктор, сел в «скорую помощь» и поехал вверх по руке Василия. Он долго ехал вверх по непроходимому лесу и наконец доехал до большой горы.

— Вот тут у меня болело когда-то, — сказал Василий и показал на гору, — самый локоть.

Доктор вышел из машины и принялся гулять по горе. Иногда он нагибался и хмурил брови. Наконец он топнул ногой и спросил:

— Так больно?

Василий ответил, что с первого раза трудно определить.

Тогда доктор подпрыгнул и топнул обеими ногами.

Василий сказал:

— Вот когда ваша машина по мне ехала, мне было щекотно.

Доктор сказал:

— Мне кажется, у вас с этим локтем что-то не в порядке. Когда я подпрыгнул, там внутри что-то затрещало.

Василий ответил на это, что сто лет назад он был еще ребенком и не помнит, как все произошло, но точно помнит, что локоть болел.

— Что ж, — сказал врач, — будем исследовать.

Василий получил направление на рентген, но никакой рентген не мог просветить насквозь локоть Василия — все время получался почему-то снимок дома с трубой.

Врач долго рассматривал последний снимок локтя Василия и наконец сказал:

— На снимке должна быть локтевая кость. А у вас тут на снимке дом с трубой и еще ведро. Причем на прошлом снимке ведро было далеко от дома, а на этом снимке ведро просматривается в доме. Не можем же мы лечить дом с трубой!

Василий сказал:

— Ну пожалуйста, полечите! Мне так хочется! Вылечите мне дом с трубой.

Доктор ответил:

— Хорошо. Но здесь без операции не обойтись. Будем вас готовить к операции.

На следующий день на гору был отправлен грузовик с ватой и сорок санитаров, чтобы очистить место операции. Санитары сначала осторожно протирали ватками место операции, но гора оставалась все такой же грязной. Санитары стали жаловаться, что эта работа — все равно что протирать ваткой картофельное поле, и вскоре ушли.

На второй день вместо санитаров на гору прибыли садовые рабочие с лопатами. Они целый день копали землю, развели ужасную грязь, но места операции не очистили.

На третий день туда взобрались экскаваторы и работали до тех пор, пока один из экскаваторов не откопал ведро. Но ведро было не одно, за его ручку крепко держалась какая-то старушка, которую экскаватор тоже вырыл из земли.

Старушка очень рассердилась, что с ней так обращаются и отнимают у нее ведро. Но затем старушка успокоилась и сказала, что она пещерный житель и что у нее есть дедушка — тоже пещерный житель и что у них в пещере стоит дом и есть сад и колодец.

Врач, когда все это услышал, схватился за голову и сказал Василию:

— Что же это я такое слышу, а?

Василий заплакал от стыда и сознался, что вспомнил, что действительно сто лет назад катался по траве и задел локтем какую-то деревню, и этот дом с трубой мог прилипнуть к локтю, и жителям этого дома пришлось тоже прилипнуть.

— Да нет, — сказал доктор, — что же это такое я слышу, а? Ты когда в последний раз мыл локти?

Василий тогда еще пуше застыдился и стал вытирать слезы рукой, и экскаваторы чуть не забуксовали на обратном пути.

И Василию назначили не такое лечение, которое бывает с бинтами и лекарствами, а такое, которое бывает с мылом и мочалкой.

Гирлянда птичек

У одной девочки не было новогодней елки. А она так мечтала о елке и гирлянде птичек на ней. Она жила совсем одна, отец и мать ее сидели в тюрьме, а дедушка с бабушкой были заняты только тем, что писали жалобы в газеты. Отца с матерью у девочки посадили за то, что они подрались в своей машине и на ходу задавили очень дорогого лося со студии «Союзмультфильм». Отец с матерью работали мясниками: он — в магазине «Подарки», она — в магазине «Овощи-фрукты». И еще их посадили за то, что мама папе повредила череп, а папа маме сделал дырку пониже глаза, и они друг друга не простили, и каждый подал на другого в суд.

Таким образом, девочка осталась одна и пошла за елкой в городской парк. Там она выворотила с корнем елку и понесла домой, а когда милиционер засвистел, елка случайно задела его корнем, и милиционер долго утирался платком, потому что его засыпало землей.

Дома девочка принесла в комнату ванну с водой, поставила туда елку, а вот игрушек в доме не было ни одной, потому что на прошлый Новый год папа с мамой во время драки перебили все стеклянные игрушки, а бумажные сгорели сами собой.

Тогда девочка достала из холодильника пятнадцать кур, прошила их крепкой веревкой и повесила эту гирлянду птичек на елку. В курах у них в доме недостатка не было, потому что девочка ночью воровала свиней по огородам, бывало, схватит свинью и протаскает ее под забором. Бабушка продавала свиней на рынке, а на вырученные деньги покупала что душе угодно.

Таким образом у девочки оказалась елка с гирляндой птичек, а тут и папа с мамой вернулись домой.

Там, в тюрьме, они простили друг друга, и под Новый год в доме было все: и пожар, и драка, и битая посуда. Только гирлянда птичек держалась и колыхалась в воздухе как живая, как будто битые куры собрались в перелет.

Человек

Жил-был один человек, и все над ним смеялись.

Идет он по улице, а на него показывают пальцами и хохочут.

Войдет в магазин — продавщицы от смеха путают гири, а кассиры слабеют, надрывая животики, и забывают давать сдачу.

И грузчики перестают носить товары, а с хохотом продают их каким-то посторонним людям.

Войдет он в столовую — у поваров начинается веселье, пригорает каша и в компот забывают класть сахар, а в котлеты мясо!

Не говоря о том, что кухню тут же закрывают на обед и смеются в свое удовольствие за закрытыми дверями.

Короче, наш человек все время оставался голодным.

Тогда он решил, что переоденется, и в новом виде его никто не узнает.

Сказано — сделано: он тут же снял с правой ноги ведро, а с левой консервную банку из-под селедки атлантической.

Затем он стащил с головы калошу, потом вынул изо рта шарф (которым был обмотан у него больной зуб), после чего из одной ноздри достал ключ от входной двери, а из другой запасную зубную щетку, с правой

руки этот человек стащил велосипедное колесо, а с левой — валенок, из валенка достал чулок, из чулка шляпу, из шляпы спичечный коробок, из коробка выгреб все деньги, которые он там хранил, и тут же, не откладывая дела в долгий ящик, этот человек надел свой лучший костюм, пошел в магазин, купил себе картошки и наконец пообедал как человек, только картошку не догадался сварить.

Дядя Ну и тетя Ох

Жили-были дядя Ну и тетя Ох. Тетя Ох всегда говорила «Ох», а дядя Ну говорил только «Ну». Бывало, придет к ним почтальон и скажет: вам телеграмма! А тетя Ох вскрикнет: »Ох«, а дядя Ну скажет только: «Ну!»

Повадились ходить к ним соседи. Сначала одна соседка пришла к ним за солью, говорит: «Дайте-ка мне соли». Тетя Ох сказала: «Ох» — и отдала всю соль. Соседка сказала: «Это все мне!» А дядя Ну ответил: «Ну». Тогда соседка взяла у них сахар, и какао, и пачку муки. Другой сосед пришел и взял рояль, еще один пришел и сказал: «Дайте-ка мне вашу картину», а третья соседка забрала стол и стулья на дачу. А тетя Ох каждый раз говорила только: «Ох», а дядя Ну отвечал: «Ну».

Дошло дело до того, что в их квартире поселились люди: в одной комнате мужчина с овчаркой, а в другой две глухие старушки и трое неразлучных друзей. На кухне же шла настоящая война: там постоянно жили разные гости глухих старушек и троих неразлучных друзей. Кончилось тем, что дядя Ну и тетя Ох стали жить в ванной, отгородившись

непромокаемой занавеской, и когда к ним хотели влезть, то тетя Ох говорила: «Ох» — и включала горячую воду, а дядя Ну говорил: «Ну» — и поливал из душа изнутри занавеску. Шел пар, все погружалось в туман, и их оставляли в покое.

Но тут из далекого города приехала племянница Ох и Ну, которая сказала: «Еще чего» — и выгнала сначала овчарку, потом ее хозяина, троих неразлучных друзей, двух глухих старушек и еще из кухни пятнадцать человек, шестерых кошек и всех голубей, которые жили под потолком.

Все они очень быстро ушли, племянница прибралась, все помыла, вернула рояль, картину, посуду, стол и стулья с чужой дачи, зеркало с подзеркальником и чехословацкую люстру и решила выйти замуж. Она посадила за стол дядю Ну и тетю Ох, напекла пирожков и пригласила жениха. Жених вошел, сел и сказал: «Разрешите познакомиться», а тетя Ох сказала в ответ: «Ох». «Я вам что, не нравлюсь?» — спросил жених. «Ну», — ответил дядя Ну. Жених хлопнул дверью и ушел. Племянница тогда заплакала и уехала к себе домой. Тут же вернулись все постояльцы, и их даже стало больше за счет трех новых кошек и одной посторонней красавицы, которая поселилась в прихожей перед зеркалом. Дядя Ну и тетя Ох не успели занять свою ванну и переселились на балкон, где сидели, накрывшись непромокаемой занавеской в обществе голубей и воробьев.

Однажды пришел прежний жених племянницы, постучал в балконную дверь и вошел к ним на балкон и сел под непромокаемую занавеску. «Наверное, я был не прав», — сказал жених, а дядя Ну сказал: «Ну». «Вы не знаете, где ваша племянница?» — спросил жених, и тетя Ох сказала: «Ох».

Тут же вернулась племянница, выгнала всех, а красавице перед зеркалом сказала: «Еще чего!», и сыграли веселую свадьбу. Несколько раз приходили соседи —

кто за роялем, потому что дочь учится петь, кто за стульями, потому что сын работает на вокзале и очень устает, кто за посудой, потому что старая посуда вчера вся упала. Но племянница говорит: »Еще чего!», дядя Ну и тятя Ох молчат и держатся за свою непромокаемую занавеску.

Сказка про веник и палку

Одна девочка была такая веселая!

Такая веселая, боевая, жизнерадостная, сильная, ловкая, смелая, много гуляла, скакала и прыгала, кричала, смеялась, проявляла свою силу и ловкость!

И эта девочка никак не хотела уходить с улицы, так любила играть и гулять.

Мама с папой ее звали, приглашали, возвращали, но она снова убегала.

Она была вольная и свободная девочка, сильная и смелая.

Все дело в том, что ее папа с мамой часто бывали заняты и оставляли ее то друзьям, то соседям, то бабушкам, вот она и привыкла обходиться одна.

Она лучше всех бегала и прыгала, лучше всех дралась, кричала и кусалась, лучше всех плясала, пела и дразнила.

Дети во дворе ее очень любили.

А папа с мамой ее тоже любили, но они то должны были работать, то им было некогда, то они уходили в гости, то по делам.

Но все-таки они на ночь возвращались домой.

И каждый раз их дочь не желала ложиться спать: бегала от них, кричала и кривлялась, никак не хотела

засыпать и все рвалась во двор, хотя там уже никого не было.

И вот однажды родителям надоела эта комедия, они расстроились и сбежали поздно вечером куда глаза глядят.

А девочка все прыгала, играла и бегала во дворе до темноты, качалась на качелях, кидалась песком, кричала и пела, пока все дети не ушли по домам.

А когда все разошлись, она стала еще сильнее кричать и смеяться, качалась еще выше на качелях, буквально обсыпалась песком и лазила по деревьям.

Но никто ее не останавливал, не просил сойти с качелей, чтобы другие покачались, не делал ей замечаний насчет хулиганства, не ругал ее за драки и крики.

Тем более что и родители за ней не гонялись, как обычно, и не приманивали ее шоколадкой.

И девочке стало скучно.

Она тогда начала ходить по подъездам и звонить в звонки.

В одном месте ей открыла заспанная бабушка вся в белом и с длинной косичкой.

Она просто замахала на девочку руками и зашипела: «Тише! Тише! Все спят!»

А девочка спросила, как обычно, не выйдет ли Таня гулять.

— Нет, — шепотом закричала удивленная бабушка, — она спит!

В другом месте ей открыл дверь дядя в трусах. Он тер глаза, и на вопрос: «Выйдет ли Миша на улицу?», ответил, что кого-то надо сдать в милицию, чтобы не ходили тут, не будили народ.

Тогда девочке стало совсем скучно, она вышла во двор, стала громко петь и кидаться кирпичами, поглядывая на свои окна.

Она все думала, что папа и мама уже вернулись, но не тут-то было.

Один кирпич угодил в чье-то окно, и стекло разбилось.

Кто-то там, за окном, глухо закричал, а девочка пожалала плечами, вздохнула и поплелась домой.

Она позвонила в свою дверь, но ей никто не открыл.

Родителей-то не было!

А тем временем кто-то внизу ворвался в подъезд и стал с руганью вызывать лифт, крича и угрожая.

Девочка опять вздохнула, пожалала плечами, сняла с шеи шнурок с ключом и открыла свою дверь, а в это время уже пришел лифт с каким-то седоком.

Только девочка хлопнула своей дверью, как этот кто-то стал стучать и звонить в ее дверь.

Кто-то кричал, что окно разбито, что ночь холодная, и где взять стекольщика ночью, и воры влезут, и где купить стекло, и что это за хулиганство.

А девочка послушала-послушала под дверью, а потом ей надоело, она и пошла в ванную и там исполнила свою давнишнюю мечту.

Она заткнула ванну пробкой и стала напускать туда воду, а потом в эту воду налила весь шампунь, который был в доме, и пустила плавать стаканчик с зубными щетками, затем положила туда же папину шляпу и мамины туфли, чтобы их постирать, кастрюлю с гречневой кашей, чтобы ее помыть, но кастрюля тут же захлебнулась и пошла ко дну.

Потом маленькая хозяйка положила в ванну несколько своих не очень чистых учебников (они тоже потонули), а затем она вылила туда же мамины французские духи.

Ванна получилась ароматная, но мутная, все дело портила гречневая каша, которая плавала повсюду и заполнила папину шляпу и мамины туфли, так что они вскоре скрылись под водой.

Тогда девочка бросила в ванну половую тряпку, чтобы она отмокла в шампунь и тоже стала душистая, а затем ей эта работа по хозяйству надоела, и она пошла на кухню.

Там хозяйюшка поставила на огонь сковородку и положила туда два куска хлеба, решив приготовить себе ужин.

Кот, который тоже пришел на кухню, стал мяукать и тереться щеками о ноги девочки.

Она тогда открыла холодильник, увидела там жареную курицу и бросила всю курицу коту.

В дверь же тем временем все стучали и стучали.

Девочка пошла на балкон и стала смотреть вниз, не вышел ли кто из ребят погулять.

Но было темно.

Никто не вышел гулять, наоборот, все попрятались по кроватям.

Девочка тогда взяла с подоконника горшок с цветком, подумала и бросила его с балкона.

Горшок упал и со страшным стуком раскололся.

Но никто так и не проснулся.

Тогда она взяла второй горшок и тоже саданула его с балкона.

Так она переколотила все горшки и остановилась, ища еще чего-нибудь.

Тут она вспомнила про вазу с цветами, которая стояла в комнате.

Она пошла за вазой, надеясь грянуть ее с балкона с еще большим треском, и заметила, что в комнате почему-то мокро.

Вода буквально хлюпала под ногами.

Девочка тогда начала бегать в домашних тапочках прямо по воде.

А потом она села в эту воду, теплую и мутную, пахнущую французскими духами, и начала хлопать ладонями по воде, поднимая тучу брызг до самого потолка, и забрызгала потолок чем-то похожим на гречневую кашу.

И обои тоже оказались все в брызгах пены!

Девочка хохотала очень громко и радостно кричала «море, море», надеясь разбудить всех детей, чтобы они посмотрели на пену,

Но в дверь уже стучали очень сильно, и наконец дверь треснула и упала.

Куча людей побежала в ванную, а потом они выбежали оттуда и все помчались на кухню, откуда валил густой дым.

Потом они выбежали оттуда, поднимая тучу брызг, и впереди всех мчался кот с остатком курицы в зубах.

Все эти люди искали, очевидно, папу с мамой — но как раз их-то не было.

А девочка сидела в большой комнате в воде, пела и хлопала ладонями по волнам.

И наконец все столпились вокруг нее.

И одна старушка-соседка сказала:

— Видно, это прилетела ведьма на метле и заколдовала девочку. Но не беспокойтесь, я тоже умею расколдовывать. Надо взять такую же метлу, а можно просто веник или на худой конец палку. И знайте, что у детей есть такое специальное место ниже спины вот настолько (старушка показала пальцами не очень большое расстояние). И надо взять метлу, веник или даже просто палку, не важно. И хорошенько выколотить злое волшебство из этого заколдованного места.

— Я тебе как дам, — сказала девочка. — Я у нас в классе всех мальчишек побиваю.

Тут она горько заплакала и сразу заснула тут же, сидя в луже.

Все замолчали и стали собирать тряпками воду с пола.

Когда работа была закончена, то выбитую входную дверь аккуратно приставили к стене и ушли.

Старушка передела девочку в сухое, потом, кряхтя (первоклассники тоже бывают тяжеленькие), уложила ее в кровать — а сама удалилась.

Утром девочка проснулась, встала, решила в школу не ходить и полезла в холодильник.

Увидев колбасу, она отдала ее всю коту, сама съела кусок хлеба и запила водой из-под крана.

Дверь в квартиру так и стояла прислоненная к стене, и девочка хотела сразу же идти гулять во двор, но призадумалась, вспомнив вчерашних людей у себя в квартире и пока что никуда не пошла.

Однако к ней сразу же явилась вчерашняя старушка с кастрюлочкой в руках.

— Бабушка, — закричала девочка, — ты больше ко мне не ходи! Я не люблю всякие там разговоры про веники и палки!

— Как же не ходи, — возразила бабушка, — когда я вот взяла и вошла: двери-то нет! Входи кто пожелает. Родители твои сбежали от тебя, небось?

— А я тебя не пушу, — сказала девочка.

— Как непустишь? — воскликнула старушка. — Когда я уже тут. Ну, а где папа с мамой? — спросила она у девочки.

— Не знаю, — ответила девочка, а сама на всякий случай, для защиты, руки держала позади — а вдруг старушка действительно схватит веник?

— Я тебе тут кашки принесла, — сказала бабушка. — Будешь кашу?

— Я не ем каш, — воскликнула девочка. — А как приставить дверь обратно?

— О, это непросто. надо вызвать плотника. Давай я позвоню.

Старушка позвонила по телефону, и через несколько часов дверь починили.

Однако старушка не ушла.

Девочка просто не знала как ее выкурить из квартиры.

Старушка убиралась, мыла все подряд, сварила картошки, но девочка есть не захотела.

— Ты что, здесь поселилась? — спросила она старушку.

— Да вот, размышляю об этом, — откликнулась та с кухни.

— А где мои папа с мамой? — со слезами спросила девочка. — Они что, пропали? Я их больше не увижу?

И она задала такого реву, что старушка испугалась и позвонила в милицию.

И к вечеру милиционеры привезли в машине связанных папу и маму, которые упирались и ни за что не хотели входить в квартиру.

— Мама, папа, — кричала девочка, обливаясь слезами, — не бойтесь, заходите, я больше никогда не буду так делать! Простите меня! Не уходите больше никогда!

Мама и папа мрачно смотрели в пол и не отвечали.

Милиционеры их развязали и удалились вместе со старушкой.

К утру вся семья проснулась в одной кровати — девочка ни за что не хотела отходить от родителей ни на шаг.

С большим трудом мать с отцом отвели ее в школу и уговорили остаться с учительницей.

Девочка взяла с родителей обещание прийти за ней точно в двенадцать.

И с тех пор она боялась даже выходить во двор — все стерегла, чтобы папа с мамой не сбежали.

И отпускала их только на работу, а в магазин и в гости ходила с ними вместе.

И папа с мамой, как ни странно, были теперь довольны.

Гусь

Один молодой человек — большой неудачник и к тому же по имени Гусь — опоздал на последний сеанс в кино. А все дело в том, что ему сказали, что это не только последний сеанс в нынешний день, но и вообще последний сеанс — после него закрывают кинотеатр. И не только этот кинотеатр, но и вообще все кино в мире. Так что это был по-настоящему последний сеанс.

Гусь долго собирался на этот сеанс и как всегда опоздал. Все уже было закрыто, над витринами и входом погашены огни. Уже были убраны фотографии, снята доска с назва-

нием фильма, так что Гусь даже не узнал, на какой фильм он опоздал.

Гусь постоял перед закрытой дверью и уже решил уходить, как вдруг увидел двоих в длинных серых пальто. Он обратил внимание только на то, что пальто у этих двоих были до земли и даже длиннее. Гусь подумал и подошел к ним. Он хотел спросить, как все-таки называется этот последний в мире фильм, на который он опоздал. Однако в последний момент Гусь застеснялся и подумал, что нехорошо подходить к двоим незнакомым и как ни в чем не бывало задавать им вопрос: «Как называется кино, на которое я опоздал?» Поэтому Гусь решил для начала спросить у тех двоих, нет ли у них лишнего билетика.

Те двое повернули к нему головы и сказали:

— У нас есть один билет. Однако он очень плохой — на самое последнее место.

Гусь пошутил:

— Если это последний сеанс, последний кинофильм и последний человек, который пойдет в кино, то пусть уж ему достанется и самое последнее место.

Гусь вообще привык, что ему страшно не везет, и поэтому, получив билет даже обрадовался.

Он постучался в дверь, ему открыли, и в полной темноте Гусь пошел отыскивать свое последнее место. Он шел и шел, шел и шел, и поскольку ему хотелось поскорее добраться до своего последнего места, то он даже не оглядывался и не видел, что делалось на экране.

Наконец, после долгого пути Гусь оказался около последнего места. Гусь сел, снял шарф с шеи и стал смотреть вперед. Оказалось, что он сидит действительно на очень неудобном месте. Экран с того места, где сидел Гусь, казался таким крошечным, что на нем нельзя было ничего рассмотреть. Гусь к тому же ничего не слышал.

Однако Гусь смирился с этим, потому что ведь ему продали билет на самое последнее место, так что нечего было удивляться, что он ничего не видел и не слышал.

Однако, когда его глаза привыкли к темноте, он увидел впереди себя бабушку, которая вязала белый носок, и петуха, который стоял на ручке кресла боком к экрану и смотрел одним глазом на Гуся. Другим глазом, наверное, он смотрел на экран, хотя экран отсюда был почти неразличим.

— Вам, наверное, плохо видно? — спросил Гусь у бабушки, которая вязала белый носок. — Вы, наверное, не различаете, как вязать?

Бабушка обернулась к нему и показала Гусю зубы — совершенно так, как их показывают зубному врачу. Гусь заглянул старушке в рот и увидел у нее во рту горящую керосиновую лампу. Гусь мгновенно все понял. Показав Гусю свою лампу, старушка тем самым ответила на его вопрос, что вязание ей видно хорошо. Кроме того, показав Гусю лампу, старушка еще сообщила ему, что разговаривать с ним она не может, поскольку у нее во рту лампа.

— Вы это хорошо придумали, — сказал Гусь, — с керосиновой лампой и с тем, что вы ее спрятали в рот: вам все видно, а другим ваш свет не мешает, хотя лично мне все равно. Если петух не возражает, вы можете вынуть лампу изо рта, потому что мне все равно экрана не видно и ваш свет не будет мне мешать. А так я хоть буду смотреть на керосиновую лампу, на вас, на петуха и на ваше вязание. Это будет как ночью в поезде, когда не видно окна.

Старушка в ответ положила себе в рот свой недовязанный носок, спицы с клубком, петуха и кресло, на котором сидела, и пошла к выходу.

— Я вам не помешал? — крикнул Гусь ей вдогонку. — Если помешал, то извините.

Гусь бежал за старушкой и извинялся, а она уходила все дальше и дальше и вошла на экран. Гусь догнал ее на экране и в тот момент, когда она выкладывала все имущество изо рта, наконец извинился как следует, а старушка ему отвечала:

— Ничего, ничего, молодой человек, заходите, сейчас у нас тут начнется бал, и я вас познакомлю с моей дочерью-красавицей.

Тут в комнату вошли старушки и старички, кто в чем — кто в телогрейках, кто в суконных ботах, кто обмотанный поверх пальто шалью, а кто и с марлевым бантиком поверх шляпы. Включили радио, были поданы стаканы с горячим чаем, затем каждому по полбуханки черного хлеба и по два кусочка сахара. Все разместились у длинного стола, а одна бабушка в черном халате подавала.

— Вот моя младшая дочь-красавица, — сказала знакомая Гусю старушка, сидя в кресле во главе стола, причем петух, как и раньше, стоял на подлокотнике, а керосиновая лампа была поставлена под стол. Вязанье старушка заложила за воротник.

Гусь опустил голову, потому что стеснялся смотреть на дочь-красавицу. О молодой красавице он мог только мечтать, но ни разу ее не видел. Все девушки, которых Гусь повидал на своем веку, не казались ему красавицами, а казались ему какими-то боевыми индейцами на военной тропе. У них были длинные острые красные или черные ногти, раскрашенные лица и какие-то торчащие волосы. Вообще Гусь был рад, что попал в хорошую компанию, на бал. Он ел свою половину буханки, запивал горячим чаем с сахаром, но поднять глаза не решался — вдруг на него смотрит в этот момент дочь-красавица!

— Знакомьтесь, это моя дочь, — сказала старушка, а петух закукарекал и стал ходить взад-вперед по подлокотнику.

Гусь с удовольствием стал смотреть на петуха — он любил безобидных маленьких животных, тем более что петух был очень красивый, с длинными перьями на хвосте.

— Ее зовут Петя, — сказала старушка. — Петя, познакомься с Гусем.

Гусь сильно удивился, но пожал петуху лапу. У петуха были длинные загнутые когти, которые напоминали

Гусю его впечатление от боевых индейцев. Мало того, глаза у петуха были обведены ярко-красными кругами, под подбородком висели тоже ярко-красные висюльки, как серьги, на голове стоял дыбом ярко-красный гребешок... Слов нет, петух был красив, но какой-то вызывающей красотой.

— Красавица, что и говорить! — вмешалась старушка.

Петух заклокотал и снова прокукарекал.

— Она похожа на индейца, — скромно сказал Гусь. — Она у вас боевая.

Старушка дала петуху поклевать крошек.

— Петя встает очень рано, — сказала старушка, — характер у Пети веселый, жизнерадостный. Петя много поет, хотя и любит драться. Я давно собиралась выдать Петю замуж, но все не было вокруг ни одного подходящего жениха. Я очень рада, что вы со мной познакомились.

— А как же... — сказал Гусь, но вовремя замолчал. Он хотел спросить: как же так можно выдать замуж такого боевого петуха?

— Очень просто, — ответила старушка, — Свидетели есть, вы распишетесь вот тут. — И старушка показала на пол.

Там, кстати, уже стояла керосиновая лампа.

Петух соскочил на пол и стал царапать когтями пол, расписываясь, как курица лапой. Похоже было даже, что он ищет зернышки, и он действительно нашел несколько крошек хлеба и склевал. После чего захлопал крыльями и закукарекал.

— Теперь вы, — ласково сказала старушка.

Она помогла Гусю встать, дала ему карандаш. Гусь нагнул и подписался карандашом на грязном полу: «гэ», «у», «эс» и мягкий знак. После чего старушка объявила:

— Пир начинается!

Тут бабушка в черном халате внесла в алюминиевом ведре множество пакетиков хрустящего картофеля. Старички и старушки брали по две, по три пачки и весело

хрустели. По радио стали передавать замечательную народную музыку неизвестного происхождения, и Гусь был вынужден пригласить петуха на танец. Он взял петуха на руки, петух бил крыльями и закукарекал, и в таком виде они понеслись по залу. Гусь танцевал первый раз в жизни, он подпрыгивал и вертелся, а Петух бил крыльями и очень мешал. В довершение всего петух клюнул Гуся в лоб. Хорошо, что не в глаз. гусь, ослепленный, остановился. Старики и старушки громко захлопали.

Старушка сказала:

— Бал закончен, можете идти.

Старики и старушки потянулись к выходу. Гусь тоже было пошел, но старушка всучила ему петуха и сказала:

— Идите по большому жизненному пути.

Гусь ошеломленно сошел с экрана в уже пустой зал, пробрался с петухом под мышкой к себе домой, и тут петух начал громко приветствовать наступление нового дня, и все соседи проснулись и стали стучать по трубам. Гусь замотал петуха полотенцем и просидел весь остаток ночи таким образом. Днем петух, освобожденный от полотенца, бурно летал, кукарекал, клевался, всюду пачкал, даже на столе, проливал воду, не понимал ни единого слова и сам ничего не мог объяснить Гусю. Гусь тогда устроился на ночную работу сторожем и уносил петуха туда, а утром, помыв пол в дежурке, шел с петухом обратно. Гусь совсем захлопотался. Кругом люди гуляли, работали, ели мороженое, а Гусь жил хуже всех. Петуху надо было покупать особый корм и искать червячков. Гусь вечно ходил с консервной банкой и совком, копался в земле, и это было единственное дело, в котором петух разбирался лучше. Петух учил Гуся находить червячков. Гусь уже понемногу начинал кукарекать, отрастил для удобства ногти на ногах, как у орла, ходил босиком, интересовался навозными лепешками и пытался спать сидя, завернув голову под мышку.

Но всему этому пришел конец, потому что однажды старушка пришла за петухом, сказала, что у ее племянницы-коровы тоже проблема в выборе жениха, и она сразу

подумала про Гуся — лучшего мужа трудно найти. А петух побудет у нее, хочется куриного супчику. Но тут Гусь задрожал, представив корову в своей комнате и на ночном дежурстве, и резко отказался.

Пока они разбирались, петух убежал в форточку, старушка кинулась его искать, а Гусь наутро постригся, постриг ногти, купил себе ботинки, постирал рубашку и стал теперь с большим интересом относиться к девушкам, потому что девушки, как известно, не клюют, не кукарекают и не роются в земле насчет червячков.

Но все-таки в кино Гусь на всякий случай не ходит: мало ли, опять обманут.

Роза

Один человек вдруг начал благоухать, как роза. И с этим ничего нельзя было поделать. Он входил в магазин — и все мигом останавливались и начинали нюхать воздух и говорили:

— Пахнет розами. Как будто мы попали в розовый сад.

И пока этот человек не удалялся из магазина, никто ничего не мог купить, все стояли и, закрыв глаза, вдыхали аромат.

Но если этот человек вдруг объявлял, что это от него так чудесно пахнет, все отмахивались от него или просто не обращали на него внимания, продолжая вдыхать аромат роз.

И куда бы этот человек ни приходил, ему никто не верил, все бегали вокруг него и искали, где спрятаны розы, а на него не обращали внимания.

А дома у этого человека происходила совсем другая история: всем ужасно надоел запах роз. Ведь каждому может надоест, если целый год в доме очень сильно чем-нибудь пахнет.

Кроме того, соседи варили щи или грибной суп или жарили котлеты — и все это пахло розами. И все собаки во дворе пахли розами, и даже мусорное ведро так пахло.

Все соседи говорили, что жить стало невыносимо.

— Нельзя понять, — жаловались хозяйки, — скис вчерашний суп или нет: пахнет розой, и все тут.

В доме страшно расплодились мыши, потому что кошки не могли различить мышь по запаху — мышь пахла, как роза. И кошки пахли, как розы.

Наконец этот несчастный человек решил пойти в ботаническую академию: он надеялся, что там разберутся, в чем дело.

И действительно, в ботанической академии его сразу же окружили профессора, повернули его к свету и стали спорить, желтая он роза или белая. Профессора долго спорили, потому что от того, какого цвета роза, зависит уход за этой розой.

Наконец профессора решили, что он бело-розовая роза, и сказали этому человеку, что высадят его в горшочек, чтобы проверить, какое удобрение ему больше подходит и чем его лучше поливать.

А этот человек, надо сказать, просто расцвел от такого всеобщего внимания. Он с удовольствием позволил себя посадить в горшок и привязать веревочкой к длинной палке, потому что профессора объяснили ему, что иначе он может полечь.

Его, как и всякую бело-розовую розу, поливали три раза в день какой-то мутной водой, так что у него каждый раз промокали ноги, и он в конце концов простудился и полег. Веревочка, которой он был крепко привязан к палке, действительно очень поддерживала его. Профессора осматривали его каждые полчаса и наконец переименовали этого человека из бело-розовой розы в красную розу, так как он покраснел от насморка.

Когда же насморк кончился, профессора снова осмотрели этого человека и никак не могли понять, какого цвета теперь эта роза. Наконец они объявили, что вывели новый сорт — бледно-розовую розу без запаха.

Потому что за время лечения он утратил свой аромат.

Первое время этот человек боялся, что его погонят в шею, но его опасения не сбылись: к нему водили иностранцев, демонстрировали экскурсантам и даже устраивали выездные лекции, куда он ездил, крепко держась за горшок. Со временем он привык ничего не опасаться, от постоянных поливов холодной водой закалился, а для запаха прыскался духами «Красная Москва». В интервью, которые он со временем стал давать, он с удовольствием вспоминал то время, когда в его аромат никто не верил, когда его гнали даже из того дома, где он жил. Единственное, чего он не любит, — это навозную подкормку. Но цветы — подневольные существа, и приходится терпеть ему жизнь цветка.

Поскольку настояще-то цветы растут из сора и питаются кое-как.

Волшебные очки

Жила-была девочка, которая пошла и купила себе очень дешевые черные очки, вместо того чтобы купить тетради.

Что же, и так бывает, но очки оказались волшебные, как вторая пара глаз, которые видят то, что обычным взглядом не ухватишь.

Например, девочка прекрасно стала видеть вдаль и видела, как на далекой планете взад-вперед ходит поезд.

Мало того, она наблюдала те звезды, которые еще были не открыты учеными, а она разглядела эти звездные туманности отлично и даже как бы поплавала среди них.

Но, с другой стороны, девочка вдруг стала различать микробов.

Мама говорит ей: иди мой руки — а девочка видит, что в воде, текущей из крана, плавают и несутся миллионы бактерий, а на ручке крана сидят миллионы мохнатеньких микробов, кривых как огурцы и прямых как гвозди.

И на куске мыла их видимо-невидимо.

Чтобы не огорчать маму, девочка мыла руки и вытирала их полотенцем, на котором успевала рассмотреть целые города микробов!

Что уж говорить о мясной котлете, зажаренной вчера, а еще того более о колбасе, купленной в магазине!

Но девочка старалась слушать маму, особенно после того случая, когда пришлось покупать тетради еще раз (девочка соврала, что потеряла деньги или их украли и что очки она нашла на улице).

Хотя мама была все время недовольна, что дочка носит и носит эти черные очки, даже дома и даже вечером.

Короче говоря, жизнь девочки стала довольно трудной, и с течением времени девочка наконец прекратила носить очки днем, пустая трата зрения и одно расстройство, но зато она предпочитала носить их ночью, поскольку там, на далеких планетах и среди звезд, она не видела этих чудовищных скоплений микробов и бактерий, а видела дивную жизнь светил и как бы путешествовала там с помощью своих очков.

Все стали находить поведение девочки странным, и мама даже попыталась выбросить очки в мусорное ведро, однако девочка очень быстро нашла свои черные очки, потому что они начали громко звенеть в мусорном ведре,

оказавшись среди невероятного количества микробов и бактерий.

Девочка смыла эти микроорганизмы с очков водой из-под крана, в которой их было поменьше миллионов на сто, но что делать!

Чтобы лучше видеть свои миры, девочка нашла путь на чердак и поднималась туда по ночам.

Днем она, разумеется, спала на ходу, на уроках отвечала невпопад, зато ночами она составляла расписание поездов далекой планеты ФУ-350 и наблюдала за таянием снегов на полюсах планеты МЕ-1500.

Там она была на своем месте.

Но в школе, если она на уроке математики пыталась рассказать о жизни на других планетах, учительница краснела, выскакивала из класса и возвращалась с директором, говоря об издевательствах.

Один раз, правда, девочка получила четверку по биологии, блестяще рассказав о десяти видах бактерий, живущих в пресной воде.

Тут учительница растаяла и сказала: «Ну вот, Катя, когда ты хочешь, ты можешь».

А четверку ей она поставила за лишний вид бактерий, появившийся в последнее время и еще не открытый учеными, и за спор с учителем по этому поводу.

Дома тоже был полный тарарам: мама жалела дочку и потому поднимала ее утром ласково, уговаривала иногда по полчаса, а папа ругал маму, что она распустила и балует девчонку, а младший брат предлагал каждое утро выливать сестре на голову чайник воды.

И в конце концов однажды утром девочка оказалась на крыше своего шестиэтажного дома, вместо того чтобы идти на занятия, потому что накануне ребята сообщили, что в школу приедут проверять всех психиатры, и кто окажется ненормальным, того переведут в школу для дураков.

А кто в этот день не придет в школу, за тем приедут домой на машине «скорой помощи».

Девочка не раз слышала, от учителей в особенности, что ее место в дурдоме, и брат тоже говорил ей, что она «больная»: такие шутки были приняты в те времена, неизвестно, как сейчас.

Мало того, в школе говорили, что там, в психбольнице, у «больных» отбирают все: часы, ключи, деньги, пояса и в особенности очки, тем более черные, потому что очками сумасшедшие могут поранить себя и других, а черные очки вообще никому на хрен не нужны нормальным, не на пляже нашлись сидеть и так далее.

Там, на других планетах, люди ходили и в трех очках сразу, и в шляпах до потолка, но здесь кому это объяснишь.

Девочка решила прыгнуть с шестого этажа раз и навсегда, чтобы все поняли, кого они потеряли, в особенности папа и брат, которые были, в сущности, добрые люди и жалели других, брат вообще подбирал кошек и собак, кормил их у подъезда, домой этих помойных ему брать не разрешалось.

«Папа и брат, — думала девочка, стоя на крыше своего дома днем, в черных очках, — папа и брат поймут, кого они потеряли, только будет поздно».

Потом девочка подумала о маме, и ей стало жалко маму, даже выступили слезы, и девочка их вытерла, не снимая черных очков.

В классе никто не заплачет, а если придут на похороны, вообще будут смеяться. Их нельзя пускать. И потом, что от меня останется, думала девочка; соберут в мешок, что ли.

Она последний раз в жизни стояла в своих волшебных очках и смотрела вверх, но ничего, кроме крупных микробов, живущих на стеклах, она не видела: днем небеса были светлые и пустые.

Потом она посмотрела вдаль и увидела на балконе микрорайона Подушкино длинноносого мальчика с биноклем, в одних трусах: он смотрел не отрываясь куда-то в чужое окно, из полуоткрытого рта ползли слюни, он их втягивал и снова смотрел...

«Возможно, — подумала девочка рассеянно, — кто-то там, куда он смотрит, ест торт».

Жить было неинтересно, страшно и тоскливо.

Чтобы не видеть слюнявого и прыщавого мальчика в трусах, девочка посмотрела вниз, на то место, где ей предстояло лежать.

Там был асфальт.

Но там стояла кучка людей, и в самой гуще кричала и рвала на себе волосы женщина, потом она упала и стала кататься по асфальту.

Чтобы упасть, пришлось бы падать на нее.

Что же такое она кричала?

В очки все было хорошо видно, руки женщины, которые колотили по асфальту, ее красное мелькающее лицо с широко открытым ртом, грязное от дорожной пыли.

Но ничего не было слышно.

Встревоженная, девочка спустилась с крыши (без очков), съехала на лифте и присоединилась к толпе сочувствующих.

Оказалось, женщина оставила коляску с ребенком у подъезда и поднялась к знакомой на третий этаж, а когда вернулась, коляску украли.

Женщина обегала все соседние улицы, вернулась к подъезду и стала спрашивать случайных прохожих, не видел ли кто ее ребенка: красная коляска, ребенок в белой кофточке, в чепчике и накрыт голубым одеяльцем в клеточку.

Бедная мать, видимо, буквально кидалась на людей и громко рыдала, потому что вокруг нее собралась небольшая толпа, и к приходу девочки в очках (без очков в данный момент) люди стали говорить, что надо вызвать «скорую помощь», потому что наверняка эта женщина сошла с ума: она заболталась с подругой, как видно, и упустила коляску.

Эта девочка без очков просто задохнулась от злости на этих злых людей, которые готовы запереть в дурдом всех, даже глубоко несчастных, как эта мамаша, или некоторые люди, любящие ходить в черных очках.

Тогда девочка снова взобралась к себе на крышу и надела волшебные очки.

И тут же она увидела на расстоянии трех улиц одну слепую бабушку-нищенку, которая всегда просила у метро, опираясь на палку.

Бабушка, зорко поглядывая по сторонам, перебежала улицу среди машин, толкая перед собой красную коляску, а палку держа под мышкой.

И девочка в очках заорала вниз:

— Эй! Але! Я вижу! Коляску утащила бабушка и бежит к универмагу! Мимо «Орленка»! Улицу перебегает! Тетя, я их вижу!

Толпа не сдвинулась с места.

Отсюда было не так близко до «Орленка», во всяком случае рассмотреть бабушку, тем более коляску и даже сам кинотеатр «Орленок» представлялось делом невозможным.

Зато бедная мамаша сразу замолчала, вскочила, отряхнулась и со всех ног кинулась бежать в указанном направлении, не глядя по сторонам.

А девочка в очках очень быстро спустилась на улицу и бросилась за мамашей, придерживая черные очки.

Через пять минут они домчались до кинотеатра, но там уже никого не было, только стояла поперек улицы машина, которая, видно, затормозила при виде опасной бабушки.

И уже милиционер записывал в блокнот данные, а шофер показывал рукой в переулок, демонстрируя жестами, как везла бабушка коляску и т.д.

— Бежим туда! — крикнула девочка в очках, и они кинулись в переулок.

Но там тоже уже никого не было.

— Минуточку! — сказала девочка. — Ждите меня здесь.

Она вошла в подъезд двенадцатиэтажного дома и на последнем этаже, не найдя входа на чердак, просто высунулась в окно, и очки показали следующее: слепая старушка, бормоча неласковые (видимо) слова, затаскивала коляску в подъезд.

Старушка волокла тяжелую коляску позади себя на манер трактора-тягача, а потом она харкнула себе под ноги, взяла коляску под мышку и тяжело пошла своим ходом, и за ней закрылась дверь.

— Але, тетя, — крикнула девочка из окна, — вон тот дом, третий подъезд!

Мамаша тут же взяла старт, девочка еле ее догнала на углу, и они вместе вбежали в подъезд.

Бедная женщина опять приготовилась кричать свое «помогите», но девочка в черных очках приказала:

— Тихо! Будем слушать.

И они стали тихо-тихо подниматься по лестнице и прикладываться ушами ко всем дверям.

Но в одном месте прикладываться не пришлось — там кричал ребенок, а чей-то голос задрезжал:

— А вот сейчас будем молочка пить! У, проклятая! Разорется! А ну, кто молочка хочет! У-лю-лю-лю-лю! Работать сейчас пойдем.

Женщина хотела застучать кулаком в дверь, но девочка в очках шепотом крикнула:

— Тихо! А то она ребенка в окошко выкинет!

Они стояли, тяжело дыша, и тут девочка стала якобы звонить в соседние квартиры и громко предлагать:

— В домовом комитете дают талоны на бесплатную водку, только детям до шестнадцати и пенсионерам по две бутылки. Мы пишем списки.

Разумеется, слепая старушка подслушала под своей дверью и не удержалась, высунулась:

— Мне четыре, пиши.

— Почему четыре? — спросила девочка.

— Мне и внуку.

Находчивая девочка сказала:

— По нашим данным, у вас нет внуков.

— Как нет, — заорала слепая, — как это нет! Вон он, выступает.

Действительно, слышался плач ребенка.

— Не верю, — сказала девочка, — нет у вас внуков.

— Не было, а есть, привезли, а он орет. Все его бросили на меня, а у самой инвалидность да сын инвалид с детства под себя ходит. А мне с ним трудно, не прожить.

— Где внук? — строго спросила девочка.

— Вон мычит, — ответила старушка, тоже в черных очках.

Но тут ребенок замолчал, и девочке стало страшно.

Но она не подала виду и сказала:

— Так, имя, фамилия и отчество ребенка.

А ребенок все молчал, и у мамыши лицо перекошилось, вот-вот зарыдает.

Что-то с ним там происходило.

Бабуля после некоторого размышления сказала:

— Как я по фамилии, так и он. А зовут его... Сейчас, дай сообразить. Николай.

— А отчество? — не отставала девочка, крепко хватая за руку обезумевшую мамашу.

— Ну и отчество... тоже Николаевич, — сказала, ничего не придумав, старушонка.

— Так. Николай Николаевич. Одну минутку, бабуля, мне надо позвонить и внести уточнения в списки. Где у вас тут телефон?

— Вон на стенке висит, — ответила слепая, утирая пересохший рот. — А водка всем нужна. Сын без водки не засыпает, гоняет меня. Уж вы запишите меня и внука.

Девочка, взяв слепую старуху за локоть, со словами «давайте помогу» повела ее в комнату, где, разумеется, находилась красная коляска и где уже стоял во весь рост ребенок, держась за откидной верх, и смотрел во все глаза.

— Ну все, спасибо, бабушка, — сказала девочка, — мамаша, забирай своего ребеночка и больше никогда не оставляй его, а тебе, бабуля, мы посоветуем не воровать чужих детей, а то посадят тебя в тюрьму!

— Опять новости, — произнесла старушка, — это был подкидыш, тут спасаешь-спасаешь дитя, и тебя же снова в тюрьму!

Но мамаша, хватая ребенка и укладывая его обратно в коляску, ответила:

— Конечно! Подкидыш! Как же!

И на обратном пути мамаша рассказала девочке, что ей одна пьянюшка должна долг и не отдает, и приходится к ней ходить, а ребенка не с кем оставить, а к этой пьянюшке его брать нельзя, а денег нет и т.д.

Так они разговаривали на обратном пути, и девочка, познакомившись с тяжелой жизнью взрослых людей, решила больше не прыгать с крыши, а остаться жить, чтобы помогать людям.

И она даже не пикнула, когда увидела, что мамаша достала из сумки бутылочку с молоком и на рожке сидит три миллиона микробов.

«Ничего, — подумала девочка, — мы так и живем, приходится жить с микробами».

И она сняла свои очки и положила их в карман.

«Некоторые вещи лучше не замечать, не все в этом мире совершенно», — подумала девочка и радостно отправилась домой.

Котенок Господа Бога

Одна бабушка в деревне заболела, заскучала и собралась на тот свет.

Сын ее все не приезжал, на письмо не ответил, вот бабушка и приготовилась помирать, отпустила скотину в стадо, поставила бидончик чистой воды у кровати, положила кусок хлеба под подушку, поместила поганое ведро поближе и легла читать молитвы, и ангел-хранитель встал у нее в головах.

А в эту деревню приехал мальчик с мамой.

У них все было неплохо, их собственная бабушка функционировала, держала сад-огород, коз и кур, но эта бабушка не особенно приветствовала, когда внук рвал в огороде ягоды и огурцы: все это зрело и поспевало для запасов на зиму, на варенье и соленье тому же внуку, а если надо, бабушка сама даст.

Гулял этот выгнанный внук по деревне и заметил котенка, маленького, головастого и пузатого, серого и пушистого.

Котенок приبلудился к ребенку, стал тереться о его сандалики, навевая на мальчика сладкие мечты: как можно будет кормить котеночка, спать с ним, играть.

И мальчиков ангел-хранитель радовался, стоя за его правым плечом, потому что всем известно, что котенка снарядил на белый свет сам Господь, как он всех нас снаряжает, своих детей.

И если белый свет принимает очередное посланное Богом существо, то этот белый свет продолжает жить.

И каждое живое творение — это испытание для уже заселившихся: примут они новенького или нет.

Так вот, мальчик схватил котенка на руки и стал его гладить и осторожно прижимать к себе.

А за левым локтем его стоял бес, которого тоже очень заинтересовал котенок и масса возможностей, связанных с этим именно котенком.

Ангел-хранитель забеспокоился и стал рисовать волшебные картины: вот котик спит на подушке мальчика, вот играет бумажкой, вот идет гулять, как собачка, у ноги...

А бес толкнул мальчика под левый локоть и предложил: хорошо бы привязать котенку на хвост консервную банку! Хорошо бы бросить его в пруд и смотреть, умирая со смеху, как он будет стараться выплыть! Эти выпученные глаза!

И много других разных предложений внес бес в горячую голову выгнанного мальчика, пока тот шел с котенком на руках домой.

А дома бабка тут же его выругала, зачем он несет блохастого в кухню, тут в избе свой кот сидит, а мальчик возразил, что он увезет его с собой в город, но тут мать вступила в разговор, и все было кончено, котенка велено было унести откуда взял и бросить там за забор.

Мальчик шел с котенком и бросал его за все заборы, а котенок весело выпрыгивал навстречу ему через несколько шагов и опять скакал и играл с ним.

Так мальчик дошел до заборчика той бабушки, которая собралась умирать с запасом воды, и опять котенок был брошен, но тут он сразу же исчез.

И опять бес толкнул мальчика под локоть и указал ему на чужой хороший сад, где висела спелая малина и черная смородина, где золотился крыжовник.

Бес напомнил мальчику, что бабка здешняя болеет, о том знала вся деревня, бабка уже плохая, и бес сказал мальчику, что никто не помешает ему наесться малины и огурцов.

Ангел же хранитель стал уговаривать мальчишку не делать этого, но малина так алела в лучах заходящего солнца!

Ангел-хранитель плакал, что воровство не доведет до добра, что воров по всей земле презирают и сажают в клетки как свиней, и что человеку-то стыдно брать чужое — но все было напрасно!

Тогда ангел-хранитель стал напоследок нагонять на мальчишку страх, что бабка увидит из окна.

Но бес уже открывал калитку сада со словами «увидит, да не выйдет» и смеялся над ангелом.

А бабка, лежа в кровати, вдруг заметила котенка, который влез к ней в форточку, прыгнул на кровать и включил свой моторчик, умащиваясь в бабушкиных замерзших ногах.

Бабка была ему рада, ее собственная кошка отравилась, видимо, крысиным ядом у соседей на помойке.

Котенок помурчал, потерся головой о ноги бабушки, получил от нее кусочек черного хлеба, съел и тут же заснул.

А мы уже говорили о том, что котенок был не простой, а был он котенком Господа Бога, и волшебство произошло в тот же момент, тут же постучались в окно, и в избу вошел старухин сын с женой и ребенком, увешанный рюкзаками и сумками: получив материно письмо, которое пришло с большим опозданием, он не стал отвечать, не надеясь больше на почту, а потребовал отпуск, прихватил семью и двинул в путешествие по маршруту автобус — вокзал — поезд — автобус — автобус — час пешком через две речки, лесом да полем, и наконец прибыл.

Жена его, засучив рукава, стала разбирать сумки с припасами, готовить ужин, сам он, взявши молоток, двинулся ремонтировать калитку, сын их поцеловал бабушку в носик, взял на руки котенка и пошел в сад по малину, где и встретился с посторонним пацаном, и вот тут ангел-хранитель вора схватился за голову, а бес отступил, болтая языком и нагло улыбаясь, так же вел себя и несчастный воришка.

Мальчик-хозяин заботливо посадил котенка на опрокинутое ведро, а сам дал похитителю по шее, и тот помчался быстрее ветра к калитке, которую как раз начал ремонтировать бабкин сын, заслонив все пространство спиной.

Бес ушмыгнул сквозь плетень, ангел закрылся рукавом и заплакал, а вот котенок горячо вступился за ребенка, да и ангел помог сочинить, что-де вот полез мальчик не в малину, а за своим котенком, который-де сбежал. Или это бес сочинил, стоя за плетнем и болтая языком, мальчик не понял.

Короче, мальчика отпустили, а котенка ему взрослый не дал, велел приходить с родителями.

Что касается бабушки, то ее еще оставила судьба пожить: уже вечером она встала встретить скотину, а наутро сварила варенье, беспокоясь, что все съедят и нечего будет сыночку дать в город, а в полдень постригла овцу да барана, чтобы успеть связать всей семье варежки и носочки.

Вот наша жизнь нужна — вот мы и живем.

А мальчик, оставшись без котенка и без малины, ходил мрачный, но тем же вечером получил от своей бабки миску клубники с молочком неизвестно за что, и мама почитала ему на ночь сказку, и ангел-хранитель был безмерно рад и устроился у спящего в головах, как у всех шестилетних детей.

Что говорил самолет

Как-то однажды один мальчик случайно зашел на аэродром и сел в самолет, когда там никого не было.

Сначала он сидел в мягком кресле летчика и смотрел по сторонам. Потом он стал трогать разные кнопки и рычажки и наконец потянул за большую ручку.

И тут только мальчик заметил, что самолет уже летит.

Мальчик тогда от страха выпустил ручку, но самолет сказал ему:

— Теперь уж не отпускай эту ручку. Если ты так отличился, что сумел войти на аэродром и сесть в самолет и уж тем более полететь на нем, то теперь не отпускай ручку. Это ручка управления.

Мальчик очень обрадовался, что самолет с ним заговорил, и сказал самолету:

— Это я случайно зашел на аэродром и случайно сел в самолет. Я больше не буду. Простите меня в последний раз.

А самолет сказал:

— Дело в том, бедный мальчик, что мы, самолеты, можем говорить только три раза в жизни. Я с тобой говорю второй раз, и мне останется еще один последний

раз сказать тебе что-нибудь — и на этом будет конец. Очень жалко, что мне приходится говорить на такую пустяковую тему, как ручка управления. Я бы лично предпочел поговорить со своим летчиком. Я с ним давно хотел поговорить, но не решался. А теперь вот я истратил два разговора на какие-то глупые ручки управления. Мой летчик бы со мной никогда не стал говорить о ручках управления. И пожалуйста, не прерывай меня и молчи, потому что если ты что-нибудь скажешь, а мне придется ответить, то это уже будет третий разговор, а он может еще понадобится. А теперь я тебе буду рассказывать то, что мне самому не интересно, о ручках управления, о всяких циферблатах и, к примеру, о том, что дверь в самолет осталась открытой, это ты не закрыл дверь. Ее надо будет закрыть, потому что если в самолете распахнута дверь, то облака непременно заползают в самолет. Они любят кататься в самолетах, но только их туда никогда не пускают. Облака поэтому, как только находят в небе самолет, сразу его окружают и стараются в нем найти хотя бы маленькую дырочку: облаку достаточно щелки, чтобы заползти в самолет.

Так что ты сейчас пойдешь и закроешь дверь, а я пока буду петь песню, чтобы не прерывать свой второй разговор.

И самолет запел:

Жжу-у. В333-33.

Трах-тах-тах-тах.

Дду-уу. Дз-3333.

Бах-тарабах.

Это у него, вероятно, была единственная песня, какую он знал, и пока мальчик закрывал дверь, он слышал все одно и то же:

— Жжу-у. В333-33. Трах-тах-тах-тах...

Мальчик вернулся, и самолет сказал:

— Теперь я буду учить тебя, как лететь обратно.

И мальчик под руководством самолета осторожно повернул самолет обратно и повел его на аэродром.

— А теперь, — сказал самолет, — самое трудное — посадка. Скажи аэродрому по радио, что ты просишь посадки. Скажи: «Я — мальчик на самолете, я — мальчик на самолете. Вы слышите меня? Прием». Тебе ответят: «Вас поняли. Заходите на посадку», — и скажут куда. Но теперь слушай: как только тебе скажут, куда идти на посадку, ты внимательно смотри на землю, чтобы не натолкнуться на другие самолеты, стоящие на аэродроме. С ручкой ты умеешь обращаться...

Мальчик ответил:

— Теперь умею.

— Эх ты! — сказал самолет. — Зачем же ты мне ответил! Теперь у меня уже идет третий разговор, последний разговор. А ведь ты сейчас должен будешь говорить по радио. Значит, ты меня прервешь, и мой третий разговор тоже закончится. И тебе придется самому заходить на посадку! А ты еще маленький! Ты можешь разбиться!

И самолет замолчал, а потом продолжал:

— Жаль только, что я никогда не поговорю с моим летчиком. Я с ним так давно хотел поговорить! Я ему хотел сказать, что я ему друг и что спасибо ему за то, что он когда-то не бросил меня раненого, не спустился с парашютом, а на мне, на раненом, долетел до аэродрома. Ну хорошо. Теперь это уже неважно. Теперь я замолкаю, а ты связывайся с аэродромом по вот этому радио.

— Не хочу, — сказал мальчик упрямо, — не хочу вас прерывать, — и вдруг понял, что уже прервал.

Самолет молчал и только ровно гудел.

Мальчик надел наушники и сказал все, что полагается, аэродрому. И аэродром сказал все, что полагалось, мальчику, и даже больше того: ему все время объясняли, что надо повернуть, что включить, куда смотреть — хотя мальчик уже все это знал.

Но мальчик не прерывал того, кто говорил ему с аэродрома, — ему казалось, что этот голос похож на голос самолета. Один раз мальчик даже спросил:

— Самолет, это ты?

— Нет, — ответил голос, — это летчик, что ты там выдумываешь? Как слышишь? Прием.

И мальчик сказал:

— Слышу вас хорошо, иду на посадку. Прием.

И когда мальчик посадил самолет на аэродром, к нему подбежал впереди всех человек в кожаной куртке и шлеме. Человек в кожаной куртке ворвался в кабину, схватил мальчика на руки и вынес. И только когда он опустил мальчика на землю, он сказал:

— Кто же тебе разрешил, а?

И мальчику снова показалось, что это — голос самолета.

Мальчик сказал:

— Ваш самолет хотел вам сказать спасибо, что вы не прыгнули тогда с парашютом.

Но летчик ничего не ответил, он посадил мальчика в микроавтобус и помахал ему рукой. А сам полез в самолет.

И все время, пока мальчик ехал, он видел, как летчик в своей стеклянной кабине сидит и о чем-то думает.

Дедушкина картина

У одной девочки напротив кровати висела картина, на которой было изображено солнышко, травка, лес и цветы.

И глубокой зимой, когда до весны еще так далеко, девочка перед сном смотрела на эту картину и мечтала о лете.

Но вот однажды она как-то вечером, уже уложенная спать, любовалась в полудреме своей любимой картиной и вдруг услышала, что кто-то плачет.

Девочка как была, в пижаме, выскочила из спальни и появилась в большой комнате, где при свете одной свечи

сидела вся семья: мама плакала, папа курил, а бабушка находилась на диване с мокрым полотенцем на лбу.

А на столике стоял маленький приемник, и по нему кто-то говорил, что страна переживает трудности, что надо подготовиться к тому, чтобы экономить и экономить, что над нашей территорией нависло облако непроницаемого вещества и солнце больше никогда не появится: будет вечная зима, зима и еще раз зима. Так что все усилия надо направить на сбережение отопления, потому что леса больше не будут расти и реки все как одна вымерзнут. Наступает Великая Зима с большой буквы. Таковы выводы ученых.

Взрослые увидели девочку, и бабушка взяла ее на ручки и понесла обратно в кровать.

— Бабушка, — сказала девочка, — что случилось?

— Когда-нибудь этим должно было кончиться, — сердито отвечала бабушка. — Если все время врать, притворяться, за глаза говорить гадости, всех ненавидеть и всем завидовать, если не прощать друзьям ни малейшей удачи, то это еще довольно слабое наказание всем нам.

— И что же теперь будет? — спросила девочка.

— Жалко, жалко людей и особенно стариков и деток, — они слабые, они сами за себя не отвечают. Но и им придется очень тяжело, как всем, они тоже завидуют и не прощают.

— А мы кому-нибудь тоже завидуем?

— Да кто без греха! В нашей семье тоже были завистники. Охо-хо...

— В нашей семье? — переспросила девочка.

— Да. Моему дедушке художнику один колдун предсказал, что он будет жить вечно. Там было непонятно, в этом предсказании — то ли он никогда не умрет, то ли он вечно будет жить в своих картинах и в памяти людей. И представляешь, сразу же нашелся у нас завистливый родственник, троюродный племянник, который сказал, что жить в памяти людей может и большой разбойник, это не проблема.

— Как это, — спросила девочка.

— Как: жестоко убил миллион человек и остался в истории.

— Как это можно, — спросила девочка.

— Можно. Можно и сорок миллионов убрать, — вздохнув, сказала бабушка. — Бывали случаи. Работали даже фабрики смерти.

Девочка молчала, ничего больше не спрашивала. Когда лежишь клубочком в уютной постельке, а рядом любимая бабушка, хочется закрыть глаза и ни о чем не думать.

А бабушка рассказывала дальше:

— И вот этот наш племянник сказал: «А вот пожертвовать собой, причем безмянно, тайно — это и есть вечно жить. И на это способны только истинно великие души».

— А что такое жертвовать собой? — все-таки спросила девочка. Она мало что поняла из этого длинного рассказа.

— Да, и наш дедушка тоже спросил то же самое: как я могу пожертвовать собой? Что, я должен буду броситься с высокой скалы? И кому от этого будет польза?

— А что ответил этот племянник?

— Он сказал, что не знает. Но что есть люди среди нас, которые тихо и никому ничего не говоря жертвуют своей жизнью ради других. И назвал тетю Вава. Тетя Вава — древняя старушка, одинокая и всеми забытая. Все тогда вспомнили, что она, действительно, вечно сидела у постели парализованных и тоже всеми забытых стариков. И этот троюродный племянник как раз сказал, что такие люди могут спасти страну от Вечной Зимы.

— А где теперь наш дедушка?

— Он уже умер. Кстати говоря, предсказание не сбылось, он не стал великим художником, у него была огромная семья, все эти мои дядья и тетки, и он должен был их кормить.

— С ложечки? — спросила девочка. — Они что, не хотели есть? Большие тети и дяди?

— Ох, нет, — ответила бабушка со смехом. — Они-то как раз хотели есть и пить, одеваться во все новое и так

далее. И они просили у деда деньги. И он им давал. Это и называется «кормить».

Девочка уже засыпала, но сказала:

— И что?

— Спи, я тебе буду рассказывать сказку нашей семьи. Ну и вот, и дедушка поэтому перестал рисовать для себя, что хотел сам, а рисовал по заказу портреты, за это хоть платили. У него был, наверно, настоящий талант.

— Талант? — во сне спросила девочка.

— Да. Ему давали маленькую фотографию с паспорта, а он рисовал большой портрет на фарфоровой тарелке, а потом обжигал в печке, и портрет мог жить вечно. Получалось и очень похоже, и красиво. Он жалел людей и старался, чтобы они выглядели получше. Его работ много на нашем кладбище. Там настоящий музей дедушки. Как-нибудь мы с тобой пойдем, когда будет потеплее. Хотя потеплее уже не будет...

— Ты не беспокойся, мне тепло, — предупредила девочка, открывая глаза.

— Вот и прекрасно? Ну что дальше. Так вот, о моем дедушке. У него совершенно не было времени рисовать то, что он хотел. Только один раз в жизни, уже стариком, он обиделся на своего старшего сына.

— За что?

— Старший сын пришел к нему и предложил, чтобы дед перебрался в дом для престарелых, а то все дети разъехались и некому за ним присматривать.

— Куда, в какой дом? Престарелых?

— Престарелых. Ну, это такой дом, где за стариками ухаживают, кормят их с ложечки.

— Я не люблю с ложечки, поняла, бабуля!

— Ну вот видишь, а наш дед тогда сказал: «Я сам за собой могу прекрасно ухаживать, вы мне не нужны», и он выгнал этого сыночка с криком, а потом заперся на месяц в своем доме и даже не подходил к телефону. Дети его заняли позицию на другой стороне улицы и по очереди приезжали смотреть, горят ли вечером окна. Они дежурили весь этот месяц и очень беспокоились. Потом заметили,

что он рисует, глядя из окна подвала — там была его мастерская. Ведь всегда все комнаты получше занимали его дети, а он привык жить и работать где похуже. И вот там, в подвале, он и написал твою любимую картину с солнышком, цветами и лесом... А потом вышел на порог и умер.

— Бабушка, а этот племянник не говорил, как можно спастись от Вечной Зимы?

— Он говорил, что если найдется какая-нибудь чистая душа и захочет пожертвовать собой или делом всей своей жизни — то тогда можно еще что-нибудь будет придумать. Но что-то никого не видно вокруг, кто бы захотел отдать ради своего соседа хоть копейку!

— А что такое дело всей своей жизни? — спросила девочка.

— Ну, свою самую лучшую картину, или написанную собственноручно книгу. Или построенный своими руками дом...

— И никто не захотел?

— Ну, тогда еще не было опасности Вечной Зимы, то есть она была, но когда-то в будущем... Так что ложись спать, дорогая моя, и думай прежде всего о себе — может быть, как-то удастся уехать из этой трижды проклятой страны в теплые края...

— А куда? — спросила девочка вся в слезах — ей было жалко дедушку бабули.

— Ну, например, — ответила задумчиво бабушка, — например, в Африку. Хотя там тоже не все хорошо. Моя двоюродная бабушка когда-то жила в Африке — она была замужем за царем.

— Потрясающе! — воскликнула девочка. — Я тоже хочу! Она была царица?

— Сначала нет. Сначала она училась с ним вместе в институте, а потом он открыл ей секрет, что он царь и у него царство в джунглях. И она решила стать царицей и вышла за него замуж. И она писала нам из Африки письма, что живет в центральном шалаше царства и все ей кланяются и носят ей в корзинах земляные орехи

и сладкий картофель, остается только это все почистить и поджарить на костре. И не надо мыть посуду, потому что ее нет. И нет проблем со стиркой. Новую юбку можно сделать из листьев пальмы, а старую просто кладешь в костер.

— Здорово! — сказала девочка, окончательно проснувшись.

— Так что мы гордились, что стали царской семьей.

— Мы — царская семья? — прошептала девочка.

— Погоди. Ну вот. Ее называли «наша царица», но потом оказалось, что она сто пятнадцатая жена у этого царя, а через месяц он выписал себе из Китая сразу сто шестнадцатую — сто двадцать шестую царицу. Кроме того, оказалось, что весь город, все шалаши, все население — это были тоже жены, мамы-папы жен, бабушки-бабушки жен и дети. Царское село. Поэтому эта моя двоюродная тетя сбежала оттуда с первым попавшимся шофером, но и его обманула, а нанялась на корабль до Аляски. И там отправилась в тундру, пасти северных оленей: так ей надоела жара.

— Аляска, где это?

— Это север! Вот, кстати, куда нам надо всем перебраться: там и так вечная зима, и они прекрасно живут. А то здесь мы окоченеем всем скопом, — вздохнула бабушка. — Потому что никто не хочет никому отдать ничего, даже в долг!

— Бабушка, а разве твой дедушка художник не захотел бы отдать какую-нибудь из своих картин, чтобы не было Вечной Зимы? — спросила девочка.

— По правде сказать, он нарисовал только одну настоящую картину, вот ту самую, она теперь висит напротив твоей кровати. Как же можно отдать единственное, что есть у человека?

— Нельзя, да? — удивилась девочка.

— Понимаешь, он говорил, что вот в этой картине он как раз будет жить вечно. И уж он никогда бы не отдал никому и ни за что эту картину. Он сказал, что даже если наступит Вечная Зима, на этом холсте останется вечное

лето. И люди будут изучать солнце и лес по его картине. Особенно когда Вечная Зима распространится на весь мир и больше не будет электричества и телевидения.

— А так может быть?

— Конечно! — воскликнула бабушка. — Вечная Зима — она заразна, как болезнь. Облако растет и закрывает собой всю Землю!

— Как страшно, — заметила девочка.

— Ну, тебя это не коснется, облако растет медленно. может быть, только твои дети не увидят лета... Или даже внучки... так что ложись и спокойно засыпай, а мы уедем в Африку. Я там выйду замуж за царя и всех вас обеспечу!

И бабушка печально засмеялась.

А девочка притворилась, что заснула.

И когда бабушка ушла, девочка спустилась в подвал в кромешной темноте.

Она очень боялась темноты и холода, но для того, что она задумала, темнота и холод были как раз необходимы.

Девочка шла по подвалу, вся дрожа, и остановилась там в середине (как ей показалось) и сказала:

— Дедушка! Я знаю, ты вечно живешь в своей картине! И ты меня слышишь. Дедушка! У меня нет дела всей жизни, а есть только моя жизнь! Я спокойно могу ее отдать. Пусть все живут при солнышке:

Потом она легла на холодный каменный пол (ей часто говорили, что если лежать на холодном камне, то заболеешь и умрешь).

Она лежала, вся дрожа, на спине, и вдруг заметила тонкий лучик света, как будто в стене открылась щель.

Тогда девочка вскочила, подошла к этой полоске света, дотянулась до нее — и немедленно на этом месте распахнулось маленькое окно.

Там, наверху, за окном, был солнечный день, зеленела трава, качались цветы, вдалеке темнел лес — все точно так же, как на картине в девочкиной комнате.

Девочка подтянулась на руках и прыгнула в летний день.

Тут же она поняла, что очутилась в раю, и рай ей очень-очень понравился, тем более что тут же был ее родной дом.

Девочка побежала вокруг дома и увидела перед дверью бабушку, папу и маму.

Бабушка стояла с корзинкой клубники, мама с огородной тяпochкой в руке, а папа у велосипеда.

— Мама, бабушка, папа, мы в раю! — закричала девочка.

— Ой, как это ты выскочила из постели, врачи тебе еще не разрешают вставать! — закричала бабушка. — А ну, пошли в дом!

Бабушка отвела девочку в ее комнату и уложила в кровать.

В комнате была новость — со стены исчезла дедушкина картина.

— Бабуля, а где картина? — тут же закричала девочка.

Бабушка, подоткнув одеяло внучке, ответила:

— Ты знаешь, полгода назад тебя ведь нашли почти мертвую на полу в подвале, ты там замерзла. В этот день по всей стране отключили отопление ради экономии. Я нашла тебя там только утром — мы всю ночь слушали радио в большой комнате и думали, что ты спишь.

— Полгода назад?

— Да, ты болела полгода! Сейчас уже июнь, а был-то декабрь!

— Я не болела ни единой секунды! — сказала девочка.

— Ты просто была без сознания, так вот, когда ты уже почти умерла, вдруг со стены сорвалась эта картина нашего дедушки. Она разбилась в мелкую пыль — даже не осталось рамы, которую дедушка вырезал сам. И ты тут же крепко заснула и спокойно задышала, и я в первый раз тоже заснула спокойно...

— Бабушка, значит наш дедушка все-таки решил пожертвовать делом всей своей жизни, — серьезно сказала девочка. — И он спас всех от Вечной Зимы...

— Ну не говори глупостей, — рассердилась бабушка. — Как раз когда рухнула со стены его картина, ученые

выступили по радио и признали, что Вечная Зима — это ошибка в расчетах и ничего такого быть не может. И в этот день началась весна и тебе стало полегче. А во-вторых, наш дедушка давно помер и ничего уже отдать не мог...

— Но он же сказал, что будет вечно жить в своей картине.

И бабушка ответила:

— Вообще-то он был такой необыкновенный человек, наш дедушка...

А на стене, где раньше висела картина, шевелились солнечные зайчики и тени зеленых листьев, и казалось, что стена живая, дышит и смеется от радости.

Матушка-капуста

У одной женщины была девочка, очень маленькая, звали ее Капля, Капочка. Девочка была очень маленькая и никак не росла. мать ходила с ней по врачам, но покажут им девочку, а они не берутся лечить: нет — и все! Даже ничего не спрашивали.

Тогда мама решила для начала Капельку не показывать, уселась у одного врача в кабинете и спрашивает:

— Как быть, если ребенок плохо растет?

А врач отвечает, как полагается врачу:

— А что с ребенком? Какова история болезни? Как этот ребенок родился? Как ел?

И так далее.

— Ребенок этот не родился, — отвечала несчастная мать, — я нашла его в капусте, в ранней капусте. Я сняла

верхний лист, а там лежит девочка капусточка, капочка, капля. Я ее взяла и воспитываю, а она совсем не растет, уже два года.

— Покажите ребенка, — говорит врач.

Мама Капочки достала из нагрудного кармана коробочку, из коробочки половинку фасолины (выдолбленную), а в этой половинке уже сидела, терла глаза кулачками малюсенькая заспанная девочка.

Мама также достала из сумки лупу, и в эту лупу доктор стал разглядывать Капочку.

— Чудесная девочка... — бормотал доктор. — Хорошо упитана, молодец, мамаша... Встань, девочка. Так. Молодец.

Капочка вылезла из половинки фасолины и прошлась взад-вперед.

— Ну что же, — сказал доктор. — Я вам скажу: девочка чудесная, но ей не здесь надо жить. Не знаю где. Здесь ей никто не компания. Не то место.

Мать отвечала:

— Да она и сама рассказывает, что видит сны, как будто бы она жила на далекой звезде. Она говорит, там все были с крылышками, летали по лугам, она тоже, она пила росу и ела пыльцу, и у них был кто-то, какой-то старшой, который готовил их, что некоторым придется уйти, и они все со страхом ждали, когда начнут таять крылышки, — тогда старшой вел их на высокую гору пешком, там открывался вход в пещеру и ступени вниз, и все провожали того, у кого растаяли крылья, и он уходил вниз и становился все меньше и меньше, пока не превращался чуть ли не в каплю...

Девочка на столе кивнула.

— И моя красавица тоже однажды была должна уйти вниз, она плакала, спустилась по лестнице, и тут ее сон кончился, она проснулась у меня на кухонном столе в капустном листке...

— Так, — сказал доктор. — А у вас, что было в жизни у вас? Какова ваша история болезни?

— У меня, — сказала женщина, — что у меня! Я люблю ее больше своей жизни, страшно думать, что она снова уйдет туда... А история такая, что меня покинул муж, а должен был быть ребенок, но я не родила его... Мне было тяжело... Я пошла к врачу, меня направили в больницу, и там моего ребеночка убили у меня в животе. Теперь я молюсь о нем... Может быть, он там, в стране снов?

— Хорошо, — сказал врач, — я все понял. Вот вам записка, отнесете ее к одному человеку... Он монах, живет в лесу, он очень странный человек, и не всегда его можно найти. Вдруг он поможет, кто знает.

Женщина опять уложила свою Капельку в колыбельку из фасоли, потом в коробочку, потом в кармашек, забрала лупу и ушла — прямо сразу к отшельнику в лес.

Она нашла его сидящим на камне у шоссе. Она показала ему записочку и потом на нагрудный карман — без слов.

— Надо отдать ее обратно, где взяли, — сказал монах. — И не смотреть больше.

— Обратно куда? В магазин?

— Дура! Где ее взяли-то?

— В капустном поле. Я и не знаю где оно.

— Дура! — сказал монах. — Умела грешить, умей и спастись.

— Где оно?

— Все, — сказал монах. — И не смотреть.

Женщина заплакала, поклонилась, перекрестилась, поцеловала у монаха край его грязной, вонючей и рваной телогрейки и пошла. Когда она через минуту обернулась, она не увидела ни монаха, ни камня, на котором он сидел, — только клочок тумана.

Женщина испугалась и побежала. Наступал вечер, а она все бежала через поля, и вдруг она увидела капустное поле — совсем еще маленькие капустные бутончики сидели рядами на земле...

Моросил дождь, надвигалась тьма, и женщина стояла, держась за нагрудный кармашек, и думала, что не сможет

оставить свою девочку здесь одну, в холоде и тумане. Девочка ведь испугается и будет плакать!

Женщина тогда вырыла руками огромный ком земли вместе с капустным ростком, завернула его в свою нижнюю рубашку и потащила эту тяжесть в город, к себе домой.

Еле дойдя до дому, шатаясь от усталости, она уместила принесенный ком земли в самую большую кастрюлю и поставила эту кастрюлю с капустной рассадой на окно. Чтобы не видеть росток, она задернула занавеску; но потом подумала, что поливать-то рассаду необходимо! А чтобы поливать, придется видеть капусту!

И женщина перенесла капусту на балкон, в нормальные полевые условия: дождь — так дождь, ветер — так ветер, птицы — так птицы... Если бы ребеночек жил и рос внутри ее тела, как все дети, он бы был защищен от холода и всего остального — но нет, маленькой Капочке невозможно было спрятаться в ее теле, ей оставался для защиты только капустный листок.

Раздвинув молоденькие, крепкие лепестки капустного цветка, мать положила туда свою девочку — Капелька даже не проснулась, она вообще очень любила спать и была на редкость послушным, веселым и неприхотливым ребенком. Капустные листки были твердые, голые и холодные, они тут же сомкнулись над Капочкой...

Мать тихо отступила с балкона, закрыла туда дверь и стала одиноко жить, как и раньше: уходила на работу, приходила с работы, варила себе еду — и ни разу не посмотрела в окно, что там с капустой.

Проходило лето, женщина плакала и молилась. Чтобы хотя бы слышать, как там на балконе, она спала под самой дверью на полу. Если не было дождя, она боялась, что капуста завянет, если шел дождь, она боялась, что капуста сопреет, но мать все время даже запрещала себе думать, что и как там Капочка ест и как она плачет, сидя в зеленой западне, без единого маминого слова, без тепла...

Иногда, особенно по ночам, когда шел проливной дождь и гремела молния, женщина просто рвалась пойти на балкон и срезать капустный кочан, схватить свою Капочку, напоить ее капелькой горячего молока и уложить в теплую постель... Но вместо этого мамаша, как сумасшедшая, бежала под дождь и стояла там, чтобы показать Капочке, что ничего страшного в дожде и молнии нет. И она все думала, что недаром ей повстречался грязный отшельник и недаром велел вернуть Капельку туда, откуда ее взяли...

Так прошло лето, наступила осень. В магазинах уже появилась хорошая, крепкая капуста, а женщина все не решалась выйти на балкон. Она боялась ничего там не найти. Или найти увядший капустный росток и в нем только красный шелковый лоскутик, платье несчастной Капочки, которую она убила своими руками, как когда-то убила нерожденного ребенка...

Однажды утром выпал первый снег. Он выпал очень рано для осеннего времени. Бедная женщина посмотрела на свое окно, испугалась и стала открывать балконную дверь.

И когда дверь тяжело начала скрипеть, женщина услышала с балкона испуганное мяуканье, скрипучее и назойливое.

— Кошка! Кошка на балконе! — заметалась бедная женщина, подумав, что кошки забрались от кого-то из соседей. Ведь всем известна страсть кошек ко всему маленькому и бегающему.

Наконец балконная дверь подалась, и женщина выскочила на снег прямо в тапочках.

В кастрюле сидела роскошная, огромная капуста, кудрявая, как роза, а сверху, на многочисленных лепестках, лежал некрасивый худой младенец, красный, с шелушащейся кожицей. Младенец, зажмурив глаза-шелки, мяукал, захлебывался, дрожал стиснутыми кулачками, дрыгал ярко-красными пятками величиной со смородину... Мало того, на лысой голове ребенка лежал, прилипнув, шелковый красный лоскуток.

«А где Капочка? — подумала женщина и внесла кочан с ребенком в комнату. — Где моя девочка?»

Она отложила плачущего ребенка на подоконник и стала рыться в капусте, перебрала ее по листочку, но Капельки нигде не было. « И кто мне подложил сюда этого младенца? — подумала она. — Посмеяться захотели... Откуда ребенок здесь? Куда я его дену? Огромный какой-то... Подкинули мне... Капочку взяли, а эту подкинули...»

Ребенку явно было холодно, кожа его посинела, он плакал все писклявей.

Женщина подумала, что эта девочка-великанша ни в чем не виновата, и взяла ее на руки, осторожно, не прижимая к себе, отнесла в ванную под теплую воду, обмыла, вытерла и завернула в сухое полотенце.

Новую девочку она отнесла на свою кровать и укрыла там одеялом потеплее, а сама взяла из старинной коробочки половинку фасоли и стала ее целовать, плакать над ней, вспоминая свою маленькую исчезнувшую Капочку.

Уже было ясно, что Капочка исчезла, что вместо нее появилось это огромное, некрасивое, несуразное существо с большой головой и тошенькими руками, настоящий младенец, совершенно чужой...

Женщина плакала-плакала и вдруг остановилась: ей почудилось, что тот маленький ребенок не дышит. Неужели эта девочка тоже погибла? Господи, неужели она простудилась на подоконнике, пока шли поиски в капусте?

Но младенец крепко спал, зажмурившись, никому не нужный, действительно некрасивый, жалкий, беспомощный. Женщина подумала, что и покормить-то его некому, и взяла ребенка на руки.

И вдруг что-то как будто стукнуло ее изнутри в грудь.

И, как делают все матери на свете, она расстегнула кофту и приложила ребенка к груди.

Покормив свою девочку, мать уложила ее спать, а сама налила воды в кувшин и полила капусту, и оставила ее расти на окне.

Со временем кочан разросся, дал длинные побеги и мелкие бледные цветы, и маленькая девочка, когда в свою пору встала на слабые ножки и пошла, — первым делом отправилась, качаясь к окну и засмеялась, указывая пальцем на длинные ветки матери-капусты.

Две сестры

В одной квартире жили две сестры, они жили очень бедно. На обед варили картофель, на завтрак съедали по куску хлеба и выпивали стакан кипятка. Они были очень худые, но аккуратные. И всё у себя в доме держали в чистоте. Каждый день они выходили в магазин, и это для них было захватывающее приключение на много часов. Кроме того, обе были записаны в библиотеку и аккуратно раз в неделю меняли книги.

Одевались они тоже очень аккуратно, сами себе вязали кофты и теплые носки, варежки, шарфы и береты. А нитки добывали из старых шерстяных вещей, удивляясь, как много выкидывают некоторые люди на помойку. Короче говоря, их дни были заполнены до отказа. Иногда они что-нибудь находили во время своих прогулок: то кипу старых журналов со всякими полезными советами, выкройками и медицинскими рекомендациями, как что лечить, а то и какой-нибудь почти новый ящик, деревянный и прочный. Сестры очень любили ящики и каждый раз, принеся домой находку, долго вычищали новый ящик и решали, куда его поставить: под стол, на шкаф или на балкон. У них уже было

много ящиков и существовал целый план, как из этих ящиков сделать красивые полки для разных вещей в прихожей.

Однако все меняется, и старшая сестра, которой было семьдесят семь лет, заболела. Врач все не приходил, и младшая сестра, которой было семьдесят пять лет, сидела у кровати и перебирала в коробке из-под туфель разные старые лекарства, оставшиеся еще от мамы и бабушки и от детей: какие-то безымянные порошки в пакетиках, какие-то мази в облупившихся тюбиках и уже пустые бутылочки и флакончики.

Старшая сестра умирала, это было видно. Она тяжело, хрипло дышала и ничего не могла ответить. Младшая сестра, ее звали Лиза, отчаянно перебирала порошки и мази, надеясь найти что-нибудь против старости, ибо врач на прошлой неделе сказала, что больная умирает от старости и что старость — это тоже болезнь. Лиза бестолково рылась в коробке и плакала, а Рита, старшая сестра, дышала все реже и наконец замерла, глядя в окно. Лиза закричала от горя и помазала остатком какой-то мази полуоткрытый рот сестры, а потом испугалась, что эта мазь может быть ядовитой, и помазала и свой рот, чтобы уйти вместе в случае чего.

В тот же момент, когда мазь начала таять на губах у Лизы, она как будто бы заснула. Во сне ей виделись какие-то люди в черном, которые падали с потолка и исчезали под полом. Они летели, как снег, их было очень много, но вдруг воздух очистился и Лиза проснулась. На кровати лежала чужая девочка в огромной ночной рубашке Риты и таращила глаза.

— Девочка, — сказала Лиза, — ты что тут улеглась? Тут тебе не место таращить глазки! Тут тебе не шутки! Где моя Рита?

— Девочка, — ответила та девочка тонким и вредным голосом, — ты как здесь оказалась, ты чего здесь делаешь? Где Лиза?

— Какая девочка? — сказала Лиза. — Я тебе не девочка!

И она потянулась, чтобы схватить ту девчонку за руку. И вдруг Лиза увидела, что из ее темного старушечьего рукава высунулась маленькая белая ручка с розовыми ногтями! Чья-то рука высунулась из ее собственного рукава!

Лиза страшно испугалась. Она втянула эту чужую руку обратно в свой рукав, рука втянулась. Одежда Лизы как будто опустела, повисла на ней, как чужая. Бедная Лиза закричала: «Что вы со мной сделали?» А девочка на кровати закричала: «Убирайся немедленно отсюда!» И стала пинать Лизу ногой в Ритином сером шерстяном носке, который Рита сама связала. Старушки ведь на ночь надевают носки. И Лиза в последний раз этой ночью надела шерстяные носки на холодные ноги умирающей Риты!

Лиза онемела от гнева и стащила Ритин носок с этой нахальной ноги девчонки.

Девчонка же вцепилась в носок и заорала:

— Это мой носок!

— Это Риточкин носок, — закричала Лиза, — она сама его вязала, он штопанный, он Ритин!

Девчонка заорала:

— Я его вязала, я штопала, ты что? Я Рита.

— Ты Рита?

— Я Рита, а вот ты кто, дрянная девка?

— Я Лиза! — воскликнула Лиза.

Тут они, конечно, подрались, а потом заревели, а потом Лиза сказала:

— Я поняла, я Лиза, а ты Рита! Ты не умерла, Рита?

— Конечно, нет, — сказала Рита.

— Вчера ты плакала, а я слышала и знала: напрасно она плачет. Я не умру, я это знала.

Лиза спросила:

— А ты чувствовала, что я мажу тебе рот мазью?

Рита ответила, что, разумеется, чувствовала. И это была самая большая радость в ее жизни. Во рту горел огонь, потолок начал уходить в пол, посыпались какие-то черные люди.

— Да, да, да! — закричала Лиза. — Я тоже помазала губы себе этой мазью и тоже почувствовала, что это самая большая гадость в моей жизни!

— Где эта мазь? — спросила Рита. — Надо ее сохранить! Ты понимаешь, о чем идет речь?

— Да, — ответила Лиза, — но там ее очень мало оставалось.

— Вот если бы ты ошиблась и намазала бы мне рот погуще, я бы вообще в пеленках валялась, как дура, — сказала Рита. — Хорошо, нам сколько теперь лет?

— Мне, наверное, двенадцать.

— Мне, я чувствую, тринадцать с половиной. Я уже почти взрослая, — сказала Рита.

— А мама с папой как же? — со слезами в голосе спросила Лиза. Она как младшая была самой большой плаксой, и ее больше всех любили родители.

— Ну что мама с папой? — рассудительно ответила Рита как старшая. — Где я тебе опять возьму маму с папой, чтобы они тебя, как всегда, баловали. Мама с папой ты знаешь где. На кладбище уже тридцать пять лет.

Лиза начала плакать о маме и папе. На душе у нее было мрачно и печально, а за окном светило солнышко и летали птицы. Рита стала как старшая прибираться в комнате, а юбку свою подвязала поясом, потому что юбка с нее падала.

Лиза смотрела вся в слезах на Риту и думала, что опять Рита старше, опять она начнет командовать и не давать проходу: руки мой, кровать убирай, за картошкой иди. Маму-папу слушайся. И тут Лиза вспомнила, что мамы нет и папы нет, и прямо завизжала от горя.

Рита подняла с полу коробку с лекарствами и стала искать в ней мазь. Лиза все плакала. Рита не нашла мазь и расстроилась до слез. Они сидели каждая в своем углу и плакали.

— Я не хочу с тобой жить, вредная Рита, — сказала, наконец, Лиза.

— Я-то, думаешь, хочу? Я тебя все восемьдесят пять лет твоей жизни приучала к порядку и не приучила. Куда ты

засунула мазь, ты же знаешь, что это за мазь, ведь мы могли бы быть молодыми, вечно прекрасными, вечно семнадцати лет!

— Ага, тебе-то будет семнадцать, а мне еще пятнадцать, причем вечно, а я не хочу! В пятнадцать лет все тебе делают замечания, в пятнадцать лет, я помню, я все время плакала.

— Но ведь жизнь опять промелькнет, как сон, — заметила Рита.

— Все равно мази нет, — сказала Лиза. — Лично я хочу вырасти, выйти замуж, родить детей.

— Охо-хо, — сказала Рита, — все снова-здорово: болезни, роды, стирки, уборки, покупки. Работа. На улице то демонстрации, то митинги, не дай Бог опять война, — зачем все это? Все любимые наши давно там, и я бы хотела уже находиться там.

— А что бы я без тебя делала, одинокая больная старуха! — снова заплакала бедная Лиза, вытирая маленькой ручкой слезы и сопли со своего курносого носа. — Кто бы пожалел бедную старуху, кто бы ее похоронил? — редела она.

А Рита тем временем все искала и искала волшебную мазь.

Однако ближе к ночи сестры сварили себе по картошке. Причем ели с отвращением и картофельный суп с луком, и пюре на второе, и кефир на третье. Очень хотелось пирожного, мороженого или конфет, в крайнем случае хлеба с сахарком.

— Как это мы могли есть такую бяку? — сказала Лиза, не доев картошку.

— А что делать? Пенсии-то маленькие.

— А зачем нам семнадцать ящиков? — спросила Лиза.

— Мы же хотели сделать прихожую, ты помнишь, полки?

— Да ну. — сказала Лиза, — какая-то противная квартира, нищета какая-то, никого невозможно пригласить в гости. А куда куклы-то подевались?

— Да ты помнишь, наша внучка-то три года назад...

— Ах, да, она последний раз приезжала и выкинула все старые игрушки, в которые когда-то сама играла.

— Мы берегли для ее деток, берегли, она приехала и выкинула.

— А мой велосипед? — спросила Лиза.

— Его разобрал твой внук, хотел собрать из него автомобиль, но потерял какой-то винтик.

— Ах, да, он еще сломал нашу швейную машину. Ах, да.

— Милые детки, — сказала Рита. — Вот они удивятся, что вместо двух старушек у них появились две девочки-бабушки?

— Они нас не узнают, — сказала Лиза, — Они нас выкинут из квартиры и начнут вести следствие, кто убил старушек и живет вместо их, ты представляешь?

— Да! А как теперь почтальон нам отдаст старушкины пенсии?

Тут девочки всерьез забеспокоились. Пенсию принесет знакомая почтальонша. Рита получала пенсию через два дня, а Лиза через неделю. Надо было что-то предпринимать.

Теперь вопрос, как выглядеть перед соседями. Соседи были люди очень активные. Все время то слушали музыку, то ругались, то роняли посуду, то их дети сидели на лестнице, курили и громко разговаривали на таком языке, от которого у старушек закладывало уши, темнело в глазах и прекращалось всякое понимание. И так, ничего не понимая, старушки уходили в магазин, в парк, в библиотеку и возвращались в подъезд, где на лестнице очень плохо пахло, воняло дымом, как после пожара, и шел громкий разговор молодежи на непонятном языке.

Девочки Рита и Лиза стали думать, как быть.

Можно, конечно, уходить в парк или в библиотеку допоздна. Но молодежь, что самое опасное, именно на ночь глядя созревала для решительных дел, и по утрам в подъезде очень ругалась уборщица, которая вообще приходила только когда имела свободное время (а кто в наше

время его имеет?). Уборщица приходила тогда, когда жильцы писали жалобы в городскую газету, а также в Верховный Совет.

Сестры и так до своего волшебного преобразования жили как возле вулкана. Соседские дети очень следили за старушками и время от времени взламывали их квартиру. Дело кончалось плачем старушек, приходом милиции и констатацией того факта, что «ничего не украдено, только приходили попить водички, а ваше барахло нам ни к чему». Составлялся акт, и еще долгое время проходы старушек через подъезд на улицу сопровождалось громким искренним смехом детей.

Лиза и Рита притихли. Если бы они жили на первом этаже, можно было бы выходить через окно. А они жили на шестом. Девочки представили себе, что будет, если они выйдут на улицу.

Исключение составляло раннее утро. К утру все компании обычно уставали и разбрелись. В пять утра, это было проверено, они все спали.

Но возвращаться нужно было не позже девяти. В девять утра часть детей уже была в школах, а та часть, которая прогуливала, еще спала. Те же, кого судьба в виде непреклонных родителей выгоняла на улицу идти в школу, держались первые два часа подальше и от школы, и от дома.

Надо было также избегать и взрослых. Обычно все в подъездах волей-неволей знают соседей, особенно с годами, а дом стоял уже тридцать лет. Лиза и Рита получили эту квартиру после того, как их, еще сравнительно молодых женщин, пятидесяти пяти и пятидесяти семи лет, выселили в новый район. А в их прежнем доме устроили сначала ремонтную контору, а потом вообще ничего, а теперь там был сквер и песочница.

Лиза и Рита еще были тогда счастливы, что их поселили в доме с лифтом и с балконом, но все тридцать лет их донимали люди, которые обязательно хотели переселить сестер в еще худшие квартиры или вообще в другой город, чтобы самим жить именно в этой удобной квар-

тире с балконом и лифтом. Эти люди постоянно пытались навешать бабушек, особенно когда пронюхали, что Ритины дела плохи. Разумеется, эти люди предлагали бабушкам деньги, и очень большие. Бабушки же привыкли к своему новому жилью и к двум милым чистым комнаткам окнами в садик, к балкону, на котором они гуляли, то есть дышали воздухом, когда нормальным человеческим путем уйти из дома было уже нельзя. Тогда-то старушки придумали еще и корзиночную почту. Та, что дома, спускает из окна корзинку на веревке, а та, что внизу, кладет туда покупки. Это на случай, чтобы соседские дети не обобрали по дороге к лифту, в лифте или же на выходе из лифта. Идти пешком вообще не представляло тогда смысла, да и последние десять лет не по силам. Шутка ли, шесть этажей, да еще соседские деточки, не голодные, но любопытные.

Кроме того, вставал вопрос об одежде. Невообразимо было ходить в том, в чем ходили последнее время Рита и Лиза, в этих аккуратно залатанных, но уже редких, как решето, юбках. Причем Рита и Лиза надевали их по нескольку, одну на другую, для тепла и прочности. Кофты-то были свои и своей вязки, шерстяные. Рита даже умудрилась построить зимнее пальто: перед вязаный, спинка суконная, воротник тоже вязаный, а рукава суконные, но манжеты опять-таки вязаные. Сестры считали это их общее зимнее пальто последним криком моды. Они видели, каким завистливым взглядом провожают их старушки из очередей и со скамеек. Сестры носили это пальто по очереди, по праздничным дням. А дети давились от смеха, глядя на старушек. Дети просто плакали от смеха.

Бабушкам приходилось тяжело, но это было ничто по сравнению с тем, что ожидало их, двух теперь маленьких девочек.

Рита с Лизой беседовали всю ночь, пустив в кухне для шума воду из крана.

Раньше, когда они были детьми, они ссорились, играли, сплетничали. Рита воспитывала Лизу. Лиза сопротив-

лялась. Кругом были взрослые, которые не разрешали поздно приходить, болтаться с кем попало и приносить плохие отметки. Времена были суровые, голодные. Однако папа и мама, хоть и голодные, но тоже были суровые. Папа и мама держались всегда вместе, потому что были времена, когда судьба их разлучала, и поэтому они молча и крепко держались друг за друга и вели как будто бы все время безмолвный разговор, прерывая его затем, чтобы сказать что-нибудь девочкам. Папа с мамой и умерли с разницей в день, словно спелись. Они хотели умереть вместе, но не получилось. Мама умерла через сутки, полежала, полежала и не проснулась. На похоронах люди говорили, что старикам повезло, что такое бывает только в сказках: жили счастливо и умерли в один день. А все равно не в один же момент умерли эти счастливые якобы люди. Кто-то успел увидеть и понять, что остается один, и кто-то плакал.

Девочки совещались до утра.

Они сказали друг другу, что все хорошо, все прекрасно. Они молоды; они еще совсем маленькие, они умные, они не дадут себя в обиду, они будут закаляться и заниматься гимнастикой и борьбой. Мало ли школьных кружков. Одна будет шить и зарабатывать на жизнь, раньше ведь шила. Надо будет сходить по помойкам, некоторые выкидывают старые швейные машинки. Другая научится выращивать на балконе цветы. Земли кругом полно, и ящики пригодятся, а семена можно собрать по паркам. Надо только научиться лазить по канату, и тогда проблема соседей отпадет сама собой. Много планов составили две живые девочки. Один раз они даже поссорились, поругались и поцарапались, но дети есть дети — в конце концов они помирились и договорились насчет получения пенсии и почтальонши, что Рита ляжет в постель под гору одеял и замотается шарфом до неузнаваемости, а подписываться будет рукой в перчатке. А Лиза будет при ней дежурной девочкой из школьного клуба милосердия. А в другой раз будет все наоборот.

Все можно устроить, ко всему привыкнуть, говорила Рита, а Лиза при этом добавляла, что хорошо, что внуки совершенно не навещают, а дети и сами старики, им тоже не до визитов. А телефона в доме нет. Как хорошо, что все так совпало.

Кончилась ночь, загалдели дети под окнами, собираясь в школу, а Рита и Лиза забрались на свои кровати и заснули.

Утро тем не менее наступило, солнечное, прохладное. На завтрак у девочек было по одному куску хлеба и по стакану кипятка с ромашкой. Затем обе девочки стали думать, как одеться в такой солнечный день. Немыслимо было надевать по три юбки и шерстяные кофты. Рита, однако, вытащила еще довольно крепкие простыни, подумала, достала кипу старых журналов, в которых можно было сориентироваться, что сейчас носят дети и молодежь.

— В жизни не надену такой позор, — закричала Рита.

А Лиза смотрела во все глаза и представляла себе юбку и блузку, все белое и все с кружевами.

Лиза кинулась к старым чемоданам в кладовке, все вытащила, глаза ее сверкали, сердце билось, руки были ледяные. Лиза долго рылась, пока не вышла Рита и не увидела кавардак на полу.

— Вот, — сообщила Лиза и протянула Рите комок лент и обрывки кружев, а Рита стала громко кричать, собирать с полу лоскутики, тряпочки, вещички, все детское, все никому не нужное, ползунки, пеленки, чепчики размером с апельсин, кофточки с зашитыми рукавами, все, что оставляли внуки, внучки, правнуки и что, думали старушки, пригодится праправнукам.

Конечно, при этом Лиза и Рита покричали друг на друга, однако до позднего вечера они все шили и шили, и Лиза сшила себе блузочку с кружевом, а Рита строгое платье из простыни с отделкой из ленточек от бывшего чепчика. Ленточки, когда-то голубые, давно стали серыми. Но серое с белым — это тоже изящно.

Короче говоря, к ночи сестры были одеты, оставалась проблема с обувью. Хорошо, что в старухах Лиза и Рита

берегли все для черного дня, не выкидывали ни валенок, ни калош, ни сандаликов, ни сапог. Все это, правда, лежало давно, слежалось, помялось. Но, по счастью, для Риты нашлись туфли, немного стоптанные, спортивного типа, модные лет пятьдесят назад, а для Лизы сандалии, совсем новые, но спрессованные и плоские, как блины. С большим трудом Лиза натянула сандалии на свои маленькие ножки и снова была поражена тем, какие тонкие ноготки у нее теперь на маленьких белых пальчиках.

— Как прекрасна молодость, — вздыхала тем временем Рита, глядя на себя в зеркало. (У них сохранилось одно отколотое сбоку зеркало, которое их немолодая внучка подарила как-то бабушкам на день рождения. Родственники иногда дарили старухам вещи, привозили порой даже целые рюкзаки). Девочки еле-еле дождались утра, съели по куску хлеба, выпили кипятку с прошлогодней мятой и пошли быстрыми шагами вон из дома. Стоял месяц май, дети или спали, или прогуливали, или маялись в школах. И старушки почти бегом выбрались на улицу. Была огромная проблема с транспортом, так как раньше бедных старух никто не спрашивал насчет билетов, пускали даже в метро. А контролеры обходили их, как зараженные радиацией места. Сестры решили, однако, пешком сходить в библиотеку, обменять книги. Долго сидели они, нарядные, во всем белом, в сквере, среди голубей и садовых рабочих, пока не открылась библиотека. Но и тогда они пошли не сразу. Рита сообразила, что они обязаны быть в школе. И если прийти в библиотеку раньше, как они привыкли, библиотекарьша спросит, почему прогульщицы так свободно ходят по городу.

Девочки сидели в сквере, куда постепенно стекались бабушки с внуками и молодые мамы с детьми. Мама сидели на скамейках и разговаривали, время от времени дико вскрикивая: «Куда полез?» или «Галина, встань немедленно!» Бабушки держались около своих внуков, как конвойные при арестантах, рядом с качелями создавалась

небольшая очередь из бабушек, ревнивая и строгая к соблюдению очередности. И даже если внук уползал к песочнице, лелея другие планы, бабушки все равно, когда подходил их черед, насильно сажали своих подконвойных на качели.

— Какие глупые, — заметила Лиза.

А Рита не ответила. Жизнь представлялась ей сложной до невозможности. Как прожить каникулы? Это еще ничего. Как потом не учиться? Обратят внимание. Учиться — это значит быть у всех на виду. И зачем учиться? Лиза и Рита были начитанные старушки. Но химия, физика и особенно математика вызывали у них даже в детстве глубокую зевоту.

Сестры пришли в библиотеку днем, когда совсем проголодались и в их животах урчало. Библиотекарша книги приняла и даже разрешила выбрать новые — якобы для опекаемых и больных старушек. Операция прошла удачно. Но вместо обычных Диккенса и Бальзака сестры вдруг взяли: Лиза — сказки Гауфа, а Рита — итальянский роман «Влюбленные». На обратном пути Лиза выпросила у Риты пачку самого дешевого мороженого. А потом они, не сговариваясь, свернули в парк и вдвоем слизали это мороженое, глаза на пруд с лодками.

— Лодки, — сказала Лиза.

— Послезавтра моя пенсия, — ответила Рита.

Вздыхая и вспоминая вкус мороженого, сестры смотрели на пруд, а вечер неумолимо приближался. Рита опомнилась первой:

— Надо бежать домой, скоро шесть, в семь они все выползают во двор. (Имелись в виду дети).

И сестры помчались что есть духу и успели. Во дворе пока что гуляла самая мелкота, приведенная из садика и ясель, на свежем воздухе дети носились, орали, плакали, а на скамейках плотно сидели родители, и полные сумки стояли у их ног.

Время подростков уже наступало, когда Рита и Лиза вбежали к себе в квартиру и заперлись на ключ, засов и на цепочку.

У Риты на вечер был большой план: связать из найденных лоскутков новый половик под дверь. Лиза же умоляла сшить ей из этих лоскутков юбку. В драке победила Рита.

На ужин был кефир, который Лиза пила ревя ревя, а Рита — прижимая к себе старую наволочку, полную лоскутков.

— Мне нечего носить, — всхлипывала Лиза. — У меня ни часов, ничего. Ни велосипеда. Ты посмотри, кто на улице?! Они все с часами и все катаются. Я не видела детства, у меня не было его. У всех девочек подруги и знакомые. У меня же только ты.

— Интересное детство в восемьдесят пять, — сказала Рита.

Лиза подавилась кефиром и замолчала.

— У тебя была прекрасная старость, — сказала Рита. — И довольно с тебя.

— У меня прекрасная? Вся моя старость прошла под твою дудку! — завопила Лиза. — Я сбегу от тебя. Я больше не хочу еще раз стариться у тебя в подручных.

Рита ответила:

— Если ты сбежишь, то обязательно попадешь в детский дом. А ты знаешь, что там хорошего для девочки твоего возраста?

— Там по крайней мере много ребят, — отвечала Лиза. — Там по крайней мере кормят, и там школа. Да, я поняла, куда мне надо!

— Но ты же читала в журнале, помнишь, рассказ о детдоме?

— Да, они там все ждут маму и папу. Но мне-то ждать некого!.. Мамуля, папуля! — закричала бедная Лиза. — Где вы?! — И разревелась с новой силой.

Рита не могла этого выдержать и отдала наволочку с лоскутьями Лизе. Лиза все плакала.

— Бери свои лоскутики, — закричала Рита. — И перестань орать!

— Да, а что ж ты мне не шьешь?! Ты же не шьешь! Мне юбку нужно!

— Если ты сейчас почишишь зубы и ляжешь спать, я завтра начну шить тебе юбку.

Разумеется, Лиза сказала:

— Если ты сейчас начнешь шить мне юбку, я почищу зубы и лягу спать.

Рита схватилась за голову и стала вспоминать, как в таких случаях поступала мама. Вспомнив, Рита, ни слова не говоря, повернулась и ушла в ванную. И долго стояла под душем, приходя в себя. Разумеется, когда она вышла из ванной, Лиза сидела и раскладывала лоскутки на полу.

— Завтра, все завтра, — спокойно сказала Рита. — Помоги мне собрать лоскутки. Запомни, какой лоскуток с каким.

Утром они опять вышли из дому рано и, не сговариваясь, пошли в парк. Там возились садовые рабочие, было пусто. В буфете разгружали грузовик с бутылками, и толстая буфетчица караулила товар с бумажками в руках. На пруду стояли в воде лодки и плавали черные лебеди, иногда погружая голову в перья и шаря под крыльями, как рукой под мышкой. У пруда уже торчала ранняя мамаша с ребеночком и зевала. А ребеночек, лет двух с половиной, звал: «Голубеди, голубеди!» Но ни голуби, ни лебеди к нему не шли, понимая, что это несерьезно.

Лиза и Рита сели, по своему обыкновению, на любимую еще в старушках скамейку и горестно замолчали. Они часто посещали эту скамейку в предвечерние часы. У них была даже одна как будто бы подруга, у которой они расслышали, правда, только отчество. Генриховна. И были две нелюбимые собеседницы. Про себя Лиза и Рита называли их Чумка и Холера. Они были очень разные, но в прошлом руководящие работницы. Стриглись коротко, под императора Нерона, и обе были на него похожи. Только у Чумки юбка была покороче. Генриховна, милая, интеллигентная женщина, бывший детский врач, осталась совершенно одна по невыясненным обстоятельствам, она никогда ничего не рассказывала.

Чумка с Холерой состояли постоянно в гражданской войне. Чумка — со своими соседями, а Холера — со своими родственниками. Из-за этой опасной обстановки Чумка и Холера находились почти круглые сутки на воздухе, сидели в парке на скамейке, питаясь хлебом и кормя голубей. Рита и Лиза, обе деликатные старушки, вынуждены были слушать рассказы Чумки и Холеры почти ежедневно. Но что делать? Это у них был единственный сквер в округе. И все скамейки тут принадлежали уже сложившимся группировкам. Старушки сидели на скамейках, а старички находились в другом конце сквера и предавались там азартным играм, толпясь вокруг доминошников и редких шахматистов. Проходы случайных старичков через круг, по сторонам которого стояли скамейки старушек, сопровождалось значительным молчанием одних скамеек и щебетанием и смехом других, где сидели отщепенки, надеявшиеся выйти замуж, как видно. Молчаливые скамейки мужиков ненавидели, всех до единого, все возрасты и уже давно.

Таким образом, Рита и Лиза сидели утром на своей скамейке. В этот ранний час Чумки и Холеры еще не было. Рита и Лиза подавленно молчали. Пора было идти в магазин, становиться в очередь. А потом бегом пройти по помойкам в поисках швейной машины и мчаться домой шить Лизе юбку. Но они сидели, как бы окаменев.

Внезапно на скамейку села старушка. Девочки оцепнели еще больше. Это была Генриховна. Генриховна ласково поглядела на Лизу и Риту и сказала: «Здравствуйте, дети!» Рита и Лиза переглянулись и молча кивнули. Вся их воспитанность улетучилась. Они вели себя, как настоящие подростки, т.е. не поздоровались и ощетинились: с какой стати чужая старуха к ним пристаёт?!

— Девочки, — сказала Генриховна, — можно к вам обратиться?

— Ну, — ответила настороженно Рита. А Лиза встала со скамейки со словами:

— Пошли отсюда, блин!

Генриховна как-то жалко улыбнулась и закрыла глаз.

— Больная, что ли? — сказала Рита.

Генриховна не открывала глаза.

— Лиза, — сказала Рита, — я сбегая в аптеку, а ты сиди.

— Пряма, — сказала Лиза, — я боюсь мертвецов.

— Дура, — сказала Рита, — она дышит. Пощупай пульс.

— Ага, завтра, — сказала Лиза. — Я их боюсь.

Они разговаривали точно так же, как их знакомые дети, опуская только бранные слова. Рита пощупала пульс у Генриховны.

— Нужно это, ну, от сердца, я забыла, нитро... что-то... глицерин, да.

— У меня в сумочке был, — заикнулась было Лиза, но прикусила язык. Те времена прошли, когда она ходила с большой заплатанной сумкой и с нитроглицерином. Генриховна, надо было надеяться, ничего не слышала.

— Бабка, во бабка! Зажмурилась совсем, — продолжала Лиза. — Сейчас отбросит копыта. Пошли.

— Ага, шурши пакет под лавку, — угрожающе сказала Рита. — Сиди, я сбегая в аптеку, а то стукну, позвонки в трусы посыпятся, сиди сейчас же. У меня еще остались деревянные.

Лиза сидела с Генриховной, которая еле дышала. «Зачем, бабка, врача не вызвала? Во, блин!», — говорила вслух Лиза. А сама полезла к ней в сумочку. Наверняка там, как у всех запасливых старушек, у Генриховны находилось любимое лекарство. Что-то там лежало. Лиза вынула таблетку и сунула ее Генриховне в замкнутый рот. Генриховна инстинктивно зачмокала, как младенец, проглотила и через несколько минут открыла глаза. Лиза на всякий случай отодвинулась.

— Что со мной, где я? — сказала Генриховна.

Лиза молчала. Генриховна спросила:

— Девочка, это ты мне дала лекарство?

Лиза сказала:

— А че? Я в сумке у вас ничего не брала. Нельзя, что ли? Жмуриться начали. Вы проверьте.

— Девочка, ты спасла мне жизнь. Ты не проводишь меня до дома?

— Нет, — сказала Лиза. — Я тут сестру жду.

Генриховна кивнула и продолжала сидеть. Наконец прибежала Рита. И на ходу затрещала:

— Поразительно неквалифицированные работники здравоохранения, — но потом она осеклась и произнесла: — Во, блин! Без рецепта не дают, а детям вообще... Вызывайте, говорят, «скорую»... А телефон у администратора. Говорит: «Звони из автомата, тут нечего шляться». А автомат сломатый.

— Девочки, мне не добраться до дома, — сказала Генриховна. — Меня зовут Майя Генриховна. Помогите мне, я вам что-то дам. У меня есть неношенная блузочка, крепдешиновая. Может, вам подойдет.

— Ну, — сказала Лиза утвердительно, в том смысле, что подойдет. И они повели Генриховну к ней домой.

Генриховна ни о чем не догадалась. Они вскипятили ей чай, сбегали в булочную ей и себе за хлебом. Получили чудесную кремовую блузку с оборками и воланами. И что еще лучше, увидели у Генриховны старую швейную машинку. Генриховна обещала им еще дать много чего и сказала, что позвонит родителям, чтобы они не удивлялись насчет блузки.

— А у нас нет телефона, — сказала на это Рита.

— И родителей, — ляпнула Лиза и прикусила губу.

— Они не удивятся, — подтвердила Рита.

Девочки успели домой как раз перед началом вечерней прогулки детей, которых, можно сказать, вышибала из дома сама жизнь: возвращались с работы усталые и взвинченные после долгой дороги и магазинов их мамы. Дети мгновенно от греха, не слушая вопросов об отметках и домашних заданиях, выскакивали на улицу.

И еще один вечер прошел в шитье юбки. На ужин были хлеб и кипяток с мятой.

— Как мы так жили, я не понимаю, — бормотала Лиза, сшивая лоскутки в три часа ночи. А Рита уже спала глубоким сном. И в результате Лиза утром плакала, что

это не юбка, а это лоскутное одеяло и что она такое не наденет, пусть Рита сама носит. Рита, тоже расстроенная, пришила к юбке два ряда ленточек, подумала еще и сделала подкладку из старой простыни.

— Все, можешь надевать, — сказала Рита. Лиза, рыдая, надела юбку и посмотрелась в зеркало. Потом, всхлипывая, она надела еще и блузку Генриховны и стала вертеться то одним боком, то другим. А потом упала на кровать лицом в подушку и сказала, что в таких сандалиях больше ходить не может. Это детский сад и кошмар.

После этого они заснули и проспали до вечера, имея в шкафчике хлеб, а в мешочке четыре картофелины, одну луковицу и одну свеклу. Рита проснулась раньше и, жалея заплаканную Лизу, сварила борщ и подсушила хлеб в виде сухарей.

За дверью на лестнице до двенадцати ночи раздавался буйный хохот большой компании и звенело стекло. В семь утра, осторожно отворив свою дверь, чтобы вынести мусор, Рита наделала шуму. К ручке ее двери были привязаны за горлышко две пустые бутылки, которые громко брякнули о стенку. Это была совершенно обычная вещь. Это был привет от гуляющей молодежи. И Рита, поискав вокруг, отвязала еще три пустых бутылки на своем этаже, а четыре лежали в лифте. Бутылки эти были частично из-под лимонада, а две были водочные. Рита все собрала и унесла домой. Бутылки можно был сдать и получить деньги. Небольшие, но на один день жизни хватило бы.

Это-то как раз и был день, когда приносили пенсию. Рита легла, Лиза замотала ей голову и шею платком и шарфом. На руку Рита надела перчатку (на другую она надела варежку, так как перчатка у них была одна). Почтальонша позвонила, Лиза открыла со скорбным видом и сказала, что прабабушке плохо, у нее экзема, и все лицо и руки болят. Но расписаться она распишется. Почтальонша дала Лизе карточку. Рита расписалась в комнате. Почтальонша отсчитала деньга, крикнула в комнату: «Выздоровливайте!» — и, ничуть не

удивившись, ушла. А Рита, молодец, расписалась как обычно.

Но жить на эти деньги могли только слабые, нищие, нетребовательные старухи, у которых ничего уже не растет: ни вес, ни рост, ни нога, а растут только редкие усики и ногти. И для стрижки их нужны только одни ножницы на всех. Старухам достаточно было подкопить за свою жизнь тряпья и носить его без стеснения.

Рита напряженно думала, что делать. Летом можно было еще прожить. Она знала несколько магазинов, около которых выставлялись ящики со сгнившими овощами и фруктами. И многие старушки выбирали себе на компот и на суп слишком дорогие для них в неиспорченном виде продукты. Так же можно было иногда посетить рынок. И богатые ленивые продавцы, преимущественно бабы, порой тешили себя тем, что дарили остатки нищим старушкам, которые, шатаясь от слабости, ходили по рядам и якобы пробовали, хороши ли сливы, кислая капуста или творог. Правда, почти всегда их гоняли от товара, как мух, крича: «Нечего тут, нечего!» Но детям этого не простили бы. Дети не могли, не имели права попрошайничать, пробовать капусту и даже продавать вязаные варежки. Таких детей немедленно бы выгнали или сдали в милицию. Но Рита была уже девочка с большим жизненным опытом. Она сама росла, росли ее дети, внуки. И она предвидела множество расходов. А Лиза как будто и не была матерью и бабкой. Она все забыла и видела только себя в зеркале, красивую, по ее собственному мнению, девочку, которую надо баловать и все ей дарить. Лиза всю жизнь была такая. И всю жизнь ее баловали. И баловал ее муж, который относился к ней как к ребенку. Но уже дети сами выросли балованные. И затем баловали своих детей, но только не старую, одинокую Лизу.

Когда наступило утро, Лиза не соизволила встать. Эту девочку пришлось долго будить. Надо было быстро завтракать и живо уходить из дому. Рита не открыла перед ней своих горьких дум. Рита предпочитала действовать, как

покойная мама. Ни на что не жаловаться, ни у кого не просить помощи, но и требовать от ребенка неукоснительно хорошего поведения.

И Рита собиралась купить две щетки и зубной порошок, которого у старушек не бывает по причине отсутствия настоящих зубов. И она собиралась заставить Лизу дважды в день чистить зубы.

В дверь позвонили.

Лиза побежала открывать. И Рита ничего не успела сказать, как в квартире появился рыжеватый крепкий мужчина.

— Это опять я, — сказал он. — А где хозяйюшки?

Рита ответила, сильно испугавшись:

— Бабушек нет дома.

— Гм, в такую рань я думал, что застану. А можно их подождать?

— Их не будет сегодня.

— А где они?

— Они на даче.

— А вы что тут делаете?

— А мы, — ответила Рита, — тоже собираемся уезжать.

— А что вы не в школе?

— А у нас scarлатина, — быстро соврала Рита. — Карантин в школе.

— Гм, — сказал мужчина. — Так.

Он пошел по квартире, осматривая потолки, трубы, краны, трогая оконные рамы с облупившейся краской.

— Гм, квартиру придется ремонтировать. Гм!

Он пошел теперь смотреть балкон. Вид с балкона ему понравился.

— А зачем столько ящиков? Гм! Ну хорошо. И от метро близко. А телефона, я помню, нет?

— Нет.

Девочки раздраженно следили за ним. Наконец Рита сказала:

— Дядёнка, мы уходим.

— Уходите, уходите.

— А вы как же?

— А я пока побуду. Скарлатиной я болел. я не боюсь. Мне надо дождаться ваших бабушек. Мне они срочно нужны.

— А они же уехали на лето! — воскликнула Рита.

— Они же не приедут сюда, — пискнула глупенькая Лиза.

— Ну и ничего. Я поживу. У меня есть время.

— А что вам надо-то?

— А что? Я хочу к ним прописаться опекуном.

— Зачем? — спросила глупая Лиза.

— Как зачем? Я пропишусь, и квартира не пропадет.

— Что значит не пропадет? — сказала Рита.

— То и значит. Одна уже при смерти. Мне сказала на почте почтальонша. Вторая тоже на ладан дышит.

— Глупости. Как это на ладан?! — воскликнула Лиза. — Что вы бормочете, молодой человек! При чем вы здесь?

— Я первый пришел.

— Откуда у вас такие сведения? — спросила Рита. Щеки ее горели.

— Откуда, откуда... Я же знаю. Я пришел по адресу. Дали добрые люди.

— Ну что, — сказала Рита. — Придется вызывать Светиноного мужа и ее брата.

— А вы-то сами здесь никто, — сказал человек. — И не прописаны. Это не ваша квартира. А последнее слово за той, которая еще жива.

— Да не пропишет она вас. Она прописывает как раз нас, своих внучек, правнучек.

Мужчина сказал:

— Вы несовершеннолетние. И это незаконно.

— А сейчас уходите, — сказала Рита, — уходите.

— Нет, — ответил мужчина. И лег, лег прямо на Лизин диванчик. Потом подумал и снял туфли. Потом повернулся лицом к стене и заснул, как засыпают давно не спавшие люди. Сестры сели в другой комнате.

— Сумасшедший и аферист, — сказала Лиза.

— Лиза, сколько раз тебе говорила, не открывай дверь. И мама тебя просила, и я. Все из-за твоего глупого поступка.

— Я же маленькая, — возразила Лиза и заплакала горько-горько.

В соседней комнате храпели.

— Слушай, — сказала Лиза, — а давай найдем ту мазь и помажем ему рот.

— Ага, — ответила на это Рита. — И потом возись с малолетним хулиганом.

— А мы ему побольше помажем.

— Да эти в любом возрасте такие. Помнишь нашего соседика на Божедомке, в детстве? Ему было пять лет, и он нас бил ногами.

— А мы его сдадим в детский сад, отведем на улицу, а сами раз и в троллейбус.

— Жалко, — сказала Рита.

— Жалко тебе? Он ведь нас выгонит.

— Нет, это не дело, — подумав, сказала Рита.

— А убить его?

— Нет, убить мы не сможем.

— А нож к горлу?

— Дура ты, Лизка.

— Я его убью! — воскликнула Лиза.

— Да кто тебе разрешит? Убивать нельзя.

— Он агрессор.

— Он агрессор, да. Но ты видишь, ему негде жить, негде спать. Видишь?!

— Ты всегда всех жалеешь, кроме меня. Ты можешь себе представить, если мы уйдем, он сюда нас больше не пустит? — сказала Лиза. — Вставит новый замок. А если мы его сейчас как-то выгоним, он взломает дверь в наше отсутствие.

— Слушай, давай я оденусь бабушкой, а ты меня как будто приведешь, — сказала Рита.

— А как?

— Сейчас.

Рита лихорадочно стала одеваться во все старушечье. На руки надела перчатку и варежку. На нос очки. Лицо она натерла разведенной мукой, так что мука на лице засохла полосками и складками. А сверху нарисовала карандашом морщины. Пока они возились, в соседней комнате храп захлебнулся и голос афериста сказал: «А? Что? Не понял». Рита взяла в руки свою клюку. И они с Лизой пошли в прихожую. Стукнули там дверью, и Лиза сказала тихо, но внятно:

— Бабушка, мы тебя вызвали, потому что какой-то человек хочет у тебя здесь поселиться.

— Какие глупости! — хрипло, басом закричала Рита и замахала клюкой. — Где он?

Лиза подвела ее к диванчику, на котором лежал еще не проснувшийся хорошенько мужчина в расстегнутом пиджаке.

— Бабусь, — хрипло сказал он и откашлялся.

Рита палкой быстро стукнула его по голове и закричала:

— Милиция, милиция! Подозрительный элемент из тюрьмы.

Схватившись за голову, мужчина сел на диван, а Рита слегка стукнула его еще раз палкой по голове.

— Беги, Лиза, открывай дверь на лестницу. Пусть соседи вызывают милицию.

Лиза, как ветер, помчалась и стала стучать в собственную дверь. Мужчина задумчиво встал, зевнул, взял в руки туфли и в одних носках выбежал на лестницу, мимо Лизы. Сказал: «простите» — и как был, в носках, без лифта, быстро ссыпался вниз по лестнице.

Лиза с торжеством захлопнула дверь. Сестры кинулись обниматься. Потом Рита сказала:

— Нам нужна мама.

— Или бабушка, — откликнулась Лиза.

— Генриховна! — воскликнули обе.

Сестры быстро собрались — был уже белый день — и тронулись в путь. Они решили предложить Генриховне пожить у них. Тем более что у нее была швейная машина.

Они постучали в дверь Генриховны и не получили никакого ответа. Они долго стояли под дверью, барабанив кулаками и пятками, пока снизу не поднялась женщина с очень злым лицом.

— Вы что тут колотите, отравы?

— Извините ради Бога, — ясным голосом сказала Рита. — Мы пришли навещать больную, а что-то случилось.

— Что стучать, как психи? — успокаиваясь, сказала соседка. Она поднялась и позвонила в дверь рядом. Тут же открылась на цепочку дверь. В щели был чье-то большое сморщенное ухо.

— Дядя Сеня, — сказала женщина, — а чего с этой, из десятой?

— А че?

— Не открывает она. Милицию вызвать?

— Не знаю, — отвечал дядя Сеня, гремя цепочкой и открывая дверь пошире. Он предстал во всей своей красе: в голубой майке, в шапке-ушанке ушами вверх, тесемками вниз, в голубых кальсонах и бритый, но недели две назад.

— Ты чего? — спросила соседка.

— Болею, — отвечал дядя Сеня.

— Во, лучше с соседями жить, чем так, одной... Раз — и все.

— А соседи сдадут в богадельню, — отвечал дядя Сеня, весь в пуху, видно, спал на подушке.

— Ну, — сказала соседка. — Я пошла. У меня Володька спит, а эти как зачали колотить... Вы, девочки, сами кто?

— Мы ее родственники, — соврала скорая на такие дела Лиза.

— Но не прямые, — поправила ее Рита.

— А, ну что ж теперь.

А за спиной дяди Сени встала толстая бабушка, босая и с тряпкой в руках.

— Это про что разговор?

— А из десятой... Не открывает какой день...

— Вчера мы у нее были, все было в порядке, — опять соврала Лиза.

— А, ну в магазин побежала, — зевнул дядя Сеня и захлопнул дверь, наложивши затем цепочку.

Девочки вышли и сели во дворе ждать. Идти домой было страшно: а вдруг там на лестнице сидит этот рыжий мужчина и хочет их побить.

Тем временем подошел вечер. Было все еще светло, но в окнах зажигались огни. Бегали и кричали опьяненные свободой дети, отработавшие свой день в детском саду. Звучала музыка. Мимо ходили люди, но Генриховны не было. Может, ей стало плохо на улице, и ей вызвали «Скорую»? Девочки сидели очень долго, до полуночи, потом поплелись домой. На лестнице никого не было. Девочки быстро отперли дверь и скрылись у себя в квартире. «Слава тебе, Господи!» — воскликнули обе старушки в восторге. Приняли душ. Съели борщ с хлебом и выпили горячей воды. «О счастье. Дома, дома!»

Ночью Лиза во сне плакала. А Рита не спала и с тоской думала о Генриховне. За этот день у нее душа изболелась об этой чужой, посторонней старушке! Она вспомнила ее деликатность, спокойствие, тактичность даже по отношению к Чумке и Холере. Чумка и Холера часто консультировались у Генриховны насчет болезней. Но Генриховна была врачом для самых маленьких, микрopedиатром, то есть она была специалистом по детям в возрасте до одного месяца. И потому очень часто она просто сочувствовала, а рецептов не давала. А старая Лиза всегда вмешивалась и давала точные подробные советы, как что лечить. Лиза обожала лечить. «В сущности, — думала Рита, — Лиза спасла меня от смерти». Рита встала и, как это делала мама, подула на Лизин лобик. Лиза вздохнула и перестала скулить.

Утром девочки были опять у дверей Генриховны. Они позвонили. Прошло много времени, и в глубине квартиры что-то стукнуло и тяжело задвигалось. Прошло полчаса. Генриховна открыла им дверь, сидя на полу.

— Ой, здравствуйте, — залопотали девочки. — Где же вы были, мы к вам приходили.

Генриховна задумчиво смотрела на них с пола, опираясь на руку.

— Вам было плохо? Мы как чувствовали. Вы помните? Мы девочки из сквера. Вы нас поили чаем.

Генриховна кивнула.

— Мы забеспокоились и вот пришли. Как вы себя чувствуете?

Генриховна открыла рот, но ничего не сказала.

— Вы не можете говорить?

Генриховна вдруг заплакала. Она сидела на полу и лила слезы.

— Вам надо в больницу, — сказала Рита.

Они вдвоем втащили Генриховну в комнату. В комнате был перевернут стул и на полу лежал разбитый стакан в луже.

— Она так вот и пролежала весь вчерашний день, — сказала Рита. — А ну, Лиза, сбегай домой, поищи-ка мазь.

Лиза кивнула и помчалась.

Рита, как могла, уложила Генриховну, дала ей попить, сварила ей кашку на воде и покормила. А Лиза все не шла. Настал вечер. Лизы не было. И Рита беспокоилась все больше и больше. Куда могла деться двенадцатилетняя девочка с ключами? Ближе к ночи Лиза пришла бледная.

— Никакой мази нет, ни одной. Я искала как сумасшедшая. Я ушла, а они все уже сидели на лестнице. Но лифт пришел быстро, Я успела.

Лиза с Ритой поселились у Генриховны. Только один раз они ночевали у себя, чтобы получить Лизину пенсию. И опять устроили маскарад для почтальонши. Причем Рита строго предупредила ее никому адреса не давать.

Они кормили бабу Майю. Рита делала ей массаж, как когда-то отцу, доставала лекарства. Вызвали медсестру с уколами. Баба Майя все понимала и старалась изо всех сил, потихонечку делала гимнастику пальчиками, потом руками. Через полтора месяца баба Майя сказала:

— А-и-а...

— Спасибо вам, — прервала Рита.

Баба Майя дальше сказала:

— О-о-ые э-о-и (хорошие девочки).

К августу Майя Генриховна уже гуляла во дворе и говорила всем:

— Мои внученьки приехали.

В сентябре девочки пошли в школу. Майя Генриховна сходила туда и сказала, что они приехали издалека, немного поучатся без документов.

Кому какое было дело? Девочки пошли в школу, сначала с радостью, потом, как все дети, уже с неохотой, а иногда даже сопротивляясь по утрам, особенно Лиза.

Зато вечерами все втроем они беседовали, и Генриховна поражалась про себя, откуда у маленьких девочек такая мудрость и всепрощение, и она крестила их на ночь, повторяя:

— Это не простые дети.

А две малолетние старушки спали, и каждая надеялась, что все-таки найдется та волшебная мазь и для их родной Генриховны. Рите снилась Генриховна с чертами их мамы, молодая, красивая и строгая, и Рита робко радовалась своему счастью. А глупой Лизе, например, снилось, что крошка Генриховна кричит в пеленках, а у них с Ритой пропало молоко.

А по субботам они ходили к метро продавать носки и варежки.

Может быть, вы их там видели...

За стеной

Один человек лежал в больнице, он уже выздоравливал, но чувствовал себя еще плоховато, особенно по ночам.

И тем более ему мешало, что за стеной все ночи подряд кто-то разговаривал, женщина и мужчина.

Чаще всего говорила женщина, у нее был нежный, ласковый голос, а мужчина говорил редко, иногда кашлял.

Эти разговоры очень мешали нашему больному спать, иногда он вообще под утро выходил из палаты, сидел в коридоре, читая газеты.

Ни днем, ни ночью не прекращался за стеной этот странный разговор, и наш выздоравливающий начал уже думать, что сходит с ума, тем более что, по его наблюдениям, никто никогда не выходил из палаты.

Во всяком случае, дверь туда постоянно была закрыта.

Больной стеснялся пожаловаться на шум, только говорил, что плохо со сном, и лечащий врач отвечал: ничего, скоро вы поправитесь, дома все пройдет.

А надо сказать, что дома этого больного никто не ждал, родители его давно умерли, с женой он разошелся, и единственным живым существом в его доме был кот, которого теперь приютили соседи.

Больной выздоравливал медленно, жил с заложенными ушами, но и сквозь затычки он слышал все тот же разговор, тихий женский голос и иногда мужской кашель и два-три слова в ответ.

Кстати, сам больной уговаривал себя, что если бы он хотел спать, то заснул бы в любых условиях, и все дело просто в том, что пошаливают нервы.

Однажды вечером наш болящий вдруг ожил: разговор за стеной прекратился.

Но тишина длилась недолго.

Затем простучали знакомые каблуки медсестры, эти каблуки затоптались на месте, потом что-то глухо обрушилось, потом забегали, засуетились люди, забормотали, стали двигать стулья, что ли — короче, какой тут сон!

Больной вышел в коридор, не в силах больше лежать.

Он тут же увидел, что дверь в соседнюю палату, против обыкновения, распахнута настежь, и там находится несколько врачей: один склонился над постелью, где виднелся на подушке бледный профиль спящего мужчины, другие присели около лежащей на полу женщины, а по коридору бежит медсестра со шприцем.

Наш больной (его звали Александр) начал беспокоиться ходить взад и вперед мимо открытых дверей соседней палаты, что-то его притягивало к этим двум людям, которые как будто одинаково спокойно спали, с той только разницей, что мужчина лежал на кровати, а женщина на полу.

Задерживаться у дверей было неудобно, и больной стоял у дальнего окна, наблюдая за кутерьмой.

Вот в палату завезли пустую каталку, вот она медленно выехала обратно в коридор, уже с грузом, на ней лежала та самая женщина, и мелькнуло опять это спящее женское лицо, спокойное и прекрасное.

Надо сказать, что Александр знал толк в женской красоте и не единожды наблюдал свою бывшую жену у зеркала (перед походом в гости, например).

И каждый раз, видя очередную волшебницу (бриллиантовые глаза, полуразвернутый бутон розы под носом), он представлял себе это лицо перед зеркалом в виде белого, маслянистого блина с дыркой на том месте, где потом будет роза, и с двумя черными отверстиями там, куда затем вставят бриллианты.

Но тут, в больничном коридоре, Александра как будто кто-то ударил в самое сердце, когда мелькнуло это чужое женское лицо, лежащее на плоской подушке.

Печальное, бледное, простое и безнадежно спокойное, оно быстро исчезло за спиной санитаря, а потом задвинулись двери лифта, и все кончилось.

Потом Александр сообразил, что тело женщины, которую провезли мимо, укрытое простыней, выглядело безобразно большим и бугристым, как бы раздутым, и носки ее ног безжизненно торчали врозь — и он подумал, что в природе нет совершенных человеческих созданий, и от всей души пожалел эту толстую даму с таким красивым личиком.

Затем операция с каталкой повторилась, но на сей раз провезли чье-то тело, укрытое с головой.

Тут Александр понял, что это умерший из соседней палаты.

Наш больной, по природе человек молчаливый, ни о чем не стал спрашивать медсестру, которая пришла к нему утром ставить градусник.

Александр лежал и думал, что теперь за стеной полная тишина, но спать все равно невозможно, за прошедшие недели он как-то уже привык к этому долгому, спокойно-му разговору двух любящих людей за стеной, видимо, мужа и жены — было приятно, оказывается, слышать мягкий, ласковый женский голос, похожий на голос мамы, когда она гладила его в детстве, заплаканного, по голове.

Пускай бы они говорили так вдвоем все время, думал несчастный Александр, а теперь за стеной такая могильная тишина, что ломит в ушах.

Утром, после ухода медсестры, он услышал в соседней палате два резких, крикливых голоса, что-то брякало, стучало, ездило.

— Вот, доигрались, — с усилием произнесла какая-то женщина,

— Я ничего не знаю, — крикнула другая, — была в отгуле, ездил к брату в деревню! Они мне соломки на зуб не дали! Брат называется! Картошки насыпали, и все!

— Ну вот, — рывкнула первая, что-то приподнимая и ставя на место. — Ее обманул этот, травник. Ну который приезжал с Тибета.

— Ничего не знаю, — возразила вторая.

— Этот травник, он ей вроде много наобещал, если она отдаст ему все что у них есть, — крикнула первая откуда-то снизу, видимо, она полезла под кровать.

Слышимость была прекрасная.

— Все?

— Ну.

— Как это все?

— Она вроде продала даже квартиру и все вещи, — вылезая из-под кровати, очень разборчиво сказала первая.

— Дура! — крикнула вторая.

— Почему я знаю, потому что медсестры у нее что-то купили, холодильник и пальто и много чего, по дешевке.

Она даже цену не назначала: сколько, мол, дадите, столько и возьму.

— А ты что купила?

— А я в тот день вышла в ночь, они уже все разобрали.

— А я где была? — крикнула вторая.

— А ты была в отгуле, вот больше гуляй! — глухо сказала первая. Было такое впечатление, что она замотала рот тряпками, но, видимо, она опять полезла под кровать. — И он, этот врач, колдун этот, обещал, видно, улучшение. То есть сказал «Все кончится хорошо». Вот тебе и кончилось.

— Известное дело, — резко выкрикнула вторая. — Наши сразу врачи лягнули, что ему жить две недели, вот она, видно, и стала искать колдуна. Все ему отдала, а мужик все одно помер.

Даже через стенку было слышно, что она расстроилась из-за чего-то.

— Теперь что же, — завопила она, — ее все вещи у медсестер, а во что она ребенка завернет?

— А, — с трудом отвечала первая, все еще, видимо, из-под кровати, — да она сама-то при смерти, без сознания. Родит — не родит, выживет — не выживет. Ее на третий этаж положили, в реанимацию.

— Че ты там нашел? — крикнула вторая.

— Кто-то мелочь рассыпал, — пробубнила первая, вылезая из-под кровати.

— Сколько, — поинтересовалась вторая.

Первая не ответила и ссыпала все в карман.

Вторая продолжала с горечью в голосе:

— К ним в палату и заходить было тяжело. Я все думала, чего это она так радуется, сама в положении, муж у ей помирает, а она как на именинах сидит.

Первая назидательно сказала:

— Она все отдала и думала, что это поможет. Ничего себе не оставила. Может, она думала, что если муж померет, ей ничего больше не надо.

— Ну дура, — воскликнула вторая, — а этот... Травник что? Ну, колдун.

— Он забрал все деньги и сказал, что едет в Тибет молиться.

Удивительно, как все ясно было слышно!

Александр подумал, что, видимо, его бывшие соседи говорили очень тихо, если тогда он не мог разобрать ни единого слова.

Потом уборщицы начали обсуждать бесстыдное поведение некой раздатчицы в столовой (малые порции, не хочет кормить санитаров и носит парик в таком возрасте), пошумели еще и исчезли.

А Александр все никак не мог поправиться, барахлило сердце.

Пришлось задержаться в больнице.

Через неделю к нему пришли две санитарки с пачечкой денег и листом бумаги: они собирали средства одной женщине, которой надо было купить приданое для новорожденного сына.

Санитарки были очень любезны и даже стеснялись.

Они намекнули, что это «та», бывшая его соседка из палаты рядом.

Александр отдал все, что у него было, расписался на листочке и немного повеселел: во-первых, он дал очень большую сумму, во-вторых, если это та самая женщина родила, стало быть, все кончилось хорошо.

Он не стал ни о чем спрашивать по своему обыкновению, однако его состояние резко улучшилось.

Александр был, на свое счастье, не бедным человеком, только болезнь остановила его на пути к большому богатству; он любил деньги и не тратил их на пустяки, и сейчас его дела шли блестяще. Даже из больницы он умудрялся руководить своими сотрудниками.

А болеть он начал внезапно, однажды ночью.

Он шел пешком от метро, немного навеселе, поужинав с друзьями в ресторане, и недалеко от дома вдруг увидел грязного, какого-то заплаканного мальчишку лет десяти, который вынырнул из-за машины и спросил, как дойти до метро.

— Метро там, но оно уже закрылось.

На улице было холодновато, мальчишка немного дрожал.

Александр знал эту породу людей — они притворяются голодными, замерзающими, маленькими и беззащитными, а потом, стоит их привести домой, отмыть, накормить и уложить спать, они или утром исчезают, своровав что плохо лежит, или же остаются жить, что еще хуже, и к ним в один прекрасный день присоединяются какие-то подозрительные родственники, и приходится выпроваживать таких гостей, но ведь бродяги не знают стыда, ничего не стесняются и, сколько их не выгоняй, возвращаются на протоптанную один раз дорожку, колотят в дверь, кричат, плачут и просят погреться, и бывает очень неприятно — никому не хочется выглядеть жадным и жестоким.

Короче, у Александра был уже такой случай в жизни, и он насмешливо предложил мальчишке отвести его в милицию, если он заблудился и не может найти свой дом.

Пацан резко отказался, даже отскочил немного:

— Ага, а они меня тогда домой отправят.

Короче говоря, с этим парнем все было ясно, и Александр посоветовал ему зайти куда-нибудь в теплый подъезд, чтобы не замерзнуть — бесплатный совет сытого и довольного взрослого человека маленькому и убогому пройдохе.

На этом они расстались, мальчишка, дрожа, побрел куда-то по ночному городу, а Александр пришел домой, принял душ, заглянул в холодильник, поел холодного мяса и фруктов, выпил хорошего вина и пошел спать в добром расположении духа, после чего ночью проснулся от резкой боли в сердце и вынужден был вызвать «скорую».

Врачу в больнице он пытался что-то сказать о том, что встретил Иисуса Христа и опять его предал, но доктор вызвал еще одного доктора, и больной, пребывая как в тумане, услышал, что у него ярко выраженный бред.

Он пытался возразить, но ему сделали укол, и начались долгие дни в больнице.

Теперь, отдав свои наличные деньги, он заметно повеселел.

Все последние недели он неотрывно думал о том человеке, которого увезли под простыней и который так мужественно умирал, не позволяя себе жаловаться.

Александр вспомнил его спокойный, глуховатый голос.

Таким голосом говорят: все в порядке, все нормально, ни о чем не думай, не волнуйся.

А может быть, они и не говорили никогда о болезни, а говорили о каких-то других вещах, о будущем.

И она тоже не беспокоилась, она так радостно и счастливо рассказывала мужу, возможно, о том, как хорошо им будет вместе, когда они все вернутся домой, и какую кроватку надо купить ребенку: говорила, отлично зная, что денег не осталось совершенно.

Видимо, она верила в целительную силу трав, и ничего, кроме жизни мужа, ее не волновало, что будет, то будет.

Может быть, она рассчитывала, что если ее муж умрет, она каким-то волшебным образом тоже не останется жить.

Но, вероятно, наступило такое время, когда ей все-таки надо было существовать одной — неизвестно как, без дома и денег, с ребенком на руках.

И тут Александр смог вмешаться в ход событий со своими деньгами.

Он рассчитал так, чтобы бедной женщине хватило на весь первый год — она могла бы снять квартиру и продержаться, пока не найдет работу.

Какое-то счастливое спокойствие наступило для Александра в его последние дни в больнице, как будто он точно знал, что все будет хорошо.

Он начал спать по ночам, днем даже выходил погулять.

Началась прекрасная, теплая весна, по небу шли белые маленькие тучки, дул теплый ветер, зацвели одуванчики на больничном газоне.

Когда Александра выписывали, за ним пришла машина, и он, дыша полной грудью, в сопровождении друга пошел вон из больницы.

Тут же, у ворот, он нагнал небольшую процессию: санитарка из их отделения вела под руку какую-то худую женщину с ребенком.

Они волоклись так медленно, что Александр удивленно обернулся.

Он увидел, что санитарка, узнав его, густо покраснела, резко опустила голову и, пробормотав что-то вроде «я побежала, дальше нам нельзя», быстренько пошла обратно.

Женщина с ребенком остановилась, подняла голову и открыла глаза.

Кроме ребенка, у нее ничего не было в руках, даже сумочки.

Александр тоже приостановился.

Он увидел все то же прекрасное, спокойное молодое лицо, слегка затуманенные зрачки и младенца в больничном байковом одеяле.

У Александра защемило сердце как тогда, когда он только начинал болеть, как тогда, когда он смотрел вслед дрожащему мальчишке на ночной улице.

Но он не обратил внимания на боль, он в этот момент больше был занят тем, что соображал, как ловко санитарки ограбили беднягу.

И он понял, что с этого момента отдаст все, всю свою жизнь за эту бледную, худенькую женщину и за ее маленького ребенка, который лежал, замерев, в застиранном казенном одеяле с лиловой больничной печатью на боку.

Кажется, Александр сказал так:

— За вами прислали машину от министерства здравоохранения. По какому адресу вас везти? Вот шофер, познакомьтесь.

Его друг даже поперхнулся.

Она ответила задумчиво:

— За мной должна была приехать подруга, но она внезапно заболела. Или у нее ребенок заболел, неизвестно.

Но тут же, на беду Александра, на женщину с ребенком налетела целая компания людей с цветами, все кричали о какой-то застрявшей машине, об уже купленной кровати для ребенка и ванночке, и под крик «ой, какой хорошенький, вылитый отец» и «поехали-поехали» они все исчезли, и вскоре на больничном дворе остался стоять столбом один Александр с ничего не соображающим другом.

— Понимаешь, — сказал Александр, — ей было предсказано, что она должна отдать все, и она отдала все. Такой редкий случай. Мы ведь никогда не отдаем все! Мы оставляем себе кое-что, ты согласен? Она не оставила себе ничего. Но это должно кончиться хорошо, понял?

Друг на всякий пожарный случай кивнул — выздоравливающим не возражают.

Что Александр потом предпринимал, как искал и нашел, как старался не испугать, не оттолкнуть свою любимую, как находил обходные дороги, как познакомился со всеми подругами своей будущей жены, прежде чем смог завоевать ее доверие — все это наука, которая становится известной лишь некоторым любящим.

И только через несколько лет он смог ввести в свой дом жену и ребенка, и его старый кот сразу, с порога, пошел к новой хозяйке и стал тереться о ее ноги, а четырехлетний мальчик, в свою очередь, засмеялся и бесцеремонно схватил его поперек живота, но престарелый кот не пикнул и терпеливо висел, и даже зажмурился и замурчал, как будто ему было приятно свешиваться, поделившись надвое, в таком почтенном возрасте, но коты — они народ мудрый и понимают, с кем имеют дело.

Остров летчиков

Один молодой летчик слышал, что где-то в океане есть волшебный остров и на нем сад и дворец, и если пролетишь над этой территорией, то сад пахнет на десять километров вверх, так что у экипажа кружится голова, и забыть это ощущение невозможно.

Каждый летчик стремится вернуться туда и пролететь еще раз над тайным садом, но остров лежит в стороне от всех маршрутов, его еще надо отыскать, кроме того, он не всегда является (разумеется, его нет ни на одной карте мира, не ищите), и надо потратить часы лётного времени, а каждый час это сотни километров, большой расход керосина.

А у нашего молодого летчика был свой небольшой сад, доставшийся ему от матери — обыкновенный дом, газон, пять кустов жасмина, две старые груши и одна слива.

Но летчик разводил там еще и розы, тюльпаны, пионы, ромашки, васильки и настурции, хотя в итоге никакого особенного аромата в саду не наблюдалось — пахло китайским чаем и свежестью, а после дождя пахло землей.

Услышав от одного товарища об острове, молодой летчик решил во что бы то ни стало добраться туда на самолете, и ему это однажды удалось — он сделал небольшой крюк во время исполнения ночного рейса, пассажиры ничего не заметили, они сладко спали над океаном, экипаж тоже вздремнул, и вот тут наш молодой летчик рванул с большой скоростью в сторону, отклонился на тысячу километров от курса.

Что-то его притягивало, какой-то слабый знак или звук, он даже закрыл глаза (товарищ его говорил именно об этом странном ощущении) — и вдруг все вокруг переменилось.

Внизу во тьме светился маленьким огоньком дворец (видимо, окно под крышей), а сам летчик оказался в облаке запахов, которых он никогда раньше и не нюхал — ночь пахла не лавром и лимоном, не медом и чаем, не жасмином и белой сиренью, и не так как новая лайковая перчатка, как рыжик во мху, как земляника в полдень на поляне, как теплая ванильная булочка зимним утром, и не как мамина ладонь у тебя на лбу, и не как фиалка ночная красавица среди папоротников — это было что-то еще, нежное, сильное, но неуловимое.

Летчик вскочил, хотел разбудить всех, но передумал, тем более что аэродром, куда он должен был приземлиться уже через полчаса, настойчиво доискивался, куда смылся целый лайнер с пассажирами.

Конечно, потом были большие неприятности, самолет, само собой, опоздал, встречающие волновались, информация сбилась с ног: короче, начальник уволил нашего летчика, да еще и приговорил его к штрафу, к такому огромному, что летчик вынужден был продать дом и сад, матушкино благословение, да еще и занять очень большую ссуду в банке — хотя все товарищи дружно защищали его, ссылаясь на то, что это был временный провал в памяти, мало ли.

Себе летчик оставил только маленький клочок земли размером с автобус (междугородний).

Однако жить было надо, и наш бывший летчик попросился назад на аэродром в так называемую наземную службу — подвозить к самолету запакованные обеды.

Его взяли, так как известна была его честность и порядочность, и за сохранность обедов можно было не беспокоиться.

А историю с исчезновением ему простили, так как, во-первых, никто не догадался, что он специально исчезал в поисках острова, а во-вторых, он полностью уже расплатился как за истраченный керосин, так и за все пропавшие железнодорожные билеты пассажиров, и он даже заплатил за авиабилет и такси одному особенно взволнованному человеку, который кричал, что ему теперь не нужны

никакие деньги, так как из-за задержки рейса он упустил свой поезд, а его должна была прийти встречать одна собака, и именно к последнему вагону, она всегда приходила почему-то встречать именно его и именно к последнему вагону, и в этот раз он решил эту собаку усыновить за ее верность — и нате, самолет опоздал!

Он так кричал и бесновался, повторяя, что не знает адреса собаки, а она не знает его адреса и все потеряно, что летчик дал ему деньги на авиабилет и на такси от аэропорта к последнему вагону поезда, вот так!

Короче, наш летчик все-таки вернулся к нормальной жизни и даже стал снова выращивать на своем клочке земли цветы — другие летчики жалели своего товарища и привозили ему семена откуда могли: трудно, что ли, проходя по чужому парку где-нибудь вдали от родины, сорвать стручок, засохший цветочек или кисточку ягод!

А ведь там, внутри, как раз и лежат нужные семена.

Наш поставщик запакованных обедов все свое свободное время трудолюбиво выращивал эти семена и даже построил в окружении своих новых цветов дворец в полметра высотой из мелких камней, и даже провел туда электричество и ввинтил лампочку от карманного фонарика, чтобы ночами в его довольно маленьком саду горело одно окошко под крышей дворца.

Себе он поставил там же будку в три этажа, трудно, что ли, натаскал камней из оврага и построил — на верхнем этаже у него была даже оранжерея под стеклянной крышей, на среднем этаже помещалась раскладушка и книги, а на нижнем он хранил лопату, лейку и удобрения, и имелся также большой подвал для семян, клубней и луковиц (уж под землей-то места было достаточно, рой вглубь хоть на десять метров!).

Со своего этажа ночами он прекрасно видел маленький дворец со светящимся окном, и иногда летчику казалось, что он снова летит над волшебным островом и вдыхает тот запах, который пока еще не встречался ему на земле, разве что когда мама целовала его перед сном в новогод-

нюю ночь, а он лежал в своей кроватке среди ее бедных подарков и был счастлив, укрыт и любим.

А у них в лётном отряде был еще один пилот, тот самый, который и проговорился как-то за стаканом рома об острове своему младшему другу — знаете, как это бывает с пьяными: возьмет и расскажет о самом дорогом.

Так вот, не один наш разносчик запечатанных обедов знал про остров — ром можно купить на любом углу, и таким образом о тайне пронюхал начальник.

Этот начальник никогда в жизни не сидел за штурвалом самолета, а начальством он стал по знакомству, так бывает, его двоюродный брат женился на дочери замминистра, и пошло-поехало, вся родня вскоре была пристроена.

Сам начальник был из почтенной семьи перекупщиков краденого, а поскольку все они жили недалеко от аэродрома, то и постепенно специализировались именно на краденном авиабагаже, то есть опыт работы с пассажирами в семье уже имелся.

Поэтому, став начальником, этот сын перекупщиков краденого сделался очень строг к нарушителям дисциплины, боясь, как бы кто чего не подумал о нем.

Самые строгие начальники как раз и водятся в мире бандитов, это общеизвестно: там они не увольняют, не тратят время, а чуть что — расстреливают свой трудовой коллектив, а затем набирают новый.

Короче, как только этот начальник прослышал о таинственном острове, из-за которого нарушается дисциплина, он стал настаивать на том, чтобы его немедленно отвезли туда по делу.

Старый пилот, проговорившийся начальнику, как-то плакал за стаканом рома, а бывший летчик (ныне развозящий запечатанные обеды) сидел с ним и думал, что делать.

Положение осложнялось тем, что начальник требовал для своей командировки старинный бомбардировщик, и уже одно это было подозрительно.

В конце концов молодой бывший летчик уговорил старого (на это пошла лишняя бутылка рома) взять его

с собой в этот полет на бомбардировщике, и в назначенный вечер хмурый толстый начальник в полной летной форме и при орденах (все-таки замминистра — большая сила) с каким-то чемоданчиком взшел на борт бомбардировщика, не подозревая о том, что его сопровождает еще и грузчик готовых обедов, готовый на все.

Начальник потребовал у пилота открыть бомбовый люк (этот люк открывался прямо из салона самолета, такая устаревшая была конструкция), и положил туда, очень бережно, свой чемодан, после чего прошел в кабину и сел на почетное, как ему показалось, место у окна.

Что касается бывшего летчика, который спрятался под брезентом, то он, со своей стороны, быстро вытащил чемоданчик обратно, бесстрашно открыл его и вынул оттуда одну маленькую штучку, а затем захлопнул чемоданчик, положил его на место, закрыл бомбовый люк и снова лег под брезент рядом — на всякий случай.

Самолет разбежался и тяжело повис в воздухе, гудя своими старыми моторами, и вот ближе к полуночи наш транспортировщик запечатанных обедов услышал нежный, ласковый запах острова и одновременно дикий крик в кабине пилота: это орал начальник.

— Как не открывается? — вопил он. — Как это бомбовый люк может не открываться? Ты мне ваньку не валяй тут, понимаешь! Только что открывалось! Стрелять буду!

— Так вручную открывалось. Этому катафалку сто лет, механика не работает!

— Стрелять буду! — визжал начальник.

— Да заело крышку! — хрипло кричал в ответ старый летчик.

— Так кувалдой! Разводной ключ имеешь? А ну иди! Иди открывай вручную.

— Я пойду, я пойду, а кто этот гроб поведет, ты что ли, начальник? — хрипел летчик у штурвала. — Я не хочу поцеловать носом этот островок!

— Я тебя... за это знаешь куда отдам? Да я тебя... я тебя премии лишу!

А волшебный запах заполнил весь самолет, и внизу, видимо, уже проплывал огонек замка, но молодой бывший летчик не смотрел в окно, а лежал под своим брезентом.

В кабине тем временем продолжался крик.

— Обратно, скотобойня! — кричал начальник. — Поворачивай оглобли!

— Домой? — кричал пилот.

— Не домой, хроник! Вот вернемся, я тебя уволю! Заходи над объектом, ты, независимый! Видишь, внизу лампочка светит? Вот делай круги туда-сюда, понял? А я пойду сам соображу.

И спустя мгновение бывший летчик из-под своего брезента увидел, как начальник подбегает и, пыхтя, открывает крышку люка.

Дикий, одуряющий запах сада чуть не сшиб его с ног.

Начальник даже зашатался.

У летчика под брезентом тоже закружилась голова.

Но тем не менее он выскочил из-под брезента и столкнулся своего толстого бывшего начальника в бомбовый отсек, а затем захлопнул крышку и задраил ее как следует, до упора.

После чего он побежал в кабину.

Старый пилот плакал.

Бомбардировщик делал круги над островом, в кабине стоял запах чего-то настолько прекрасного, что хотелось выпрыгнуть из самолета и полететь по-глупому, маша руками.

Внизу моргал огонек под крышей дворца.

Фляжку с ромом старый пилот держал неотлучно при губе, отчего самолет бултыхался как жидкость в его посудине — или наоборот.

Грузчик запечатанных обедов сменил своего старого товарища за штурвалом и, зорко глядя вниз, повел самолет на снижение.

— Я взорвал остров, слышишь? — хрипел старый пилот. — Ты что делаешь, шенок?

— Я иду к берегу. Слушай, там есть какой-нибудь пруд на побережье?

— Навалом! Тут же пляжи, тут и бассейны. А что тебе?
— Увидишь.

Через час полета бомбардировщик нарушил границы соседнего государства и с редкой точностью сбросил в бассейн отеля «Пента» бомбовый груз, который приземлился с большим шумом в виде толстого мужчины и тут же был выловлен двумя пьяными охранниками отеля, которые отдыхали в шезлонгах у бассейна и были теперь мокрые с головы до ног (взрывная волна).

«Что, однако, за идиоты работают в соседней стране», — думали тамошние разведчики, получив в свои руки такой подарок судьбы (где пойманный шпион, там премии и награды) — диверсанта сбрасывают в полном обмундировании, с документами и орденами, однако без парашюта, это раз. И тут же, буквально на голову ему же, сбрасывают чемодан с бомбочкой, полный бред. Но без взрывателя, что тоже необъяснимо.

Во всяком случае, пьяные охранники из отеля «Пента» прославились на всю страну, их снимали в мокром виде вместе с обалдевшим, тоже мокрым, шпионом, а также отдельно от него, на завтра их совместные портреты были опубликованы на первых страницах газет и т.д.

Происходил большой переполох.

Пограничники гордились своим шпионом, как грибники белым грибом.

А старый бомбардировщик тем временем тихо-мирно вернулся на аэродром без начальника.

Вскоре из соседнего государства последовал запрос о шпионе, майоре Н., а в его доме при обыске нашли множество бомб и ножей, причем на чердаке были свалены пустые чемоданы, ранее украденные из багажного отделения аэропорта.

Мама шпиона и вся его семья тут же поклялись, что все это принадлежит только ему: такое у мужчины было хобби, воровать.

Они здраво рассуждали: если уж он сидит в тюрьме, пусть сидит.

А молодой бывший пилот, вернувшись к себе в свою трехэтажную будку, сладко заснул, потому что когда все удаётся, люди очень устают и хорошо спят.

Во сне ему снился сад, и он летал среди цветов острова на маленьком самолете типа «стрекоза», и запахи сада баюкали его всю ночь.

Утром же, проснувшись, он обнаружил у себя в саду новые диковинные цветы — видимо, за эту ночь проросли все семена, зерна и бобы, подаренные ему товарищами.

Из-за ограды выглядывали удивленные соседи, все бабочки округи порхали над крошечным садом летчика, и вообще обстановка сильно напоминала сон, потому что этот клочок земли нестерпимо благоухал.

Мало того, молоденькая дочка соседей, существо, похожее то ли на подснежник, то ли на цветок земляники — эта девушка помахала ему из-за ограды рукой, покраснела и спросила, не хочет ли сосед выпить с ними чашку чая, а то папа с мамой интересуются насчет семян, отводков и корней.

Разумеется, он тут же откликнулся на это приглашение прекрасной соседки.

Надо ли говорить, что там, где обычно кончатся сказка, начинается счастливая жизнь...

**Нечеловеческие
приключения**

- Жил-был Трр 7
Будильник 8
Дай капустки!.. 9
Сказка с тяжелым концом 10
Пушинка 10
Моллюск и Моллюска 12
Молодой Осел 14
Все непонятливые 17
Верблюжий горб 19
Заячий хвостик 21
Кот, который умел петь 23
От тебя одни слезы 25
Жучок-водомерка 28
Паровоз и лопата 34
Красивая Свинка 39
Самовар 48
Старая дружба 54
Тельняшка Джек 57

**Лингвистические
сказочки**

- Путьки бятые 79
Бурлак 80

Приключения Барби

- Барби улыбается 83
- Барби-волшебница 87
- Барби и кукольный дом 91
- Барби-волшебница и лес 99

Приключения с волшебниками

- Белые чайники 109
- Чемодан чепухи 112
- Мастер 117
- Мальчик-бубенчик 122
- Волшебная ручка 127
- Осел и козел 130
- Счастливые кошки 134
- Девушка-Нос 139
- Секрет Марилены 144
- Отец 159
- Сказка о часах 165
- Анна и Мария 171

Королевские приключения

- Сны девочки 183
- Глупая принцесса 189
- Принцесса Белоножка,
или Кто любит, носит на руках 196
- Приключение
в космическом королевстве 203
- Принц с золотыми волосами 217
- Верба-хлёст 233

Приключения людей

Лечение Василия 255

Гирлянда птичек 258

Человек 259

Дядя Ну и тетя Ох 260

Сказка про веник и палку 262

Гусь 268

Роза 274

Волшебные очки 276

Котенок Господа Бога 284

Что говорил самолет 288

Дедушкина картина 291

Матушка-капуста 299

Две сестры 305

За стеной 331

Остров летчиков 341

Литературно-художественное издание

ПЕТРУШЕВСКАЯ ЛЮДМИЛА СТЕФАНОВНА

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В 5 томах

Том 4

КНИГА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Сказки для детей и взрослых

Ответственный за выпуск В. В. Гладнева
Художественный редактор Ю. А. Модлянский
Технический редактор Л. Т. Ева
Корректра автора

Подписано в печать с готовых диапозитивов 19.07.96. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская. Гарнитура Тип Таймс. Печать офсетная. Усл.
печ. л. 20,16. Усл. кр.-отг. 20,62. Уч.-взд. л. 19,8. Тираж 11 000 экз.
Заказ № 508.

«Фоліо». 310002, Харьков, ул. Чернышевского, 34.

ТКО АСТ. Лицензия ЛР № 060519. 143900, Московская обл.,
г. Балашиха, ул. Фадеева, 8.

При участии ТОО «Харвест». Лицензия ЛВ № 729 и МППО
им. Я. Коласа. Лицензия ЛВ № 82.

Мянский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат МППО
им. Я. Коласа. 220005, Минск, ул. Красная, 23.

Качество печати соответствует качеству предоставленных
издательством диапозитивов.

DISTRIBUTED BY
EAST VIEW PUBLICATIONS
eastview@eastview.com
Fax (612) 555-2931
<http://www.eastview.com>

